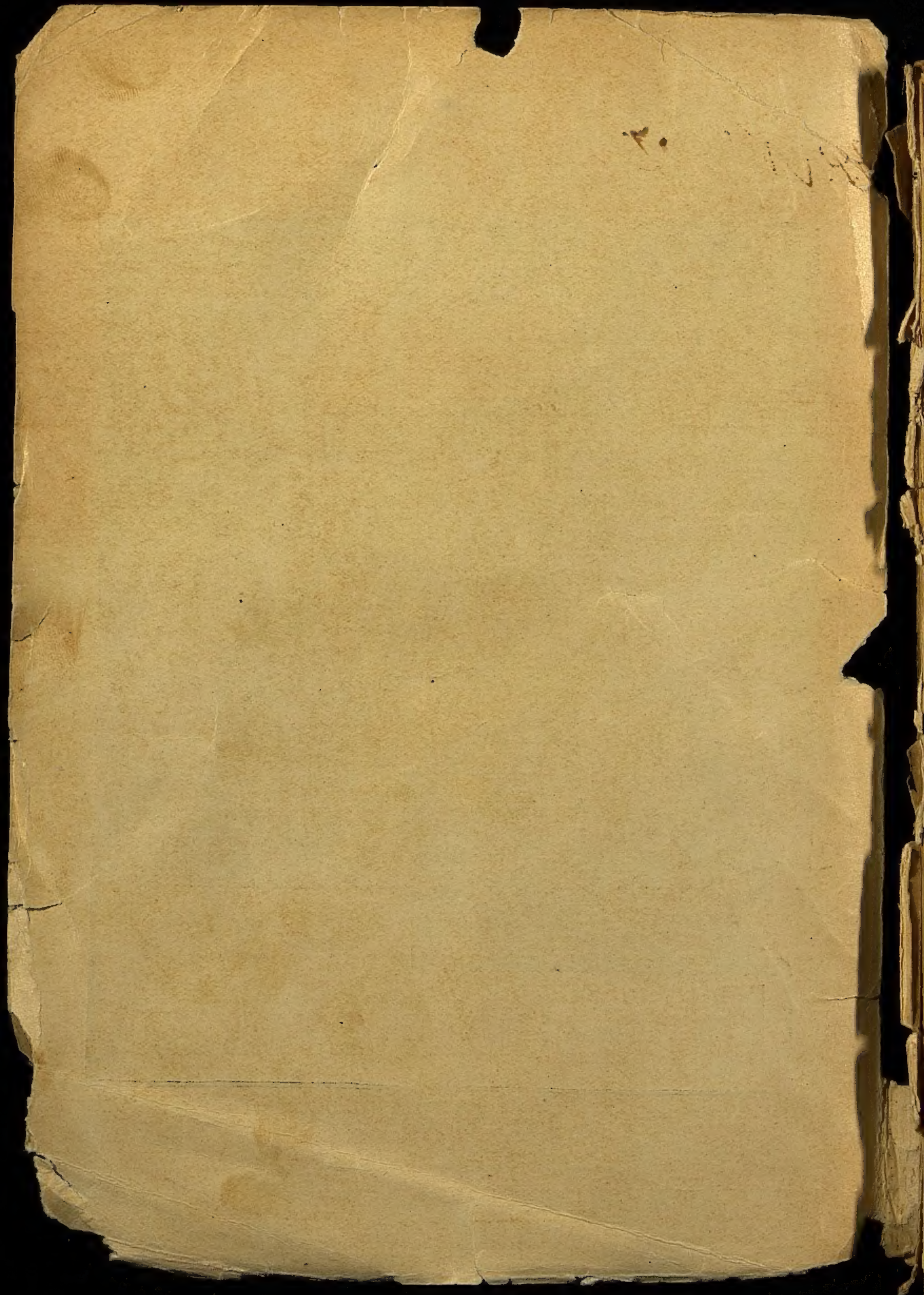
Н. Брешко-Брешковскій

Кровь Гогенцоллерновъ

Петроградъ

Н. Н. БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ.

КРОВЬ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.
1915.

Оглавленіе.

Кровь Гогенцоллерновъ.

I.

Здѣсь никогда не спрашивали, кто вы, откуда вы и сцѣпленіе какихъ обстоятельствъ, причинъ и судебъ, капризнымъ броскомъ судьбы закинуло васъ сюда, въ Африку, въ Сиди-бель-Аббэ, на квадратный дворъ низенькихъ одноэтажныхъ казармъ Перваго полка Иностраннаго Легіона?

Для очистки совѣсти развѣ лишь, задавались вопросы эти полковымъ адъютантомъ. Исключительно формальности ради. Въ маломальскую правдивость отвѣтовъ не вѣрили— ни спрашивавшій, ни отвѣчавшій. За самыми рѣдкими исключеніями, новый легіонеръ всегда скрывалъ и свое имя, и свою профессію, и чѣмъ занимался раньше, и свое общественное положеніе, и свою національность. Все скрывалъ самымъ тщательнымъ образомъ! Да, и не могло быть иначе.

Въ Иностранный Легіонъ, въ большинствѣ случаевъ, шли всегда тѣ, кому нужна была гражданская смерть, смерть—при жизни. Шли тѣ, у кого имѣлось достаточное основаніе

скрывать свое прошлое, нерѣдко столь-же темное, сколь и позорное.

Изъ Марселя прибыла только что подъ командою унтеръ-офицера новая партія завербованныхъ,—вѣрнѣе они сами себя завербовали,—рекрутовъ. Старый, бывалый, всякіе виды видавшій унтеръ-офицеръ Потлетъ, на своемъ вѣку немало переправившій чрезъ Средиземное море изъ Марселя въ Оранъ и Алжиръ этого „человѣческаго товара“, поставилъ въ шеренгу на утреннемъ солнцепекѣ своихъ рекрутовъ. И такъ же пестра была эта шеренга, какъ сама жизнь человѣческая...

Унтеръ-офицеръ пересѣкъ чистый, усыпанный гравіемъ дворъ, скрылся въ дверяхъ полковаго штаба и вышелъ оттуда вмѣстѣ съ изящнымъ адъютантомъ. Лейтенантъ Мапу былъ въ полной парадной формѣ. Это уже такая традиція,—перваго пріема и окончательной записи рекрутовъ. Лихо сдвинуто на бокъ расшитое золотомъ красное кэпи. Вздрагивали на ходу густые бахромчатые эполеты чернаго мундира, и золотомъ горѣлъ на груди эксельбантъ. Свѣжая складка широкихъ, суживающихся книзу красныхъ штановъ. На лакированныхъ ботинкахъ позванивали шпоры. Унтеръ-офицеръ несъ за адъютантомъ книгу канцелярскаго образца въ заношенномъ переплетѣ. Остановившись вдругъ, по военному, передъ шеренгою этихъ „человѣческихъ

документовъ“, Мапу, отдавъ честь, привѣтствовалъ ее:

— Здравствуйте, господа!

Въ отвѣтъ онъ услышалъ что-то нестройное и довольно разноязычее.

И немудрено, такъ какъ добрая половина этихъ людей не знала по-французски ни слова.

Унтеръ-офицеръ подалъ лейтенанту книгу и перо-автоматъ. Начался опросъ.

Этого молодца въ мундирѣ прусскаго улана, и спрашивать нечего. Весь, какъ на ладони! Стоялъ со своимъ полкомъ на границѣ Эльзаса и бѣжалъ во Францію, въ чемъ былъ, въ мундирѣ съ бѣлымъ нагрудникомъ и въ киверѣ. Нѣмецъ чистокровный, изъ Ганновера. Причина дезертирства—жестокое обращеніе офицеровъ. Онъ такъ и заявилъ:

— Жестокое обращеніе!..

Свѣтлые усы лейтенанта Мапу дрогнули въ усмѣшкѣ.

Дальше,—какой-то неинтересный блузникъ съ большими руками чернорабочаго. И лицо—самое обыкновенное, плоское, невыразительное. Бывшій механикъ, или водопроводчикъ. Слѣдующій — бритый „интеллигентъ“ въ очкахъ. Онъ могъ быть и пасторомъ, и докторомъ медицины и, пожалуй—нотаріусомъ. Въ отвѣтъ—промямлилъ на дурномъ французскомъ языкѣ, что работалъ „по письменной части“. Рядомъ съ нимъ типичный бульвар-

дье, въ на затылокъ съѣхавшемъ котелкѣ, одѣтый неряшливо и небрежно, хотя, по всей видимости, заказывалъ когда-то у лучшихъ портныхъ. Какой-нибудь промотавшійся хлыщъ, для котораго Иностранный Легіонъ явился послѣдней ставкою.

Крайній правофланговый, самый высокій рекрутъ удивилъ даже унтеръ-офицера Потлета, рѣдко чему удивлявшагося. Это былъ стройный и сильный красавецъ—мужественной красоты бѣлокураго и голубоглазаго скандинавскаго бога. Этому „скандинавскому богу" было лѣтъ двадцать восемь. Въ сдержанной увѣренности, въ осанкѣ, въ горделивой манерѣ носить голову, во всемъ угадывался человѣкъ хорошаго тона и общества. И несомнѣнно—бывшій военный. Отлично сшитый сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы сидѣлъ, какъ мундиръ, на прямой, плечистой фигурѣ съ выпуклой грудью. Лейтенантъ Мапу не сомнѣвался, что передъ нимъ германскій офицеръ, вообще, и прусскій въ частности... Офицеръ-аристократъ. Лицо молодое, породистое. И еслибъ не свѣтлая большая борода, онъ казался бы еще моложе. Какія житейскія бури положили свою печать на крупныя, правильныя черты? А изъ голубыхъ глазъ смотрѣла одинокая, замкнутая въ себѣ печаль...

Отъ адъютанта не ускользнуло и тонкое, сверкающее бѣлье. И хотя на молодомъ че-

ловѣкѣ, строго одѣтомъ въ черное, не было ни одной драгоцѣнности, вѣрнѣе, именно поэтому, угадывалось, что гдѣ-то въ оставшемся позади таинственномъ „тамъ“, котораго онъ здѣсь никому не откроетъ, — онъ жилъ не только богато, но и въ большомъ почетѣ и занималъ видное положеніе.

— Ваше имя?

— Августъ Фишеръ.

„Вретъ“—подумалъ адъютантъ, записывая „Августъ Фишеръ“...

— Ваша національсть?..

— Бельгіецъ.

„Вретъ!“

— Ваша профессія?..

Мапу не могъ удержаться отъ улыбки... Онъ ясно представилъ себѣ этого „коммерсанта“ въ кирасирскихъ латахъ и въ сіяющей каскѣ, подъ которой выиграло бы его мужественное лицо.

Августъ Фишеръ правильно говорилъ по-французски. Даже слишкомъ правильно. Такъ говорятъ на чужомъ языкѣ, боясь ошибиться.

Опросъ конченъ. Книга передана унтеръ-офицеру. Адъютантъ обратился къ новымъ легіонерамъ:

— Господа, вы приняты. Медицинскій осмотръ въ Марселѣ показалъ, что всѣ вы люди здоровые, могущіе переносить суровыя тяготы походной и боевой жизни въ пустынѣ.

Васъ предупреждали, но я считаю долгомъ напомнить еще разъ, что легіонеры съ перваго же дня попадаютъ въ условія строгой дисциплины. У насъ нѣтъ и въ поминѣ жестокостей, о которыхъ въ Германіи написаны цѣлыя клеветническія книги. Доказательство этому, что едва ли не пятая часть всего Полка состоитъ изъ германскихъ дезертировъ, бѣжавшихъ отъ варварскаго обращенія своихъ офицеровъ. Тѣлесныя наказанія, разумѣется, сущій вздоръ!.. Всѣ эти дисциплинарныя взысканія въ легіонѣ сводятся къ аресту и карцеру. И то и другое—ничуть не оскорбляютъ воинской чести и достоинства.

Пожелавъ новымъ легіонерамъ честно и храбро служить, защищая интересы французской республики и славу своего знамени, адъютанъ ушелъ въ канцелярію штаба.

— Есть что-нибудь интересное въ этой новой порціи молодчиковъ? — спросилъ его сухощавый, съ внѣшностью типичнаго офицера второй имперіи, командиръ полка виконтъ де-Фоконье.

— Есть, господинъ полковникъ. Правда, единственный экземпляръ, но зато великолѣпный! Ахъ, эти прусскіе офицеры! За километръ угадываешь выправку. Подъ чѣмъ угодно. Подъ монашеской сутаною, подъ синей блузой рабочаго! Но у этого, господинъ полковникъ, смягчено все какимъ-то

благородствомъ. Онъ вовсе не изъ тѣхъ окаррикатуренныхъ лейтенантовъ и ротмистровъ, стекавшихся къ намъ изъ Берлина, Данцига, Мюнхена и Кобленца, волочившихъ за собою свое темное прошлое и запачканный хвостикъ. Этотъ, несомнѣнно, вращался въ лучшихъ кругахъ, и что-нибудь другое, болѣе сильное и глубокое, чѣмъ нечистая игра въ карты, или растрата казеннаго ящика, бросило его въ объятія Иностраннаго Легіона...

— Милый Мапу, насъ ничѣмъ не удивишь! Я восьмой годъ командую полкомъ. Да и раньше служилъ здѣсь молодымъ офицеромъ. Я видѣлъ подъ синимъ капотомъ рядового принца одной славянской державы.

Но, во всякомъ случаѣ, вы меня заинтриговали, мой милый Мапу, и я хочу посмотрѣть вашего „коммерсанта изъ Бельгіи, Августа Фишера".

2.

Свѣтлобородый блондинъ, именовавшійся Августомъ Фишеромъ, устроился въ указан-

ной ему унтеръ-офицеромъ Потлетомъ ротной казармѣ. Августъ Фишеръ получилъ желѣзную койку. Возлѣ нея—маленькій шкапчикъ для бѣлья и всякой солдатской всячины. Сурово, просто, но для казармы нижнихъ чиновъ ротное помѣщеніе отличалось не только безукоризненной чистотою, но даже уютомъ, хотя это слово рѣдко согласуется съ холоднымъ и грубымъ словомъ „казарма".

Отношенія Августа Фишера къ его новымъ товарищамъ опредѣлились съ первыхъ же шаговъ соприкосновенія съ ними, съ момента превращенія безукоризненно одѣтаго штатскаго джентльмэна въ солдата-легіонера. Онъ не корчилъ изъ себя барина, дворянчика, наоборотъ, проявляя на каждомъ шагу товарищескую простоту равнаго къ равнымъ. Однако, въ этой простотѣ угадывалась, ничьего самолюбія не оскорбляющая, сдержанность. Особенно проявлялась эта сдержанность по отношенію къ нѣмцамъ. Августъ Фишеръ отгородился отъ нихъ какимъ-то желѣзнымъ кольцомъ. И это не было подчеркнуто, нѣтъ, но неуловимо чувствовалось. Августъ Фишеръ избѣгалъ говорить по-нѣмецки. И, если къ нему обращались на этомъ языкѣ, отвѣчалъ всегда по-французски.

Въ первой ротѣ, куда зачислилъ адъютантъ Фишера, было много нѣмцевъ, большинство—дезертиры гвардейскихъ и кавале-

рійскихъ полковъ. Народъ внѣ казармъ, скованныхъ дисциплиной, тамъ, на улицахъ небольшого африканскаго городка, въ дешевыхъ кафэ и кабачкахъ—разгульный и пьяный,—нѣмцы какъ-то особенно почтительно держали себя въ присутствіи Фишера.

Унтеръ-офицеръ Потлетъ не могъ нахвалиться Фишеромъ. Въ строю, на ученьи,—это было одно совершенство. Строгій, придирчивый Потлетъ не находилъ для Фишера ни одного замѣчанія. За стрѣльбу Фишеръ въ первый же мѣсяцъ получилъ жетонъ.

— Видимо, этотъ молодчикъ прошелъ недурную школу!—докладывалъ Потлетъ ротному командиру.

Въ свободное время Фишеръ читалъ французскія и англійскія книги. Онъ привезъ нѣсколько ихъ въ своемъ чемоданѣ желтой кожи. На верхней крышкѣ чемодана, облѣпленнаго ярлыками отелей, было что-то соскоблено. Остались разрозненные клочки темныхъ пятнышекъ. Одинъ легіонеръ увѣрялъ, что если-бы эти пятнышки продолжить, возстановить, получилась бы корона...

Иногда передъ вечеромъ, въ льготные отъ занятій часы, Августъ Фишеръ уходилъ за городъ, въ пустыню. И задумчиво, медленно двигалась на фонѣ голыхъ и желтыхъ пескомъ фигура въ кэпи съ бѣлымъ чахломъ и въ синемъ, длинномъ капотѣ съ малиновыми,

бахромою падавшими эполетами и въ красныхъ штанахъ. Подбитые гвоздями шнурованные башмаки, оставляли слѣдъ на мелкомъ сыпучемъ, еще не успѣвшемъ остыть послѣ дневного зноя пескѣ. Желтые бугры уходили вдаль волнами застывшаго, песчанаго моря. Иногда это море оживлялось вереницею покачивающихъ маленькими змѣиными головами верблюдовъ. На высокихъ горбахъ сидѣли бронзовые мужчины и женщины, сверкая глазами, такими черными, огненными на фонѣ бѣлыхъ покрывалъ и капюшоновъ. И такіе же бронзовые мальчишки, стройные, полунагіе, бѣжали рядомъ, не выпуская изъ рукъ тонкихъ, какъ плеть, верблюжьихъ хвостовъ. Этимъ они погоняли уродливыхъ, несуразныхъ животныхъ.

Промчится въ тучахъ песку взводъ „голубыхъ" африканскихъ стрѣлковъ, и опять все пустынно и тихо, и стелются безъ конца-краю желтые бугры навстрѣчу теплой аспидно-розоватой дымкѣ, охватившей полгоризонта...

Къ вечерней девятичасовой зарѣ Августъ Фишеръ былъ уже на мѣстѣ, въ казармѣ. Такой аккуратностью немногіе солдаты могли похвастать, возвращавшіеся поздно, хмельные, разгульные и за это получавшіе арестъ, или темный карцеръ.

Полковникъ де-Фоконье подъ какимъ-то

предлогомъ потребовалъ однажды къ себѣ въ свой штабный кабинетъ рядового Фишера. Задалъ ему нѣсколько вопросовъ. Фишеръ, вытянувшись, отвѣчалъ съ офиціальной почтительностью, но виконтъ, при всемъ своемъ желаніи, такъ и не могъ ничего вывѣдать. Фишеръ былъ загадоченъ и непроницаемъ.

Прошло два мѣсяца съ того дня, какъ унтеръ-офицеръ Потлетъ вернулся изъ Марселя со свѣжей „порціей" новыхъ легіонеровъ, среди которыхъ былъ Августъ Фишеръ. На его имя получилось письмо въ плотномъ конвертѣ со штемпелемъ германскаго посольства въ Парижѣ. Почта приходила въ штабную канцелярію. Мапу вызвалъ Фишера, чтобы лично передать ему это письмо и увидѣть, какое оно произведетъ впечатлѣніе. Но Фишеръ безстрастно взглянулъ на конвертъ, сунулъ письмо въ карманъ и, отпущенный лейтенантомъ, повернулся на каблукахъ и вышелъ. Убѣдившись, что за нимъ никто не слѣдитъ, онъ вынулъ письмо, не читая, разорвалъ его, не спѣша, на мелкіе кусочки и развѣялъ ихъ по вѣтру.

Черезъ мѣсяцъ—второе письмо. Тоже въ плотномъ конвертѣ, тоже съ посольскимъ штемпелемъ и тоже разорвалъ его, не читая, Августъ Фишеръ.

Такъ рвутъ люди съ прошлымъ, которое хотятъ забыть, вычеркнуть навсегда, но ко-

торое издалека откуда-то, нежеланное и постылое, все же время отъ времени напоминаетъ о себѣ, назойливо пробуя уцѣпиться...

Онъ не хотѣлъ никакихъ писемъ. Онъ ничего не хотѣлъ, кромѣ покоя. И монотонная жизнь на краю пустыни, жизнь колоніальнаго французскаго солдата съ ея разумной человѣческой дисциплиной, давала ему этотъ покой. Онъ не поручится за дальнѣйшее, но дѣйствительность настоящаго, какъ она есть, удовлетворяетъ его до поры, до времени, если, вообще, мыслящее, живущее исканіями существо можетъ быть когда-нибудь удовлетвореннымъ?

По вечерамъ, да и не только по вечерамъ, легіонеры сходились въ кафэ, носившемъ романтическое названіе „Льва Пустыни". Хозяинъ этого учрежденія, тучный, съ водянистыми глазами астматикъ, былъ нѣмецъ и по слухамъ — германскій шпіонъ. Установлено это не было, но это было весьма и весьма возможно. Вѣдь изъ ста нѣмцевъ, заброшенныхъ на чужбину, девяносто пять всегда навѣрное окажутся шпіонами своего фатерлянда. Платными, или безплатными, нарочито командированными или добровольцами,—это уже другой вопросъ.

„Левъ Пустыни" изукрашенъ былъ и сусальной позолотою, и грубой аляповатой росписью стѣнъ и плафоновъ, лѣпными карни-

зами, плюшевыми диванами вдоль стѣнъ и зеркалами. Словомъ, всѣмъ, что полагается настоящему кафэ „хорошаго тона“. Въ глубинѣ—эстрада и на ней разбитое піанино въ сообществѣ нѣсколькихъ жиденькихъ пюпитровъ. По вечерамъ здѣсь увеселялъ публику оркестръ какихъ-то черномазыхъ и потныхъ людей, не то румынскаго, не то южно-итальянскаго происхожденія. Желтые, расхлябанные клавиши, пожелтѣвшіе, какъ зубы стараго, никуда негоднаго мула, хрипѣли, захлебываясь, подъ развязными, неопрятными пальцами румыно - левантино - итальянца. Остальные, встряхивая нечесаными копнами волосъ, припадали своими плохо выбритыми подбородками къ дешевенькимъ скрипкамъ, и американскіе марши, кэкъ-уоки, матчиши и „китаянки“, чередуясь съ марсельезой, смѣняли другъ друга со скуднымъ, нищенскимъ однообразіемъ. А пестрая, шумная толпа кругомъ, прохлаждавшаяся на открытой верандѣ, пила коньякъ, абсентъ, густой кофе въ крохотныхъ чашечкахъ и тянула черезъ соломинку всевозможныя прохладительныя вродѣ „арончаты“ и „граниты“.

За столиками, въ своихъ синихъ капотахъ, съ плоскимъ штыкомъ у пояса, сидѣли старые, молодые и пожилые легіонеры. Бывшіе актеры, чиновники, акробаты, комми-вояжеры, прогорѣвшіе купцы, дезертиры, авантюристы,

убійцы, свѣтскіе дебоширы. Были среди нихъ и отслужившіе въ Легіонѣ четвертое и даже шестое пятилѣтіе. Для нихъ вся жизнь сосредоточивалась въ легіонѣ съ его интересами. Внѣ Легіона, эти крѣпкіе, высушенные пустынею люди съ просѣдью и въ шрамахъ, знать ничего не хотѣли.

Фишеръ, сидя за большой рюмкой душистаго коньяку и дымя коротенькой трубочкою, любилъ слушать разсказы этихъ старыхъ африканцевъ. Добродушно, снисходительно, презирая молодежь, они вспоминали былые походы и игры, вспоминали свои кровавыя приключенія въ Индо-Китаѣ, въ дебряхъ Конго, въ пустынѣ Судана, въ тропическихъ чащахъ Мадагаскара.

И тутъ же арабы въ своихъ живописныхъ, бѣлыхъ бурнусахъ. Въ неподвижномъ величіи этихъ бронзовыхъ бородатыхъ шейховъ съ гордыми огненными глазами—такъ много востока... Приходили, звеня шпорами и гремя саблями, стройные и гибкіе, въ голубыхъ курткахъ, офицеры кавалерійскаго полка африканскихъ стрѣлковъ. Чуть не мела своими широкими шальварами полъ другая колоніальная кавалерія—спаи, сплошь изъ туземцевъ. Порою давали представленіе здѣсь кочующіе фокусники, заклинатели змѣй. Они глотали птицъ, раскаленные уголья, тушили языкомъ пламя свѣчей, протыкали себѣ горло

острыми и длинными иглами. Змѣи, шипя и блестя своей влажной чешуею, выползали изъ тростниковыхъ корзинъ. Онѣ то свивались упругими кольцами, то, повинуясь монотоннымъ звукамъ свирѣли, засыпали вдругъ, вытягиваясь въ прямую линію, и никто изъ самыхъ сильныхъ гостей кафэ, не могъ, при всемъ напряженіи, согнуть эти живые, одеревенѣвшіе, покрытые чешуйчатой кирасою стержни...

Звеня монетами въ густыхъ волосахъ, вбѣгали плясуньи, молодыя и гибкія, точно вылѣпленныя изъ цѣльнаго куска упругой терракотовой глины. И стоя на одномъ мѣстѣ, чуть шевеля маленькими босыми ножками, онѣ танцовали однѣми руками и послушнымъ, точно безъ костей, тѣломъ. И въ этихъ движеніяхъ, то плавно медленныхъ, то судорожно порывистыхъ, было какое-то завораживающее очарованіе. Сверкали въ истомѣ закатившіеся бѣлки громадныхъ, темныхъ глазъ, и какой-то сумрачной страстью вѣяло отъ искривленной линіи большого рта съ ослѣпительнымъ блескомъ крупныхъ и острыхъ зубовъ,—зубовъ хищнаго, кошачьей породы животнаго, а не женщины...

3.

Августъ Фишеръ въ этомъ кафэ по вечерамъ бывалъ рѣдко. Зато часто приходилъ

днемъ. Повернувшись спиною къ буфетной стойкѣ, чтобы не видѣть полной, отекшей физіономіи съ водянистыми глазами, онъ пилъ свой коньякъ и курилъ свою трубочку. И безъ всякаго уговора съ Фишеромъ, въ эти же самые часы приходилъ въ кафэ легіонеръ, носившій прозвище „Музыканта". У него было тонкое лицо, не успѣвшее загрубѣть въ казармѣ и въ пустынѣ, хотя онъ служилъ въ Легіонѣ уже два съ половиною года. Блѣдныя щеки вспыхивали безпокойнымъ румянцемъ, этой недоброй краскою чахоточнаго. Ни малиновые эполеты, ни штыкъ, ни кэпи съ задорнымъ, плоскимъ козырькомъ, все это вмѣстѣ ничуть не сообщало слегка сутуловатой фигурѣ Музыканта воинственно-солдатской внѣшности. Онъ и въ формѣ былъ самымъ „глубокимъ штатскимъ".

Музыкантъ, спросивъ себѣ турецкаго кофе, выпивалъ залпомъ густую и горячую гущу. Потомъ шелъ къ піанино, садился и взявъ тонкими худыми пальцами нѣсколько аккордовъ, начиналъ играть. Это были чудодѣйственные пальцы,—такъ необъяснимо повиновались имъ расхлябанные, желтые клавиши разбитаго піанино. У неряшливаго человѣка, съ нечесанной копною, піанино крикливо, сухо, стучаще кашляло. А чахоточный легіонеръ владѣлъ тайною извлекать изъ стараго, отслужившаго инструмента поразитель-

но чистые звуки, то нѣжные, пѣвучіе, то густые, мощные, покоряющіе. Музыкантъ не любилъ чужого и чаще импровизировалъ. И какія это выходили вдохновенныя импровизаціи!.. Властно манящія, увлекающія въ свѣтлыя и прозрачныя дали. И раздвигались стѣны съ аляповатой мазнею и сусальной рыночной позолотой... И кружились какіе-то легкіе, серебристые призраки, и сіяли нѣжныя, зовущія улыбки прекрасныхъ, поэтическихъ дѣвушекъ... И все это сливалось въ одинъ бунтующій аккордъ поруганной любви, разбитыхъ грезъ, невыплаканныхъ желаній...

Правильныя, породистыя черты Фишера, все его гордое лицо со свѣтлой бородою молодого скандинавскаго бога, такое всегда печальное, застывшее, озарялось какимъ-то мягкимъ отблескомъ... И если набѣгала грусть, то она была другая, чѣмъ всегда. И онъ не хотѣлъ видѣть ни коротко, по военному остриженной головы Музыканта, ни спины въ синемъ капотѣ со вздрагивающей бахромою эполетъ... Чудилась другая картина... Нарядная толпа, пышныя электрическія люстры, яркій, яркій свѣтъ... У длиннаго рояля сидитъ этотъ самый человѣкъ. Надъ вдохновеннымъ лбомъ откинуты назадъ густые волосы. Черный фракъ, бѣлоснѣжный вырѣзъ пластрона и эти самые пальцы, худые, тонкіе, прозрачные и,—когда это нужно,—потрясающе силь-

ные... Они чаруютъ весь залъ, притихшій, застывшій... И когда умеръ послѣдній звукъ, и очнувшаяся толпа зарукоплескала въ бѣшеномъ восторгѣ,—артистъ засыпанъ ароматнымъ дождемъ цвѣтовъ...

Кто онъ, этотъ человѣкъ, и что, какая катастрофа привела его сюда, на край безбрежныхъ песковъ и дала въ руки тяжелую винтовку?..

Самъ онъ никому ничего не говорилъ о своемъ прошломъ. Но говорили другіе, смутно, ощупью, догадками, потому что никто не зналъ правды.

Говорили, что тамъ, у себя на родинѣ въ Италіи, онъ былъ замѣчательнымъ піанистомъ-композиторомъ. И все ему улыбалось. И вмѣстѣ съ цвѣточнымъ, сыпался на него золотой дождь, который давали ему концерты. И вотъ—больное ревнивое чувство... Онъ убилъ женщину, ту самую, на которую молился. Судъ, тюрьма, позоръ... Загубленная репутація, сломанная жизнь. Призракъ чахотки. Въ результатѣ,—плохой солдатъ, извлекающій божественные звуки изъ разбитаго піанино въ африканскомъ кафэ нѣмецкаго проходимца.

Музыкантъ словно приросталъ къ піанино. Его нельзя было оторвать. Онъ игралъ до изнеможенія, до физической усталости, и рдѣвшія чахоточнымъ румянцемъ щеки становились влажными, а по лбу скатывался круп-

ными каплями потъ. Музыкантъ, отбросивъ свое худое, хрупкое тѣло на спинку стула и безсильно опустивъ руки, оставался такъ минуту-другую со взглядомъ, полнымъ тоски и страданія. А потомъ, какъ-бы вспугивая обступившія его видѣнія, тряхнувъ головою и отмахнувшись, направлялся къ Фишеру. Тотъ молча предлагалъ ему коньякъ. Музыкантъ пилъ, морщясь, какъ если-бъ глоталъ микстуру.

— Мнѣ вредно... Говорятъ, нельзя пить чахоточнымъ. Какой вздоръ, не все ли равно?..

Фишеръ угощалъ его сигарой.

— Хорошая, гаванская! Откуда это у васъ?.. Тоже, говорятъ, вредно. Но—ужъ если климатъ здѣшній... глупости все!..

И оба дымили. Фишеръ говорилъ:

— Какъ чудесно играли!.. Какъ вы пышно фантазируете!.. Богъ знаетъ, куда уносишься...

— Я люблю сочинять... Но вѣдь это же старая калоша, а не инструментъ!

И они говорили о музыкѣ. И слышались имена Верди, Вагнера, Бетховена, Шопена, Чайковскаго. Вспоминали оперу, великихъ пѣвцовъ и пѣвицъ.

И такъ, монотонно, съ повторяющимся изо дня въ день однообразіемъ впечатлѣній, шла жизнь Перваго полка Иностраннаго Легіона, вообще, и рядового Августа Фишера, въ частности. Послѣ доброй встрепки, заданной

человѣку жизнью, послѣ бурь, метаній и разныхъ подводныхъ камней, пріятно иногда очутиться въ условіяхъ прочнаго уклада, такого похожаго изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. И отдыхаетъ тѣло, отдыхаетъ, несмотря на движеніе и физическій трудъ, отдыхаютъ умъ и пытливая, отравленная вѣчнымъ исканіемъ душа. И легко, спокойно и порою даже не хочется думать, потому что за тебя такъ удобно думаютъ другіе...

Первое время Фишеру нравились эти безмятежные, ровные, другъ друга смѣняющіе дни. А потомъ уже,—это было на третьемъ мѣсяцѣ пребыванія въ Легіонѣ,—началъ томиться. И обрадовался слуху, что баталіонъ вскорѣ будетъ посланъ вглубь Марокко подавлять возстаніе кабильскихъ племенъ, вырѣзавшихъ маленькій пограничный гарнизонъ французовъ. И уже началась несложная мобилизація. Производилась учебная стрѣльба изъ четырехъ пулеметовъ. Закупалась большая партія верблюдовъ, необходимыхъ для обоза и для самыхъ легіонеровъ. Идти походнымъ порядкомъ—на это ушелъ бы, пожалуй, мѣсяцъ. А такъ „ѣздящая пѣхота“ сдѣлаетъ на верблюдахъ весь маршъ въ трое, четверо сутокъ. Баталіонъ оживился, радостный, возбужденный... Особенно ликовали тѣ, кто предвкушалъ свое первое боевое крещеніе. Старые, покрытые шрамами африканцы,

ветераны Индо-Китая и Мадагаскара, снисходительно улыбались. „Разумѣется, это интересно. Лучше, чѣмъ сидѣть въ казармахъ и шататься по кафэ. Но для нихъ, дравшихся въ Тонкинѣ и въ Дагомеѣ, — предстоящій походъ—карательная прогулка, не болѣе"...

4.

Господинъ Мюллеръ, хозяинъ „Льва Пустыни", былъ человѣкъ предпріимчивый, сообразившій весьма резонно, что кафэ и гостиница—всегда вмѣстѣ принесутъ больше выгоды, чѣмъ порознь. Вотъ почему надъ кафэ онъ оборудовалъ во второмъ этажѣ чистенькій отель изъ двадцати номеровъ съ электричествомъ, пружинными кроватями и слащаво-нѣмецкими олеографіями на стѣнахъ.

Господинъ Мюллеръ съ гордостью повторялъ:

— Мой „домъ" — первый въ Сиди-бель-Аббэ!

Астматическій, съ водянистыми глазами толстякъ, не преувеличивалъ. Дѣйствительно, „домъ" его былъ первый и единственный. Арабскія гостиницы, эти грязные восточные сараи, галдящіе, шумные,—разумѣется, не въ счетъ.

Господинъ Мюллеръ имѣлъ удовольствіе заполучить интереснаго для него постояльца.

Во-первыхъ, это былъ пруссакъ, во-вторыхъ, пруссакъ съ виднымъ общественнымъ положенiемъ. Мюллеръ вспомнилъ, что въ одномъ изъ старыхъ номеровъ нѣмецкаго еженедѣльника видѣлъ это бритое, пожилое лицо, въ очкахъ и съ загнутымъ къ верхней губѣ, на подобiе клюва хищной птицы, носомъ. И такъ какъ памятью Мюллеръ обладалъ изрядной, то вспомнилъ и подпись. Рядомъ съ именемъ стояло готическимъ, заостреннымъ шрифтомъ: „Тайный совѣтникъ“.

Тайный совѣтникъ, позвавъ къ себѣ въ номеръ хозяина и убѣдившись, что никто не подслушиваетъ, запретилъ ему болтать лишнее.

— Я здѣсь подъ именемъ Карла Шнейдера, торговца верблюжьей шерстью. Понимаете?..

— Понимаю, господинъ тайный совѣтникъ...

„Торговецъ шерстью“ приложилъ къ тонкимъ, сухимъ губамъ палецъ въ черной перчаткѣ.

— Псст... Вы не смѣете называть меня такъ даже съ глазу на глазъ!.. Я — Карлъ Шнейдеръ!

— Слушаю, господинъ тай... господинъ Карлъ Шнейдеръ...

Торговецъ шерстью долго бесѣдовалъ съ Мюллеромъ. Потомъ спросилъ:

— Вы говорите, онъ сейчасъ здѣсь, внизу?..

— Такъ точно, господинъ Карлъ Шнейдеръ... Пьетъ коньякъ и куритъ сигару.

— Отлично!.. Скажите ему съ глазу на глазъ, осторожно и деликатно, что я убѣдительно прошу подняться сюда ко мнѣ, наверхъ. Я спустился бы самъ, считая это своимъ долгомъ, но... насъ не должны видѣть вмѣстѣ. Мало ли, какіе разговоры... Ступайте, Мюллеръ, пока онъ еще не ушелъ.

Хозяинъ шаромъ выкатился изъ комнаты.

Фишеръ сидѣлъ въ одиночествѣ. Музыкантъ былъ и успѣлъ уйти. Мюллеръ, почтительно изогнувшись, насколько позволяло его тучное тѣло, прошепталъ:

— Господинъ Фишеръ, васъ очень просятъ подняться наверхъ... въ первый номеръ.

— Кто?..

Мюллеръ осмотрѣлся. Кругомъ—ни души, только сонный арабченокъ-слуга въ засаленной фескѣ потѣшно клевалъ носомъ у буфета.

— Баронъ Фирксъ, тайный совѣтникъ...

Красивое свѣтлобородое лицо легіонера лишь на мгновеніе удивилось, и тотчасъ же голубые глаза отразили полное равнодушіе. Только озабоченно и сердито сдвинулись брови у переносицы.

— Нѣтъ ни малѣйшаго желанія говорить съ барономъ и тайнымъ совѣтникомъ Фирксомъ.

Толстаго Мюллера въ испарину бросило. А вдругъ онъ провалитъ деликатную дипломатическую миссію.

— Господинъ Фишеръ. Господинъ тайный совѣтникъ умоляетъ подняться. Дѣло очень большой.—Мюллеръ чуть не обмолвился,— „государственной важности...—Господинъ тайный совѣтникъ извиняется. Онъ, конечно, самъ спустился бы сюда... Но кругомъ столько невидимыхъ глазъ и ушей. Повторяю, господинъ Фишеръ, дѣло большой важности. Вѣдь это-же васъ ни къ чему не обязываетъ! Право!.. Это-же вамъ ничего не стоитъ!.. Господинъ Фишеръ отказомъ своимъ до глубины души огорчитъ господина барона и тайнаго совѣтника...

Фишеръ пожалъ плечами.

— Хорошо. Я поднимусь, пожалуй... Столикъ—за мною. Черезъ нѣсколько минутъ я займу его опять...

— Слушаю, господинъ Фишеръ!—отвѣтилъ хозяинъ, расшаркиваясь.

Фишеръ надѣлъ кэпи, машинальнымъ движеніемъ оправилъ кожаный поясъ, на которомъ висѣлъ штыкъ, и поднялся по узкой деревянной лѣстницѣ, что вела изъ глубины кафэ въ верхнее помѣщеніе отеля... Фишеръ остановился.

— Неужели сердце сильнѣе забилось? Неужели?..—подумалъ онъ.—Какой вздоръ!

Все кончено! Рѣка не бѣжитъ обратно своему теченію, и всѣ, кто остался позади, всѣ они теперь живые трупы для солдата Перваго полка Иностраннаго Легіона Августа Фишера.

И убѣдившись, что онъ совершенно спокоенъ, и что минутный приступъ волненія улегся, Фишеръ постучалъ въ дверь.

— Herein!—былъ рѣзкій и громкій отвѣтъ.

И когда Фишеръ вошелъ, онъ увидѣлъ барона и тайнаго совѣтника Фиркса стоящимъ въ почтительной позѣ съ глубокимъ придворнымъ поклономъ. Именно придворнымъ. Бритый, съ глубоко ввалившимися тусклыми глазами и твердымъ голымъ черепомъ, весь во всемъ черномъ, Фирксъ показался Фишеру однимъ изъ тѣхъ живыхъ труповъ, безъ собственной воли, безъ желаній, обезцвѣченныхъ оффиціально-свѣтскимъ шаблономъ, что повинуются своимъ господамъ бездушно и раболѣпно, какъ заводныя маріонетки.

Поклонъ длился двѣ-три секунды. И эти двѣ-три секунды Фишеръ видѣлъ передъ собою, вмѣсто лица, голый черепъ, глянцевитый, пахнущій одеколономъ, черепъ тайнаго совѣтника. И глухой голосъ откуда-то изнутри молвилъ:

— Ваше высочество!..

„Старый комедіантъ“, — улыбнулся Фишеръ. И когда, наконецъ, голубые глаза его

встрѣтили тусклый взглядъ барона Фиркса, протянулъ ему руку.

— Здравствуйте, баронъ!.. Менѣе всего ожидалъ васъ увидѣть здѣсь... А вы все такой же! Впрочемъ, тѣ, кто живетъ при дворѣ, не мѣняются. Вы даже сюда, въ Африку, перенесли этикетъ потсдамскаго дворца. Но здѣсь не бѣлоколонный залъ въ два свѣта, а номеръ скромной гостиницы, правда, содержимой „добрымъ и честнымъ нѣмцемъ"... И на васъ — не раззолоченный мундиръ. И передъ вами не принцъ Отто Гогенцоллернъ, командиръ гвардейской кирасирской бригады, а...

Тайный совѣтникъ умоляющимъ жестомъ не позволилъ ему продолжать.

— Вы по-прежнему все изволите иронизировать, ваше высочество... Вы тоже мало измѣнились...

— Полно, баронъ, — перебилъ въ свою очередь Фишеръ. — Это же комедія! Во-первыхъ, зачѣмъ это „высочество"? Вамъ болѣе, чѣмъ кому бы то ни было, извѣстно, что я превращенъ въ какое-то лишенное правъ „недоразумѣніе". Мои помѣстья конфискованы, и даже высочайшей волею моего двоюроднаго дядюшки, императора Вильгельма, арестованы мои вклады въ банкахъ. Я пріѣхалъ сюда съ нѣсколькими тысячами франковъ. Это все мое состояніе, хотя я, признаться, нисколько

не тужу объ этомъ. Но въ чемъ же дѣло? Неужели только изъ-за меня, ради этого свиданія, господинъ баронъ совершилъ это путешествіе, съ береговъ Шпрее черезъ всю Европу и Средиземное море?

— Исключительно ради этого свиданія!— вѣско подчеркнулъ тайный совѣтникъ. — Я пріѣхалъ съ опредѣленной миссіей.

— Я угадываю цѣль этой миссіи. И, если хотите, напередъ скажу, въ чемъ она заключается. Садитесь, баронъ...

Тайный совѣтникъ ждалъ, пока сядетъ Фишеръ. Молодой человѣкъ, съ внѣшностью скандинавскаго бога, опустился въ кресло. И тогда только сѣлъ баронъ Фирксъ.

— Ваше высочество...

— Опять... Вѣдь, я же преданъ страшнѣйшей анаѳемѣ! И, воображаю, сколько ядовитой ироніи тамъ, въ этомъ скучномъ казарменномъ Берлинѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ, выливается по моему адресу и на мою бѣдную голову... Но, вотъ мы бесѣдуемъ уже нѣсколько минутъ, а я такъ и не знаю цѣли вашего визита, господинъ баронъ. Нельзя-ли ближе къ дѣлу? Я долженъ вернуться въ казармы. Мы выступаемъ завтра въ походъ...

Сжавъ свои тонкія губы, тайный совѣтникъ скорбно покачалъ головой.

— Я смотрю и, право, не вѣрю глазамъ!

Вы, племянникъ его величества, принцъ крови... Боже мой! Вы, въ этомъ мундирѣ, мундирѣ французскаго солдата?.. Боже мой! Не обладай я такими крѣпкими нервами, я расплакался бы отъ горя!.. Но вы спѣшите... И я перейду къ цѣли. Моя покорнѣйшая, почтительнѣйшая просьба, не перебивать меня, дать высказаться...

Фишеръ молча кивнулъ головой и, склонивъ на грудь свѣтлую, густую бороду, приготовился слушать. Въ голубыхъ глазахъ чуть вспыхнула усмѣшка и тотчасъ же погасла.

— Въ позднѣйшей исторіи бывали примѣры, что особы царствующаго дома, почему-либо соскучившись жизнью двора и свѣта, тяготившіяся своимъ привилегированнымъ положеніемъ, которое должно быть имъ въ гордость, а не въ тягость, превращались въ обыкновенныхъ смертныхъ. Таковъ былъ эрцгерцогъ Іоганъ Тосканскій Габсбургскаго дома, исчезнувшій куда-то въ Америку и едва ли не погибшій. Таковъ другой эрцгерцогъ этого же дома, Сальваторъ, купившій себѣ участокъ земли на одномъ изъ Балеарскихъ острововъ и превратившійся въ скромнаго фермера. Оба эрцгерцога, ослѣпленные вредными демократическими идеями, исчезли съ горизонта Вѣны. Исчезли, растворившись, если можно такъ выразиться, въ простран-

ствѣ. Они преданы забвенію. Ихъ нѣтъ! Совсѣмъ другое, въ данномъ случаѣ, вы, ваше высочество... Вы получили видный постъ въ Камерунѣ. Что же происходитъ дальше?.. Вы оскорбляете военнаго генералъ-губернатора и домогаетесь поединка съ нимъ, забывая, что германскіе принцы крови на дуэли не дерутся... Послѣ этого вы даете неслыханную по своей рѣзкости телеграмму его императорскому величеству и... скрываетесь. Если бы вы избрали путь упомянутыхъ мною австрійскихъ эрцгерцоговъ, мы бы это еще поняли. Скрѣпя сердце, съ болью въ душѣ, но поняли бы. Но, въ данномъ случаѣ, ваше высочество, получился грандіозный скандалъ. Европейскій скандалъ! Принцъ Отто Гогенцоллернъ поступаетъ въ иностранный легіонъ, репутація котораго вполнѣ опредѣленная и не требуетъ никакихъ поясненій. А главное,—это французская армія, ненавистная и враждебная германской расѣ и германской коронѣ!.. Что же получилось? Французскія уличныя газеты захлебываются отъ восторга. Онѣ полностью не называютъ... Но слишкомъ прозраченъ ихъ намекъ. Онѣ пишутъ, что не только обыкновенные германскіе дизертиры спѣшатъ служить и драться подъ знаменами иностраннаго легіона. Не только солдаты и офицеры, а и принцы крови... Вдумайтесь только, ваше высочество!.. Нѣтъ

германца, у котораго волосы дыбомъ не стали бы послѣ прочтенія такихъ ужасовъ!..

Фишеръ не могъ удержаться отъ улыбки при взглядѣ на голый черепъ тайнаго совѣтника.

Баронъ Фирскъ продолжалъ съ повадкою опытнаго актера, мѣняя экспрессію подвижнаго бритаго лица, и благороднымъ негодованіемъ звучалъ его голосъ:

— Вы — единственный виновникъ всего этого позора! На дняхъ одна изъ этихъ „желтыхъ" парижскихъ газетишекъ случайно попала въ руки монарху... Съ его величествомъ едва не случился нервный припадокъ. Вотъ каковы результаты вашего поведенія!.. И вотъ я пріѣхалъ сюда, чтобъ предложить условія... Чтобъ умолять васъ избавить династію великихъ Гогенцоллерновъ отъ... даже не нахожу словъ, такъ страдаетъ все мое существо слуги и вѣрноподданнаго моего государя! Вы должны покинуть этотъ ужасный Легіонъ и уѣхать куда-нибудь въ Америку, сдѣлаться совершенно частнымъ гражданиномъ... Никакихъ службъ, никакихъ выступленій, ничего!.. А за это—снимается арестъ съ вашихъ денежныхъ вкладовъ, и еще, сверхъ этого, кайзеръ Вильгельмъ изъ своихъ собственныхъ средствъ щедро отпускаетъ вамъ два милліона марокъ. Вотъ условія, на которыхъ, я полагаю, можно было бы столковаться?

И тусклые, холодные глаза уставились изъ глубокихъ впадинъ, ожидая отвѣта.

— Вы кончили? — спросилъ Фишеръ, порывисто поднимаясь.

— Да, я кончилъ и хотѣлъ бы услышать отвѣтъ, по моему, единственный отвѣтъ, продиктованный...

— Довольно!.. Я, зная напередъ все, что вы скажете, выслушалъ васъ терпѣливо, баронъ. Теперь моя очередь. Вы напрасно тратили свое краснорѣчіе... И, въ концѣ-концовъ, эти два милліона марокъ?.. Это уже совсѣмъ дурной тонъ. О, какъ я узнаю милую страну пфениговъ, страну, въ которой я такъ задыхался! Поймите же вы, баронъ, тайный совѣтникъ и опытный, придворный куртизанъ, поймите, что меня нельзя купить на возвратомъ имѣній и вкладовъ, ни подачкою отъ щедротъ кайзера! Души не купишь никакой цѣною!.. А вѣдь я душой ушелъ отъ всѣхъ васъ, потому что нечѣмъ было жить! Да, нечѣмъ!.. Какой-то стеклянный колпакъ, изъ-подъ котораго выкачали весь воздухъ. И подъ этимъ колпакомъ насъ заставляли... Впрочемъ, не все ли равно. Къ чему и передъ кѣмъ я это говорю?.. Мы разные съ вами люди, и намъ никогда не понять другъ друга. Я задыхался подъ этимъ стекляннымъ колпакомъ. И здѣсь, въ Африкѣ, въ пустынѣ, среди отважныхъ, простыхъ людей и среди этой

величественной природы, я словно заново родился... А вы, господинъ баронъ и тайный совѣтникъ, подъ стекляннымъ колпакомъ чувствуете себя великолѣпно, и вамъ больше ничего не надо. У васъ другое устройство легкихъ, мозга, души, все другое... Что дѣлать, мы съ вами слѣплены природою изъ разнаго тѣста.

— Богъ мой!.. Богъ мой!.. И это говоритъ человѣкъ, въ жилахъ котораго течетъ голубая кровь!—воскликнулъ баронъ въ трепетномъ ужасѣ.

А легіонеръ, сухо поклонившись, двинулся изъ комнаты.

— Имѣю честь...

Баронъ, всю свою жизнь вращавшійся при дворѣ, умѣлъ сдерживать свои чувства въ ежовыхъ рукавицахъ. Но и его ошеломилъ этотъ молодой человѣкъ въ мундирѣ французскаго солдата. И минуту стоялъ неподвижно тайный совѣтникъ и смотрѣлъ ему вслѣдъ. Закрылась дверь, исчезла широкая сильная спина въ синемъ, слышны шаги спускающагося по лѣстницѣ Фишера. Вотъ и шаги смолкли, а баронъ все стоялъ и смотрѣлъ... Очнувшись, наконецъ, упалъ въ кресло, сжавъ тисками худыхъ, костлявыхъ пальцевъ свой голый черепъ. Что дѣлать?.. Что скажетъ онъ пославшему его? Съ трескомъ провалилась вся миссія, которой при-

давалось значенiе дипломатической важности. Императоръ — человѣкъ настроенiя, капризенъ, и,—почемъ знать?—быть можетъ, неудача эта будетъ стоить барону всей дальнѣйшей карьеры?..

Бритое лицо съ загнутымъ къ верхней губѣ носомъ-клювомъ искривилось черной злобою, тайный совѣтникъ погрозилъ кому-то своимъ худымъ, костистымъ кулакомъ, напоминающимъ кулакъ мертвеца...

„Вы здѣсь неуязвимы, ваше высочество, и въ этомъ ваше счастье! Но попадись вы мнѣ при другихъ условiяхъ, нашъ разговоръ съ вами былъ бы совсѣмъ иной"...

Въ этотъ же день баронъ Фирксъ покинулъ маленькiй городокъ французской колонiи. Но прежде чѣмъ уѣхать, имѣлъ продолжительный разговоръ съ хозяиномъ „Льва Пустыни", добрымъ и честнымъ нѣмцемъ.

...Уже четвертый день въ пути, далеко растянувшаяся вереницею, коллона посаженныхъ на верблюды легiонеровъ. Впереди—кавалерiйской завѣсою полуэскадронъ „голубыхъ" африканскихъ стрѣлковъ. Все раскалилось. И воздухъ, и безоблачное небо съ расплавленнымъ дискомъ солнца, и песокъ этихъ желтыхъ, безъ конца краю, бѣгущихъ къ горизонту бугровъ. Если кто-нибудь изъ солдатъ схватится случайно за стволъ винтовки, на пальцахъ мгновенно вскакиваетъ волдырь отъ

ожога. Синіе суконные капоты идутъ вмѣстѣ съ верблюжьимъ обозомъ. Всѣ легіонеры одѣты въ бѣлый холетъ, и на головахъ вмѣсто кэпи—тропическія каски.

Ночуютъ въ палаткахъ, разбитыхъ на пескѣ подъ южнымъ небомъ. И ночью душно. И нѣтъ прохлады, и сухъ чистый, такой чистый, что его ощущаешь на вкусъ, воздухъ. Не спится въ палаткахъ. Но и подъ открытымъ небомъ не спится...

Фишеръ, вспыхивая уголькомъ своей трубочки, лежитъ, глядя въ трепетное миганье яркихъ звѣздъ, таинственныхъ и далекихъ, такихъ далекихъ, что если думать объ этомъ долго, — можно съ ума сойти. Какая величавая тишина... И сквозь это прозрачное безмолвіе доносится голоса и зовы пустыни... Слабо и глухо, чуть слышнымъ эхомъ грома, Богъ вѣсть, гдѣ разорвавшаго небеса, чудится львиное рыканье. И въ отвѣтъ, боязливо, тревожно пофыркиваютъ лошади африканскихъ стрѣлковъ. Верблюды, оставивъ свою жвачку, поворачиваютъ на сухихъ выгнутыхъ шеяхъ свои небольшія, сплюснутыя головы... Монотонно перекликаются между собою цѣпи конныхъ и пѣшихъ дозоровъ. Мелькаютъ бѣлыя, призрачныя фигуры солдатъ...

Легко и привольно дышется рядовому Августу Фишеру. Онъ вспомнилъ свой раз-

говоръ съ бритымъ Фирксомъ. Ничтожнымъ, показался ему этотъ царедворецъ и тайный совѣтникъ!.. Опьяненный истомою безконечнаго дневного марша и этимъ воздухомъ, который можно пить, Фишеръ незамѣтно уснулъ. И почудился онъ самъ себѣ въ оттягивающихъ ноги ботфортахъ, въ бѣлыхъ лосинахъ и въ тяжелой, невыносимо тяжелой каскѣ съ острымъ шишакомъ. И этотъ шишакъ упирается въ низко нависшій стеклянной сводъ. И слышенъ при этомъ рѣжущій уши, отвратительный визжащій звукъ. Голова кружится. Нечѣмъ дышать... Напряженное усиліе, и звенитъ, звенитъ безъ конца битое стекло...

Фишеръ открылъ глаза. Въ густой бархатной сини далекихъ небесъ трепетно мигаютъ причудливыми, холодными огоньками, звѣзды.

И близко, тихимъ шепотомъ говорятъ...

Не изъ осторожности, нѣтъ. А чтобъ какъ-нибудь, громкимъ словомъ, не вспугнуть этой величавой, торжественной, какъ необъятный храмъ, ночи въ пустынѣ.

И Фишеръ ощутилъ вдругъ ликующую радость, отъ сознанія, что такъ хорошо ему здѣсь, такъ легко и вольно и, прочь съ глазъ, не надо, совсѣмъ не надо этихъ сновъ, напоминающихъ прошлое, отъ котораго онъ бѣжалъ безъ оглядки!..

А на утро былъ горячій бой. Разъѣзды голубыхъ стрѣлковъ обнаружили впереди цѣлыя скопища изъ нѣсколькихъ тысячъ арабовъ. Баталіонъ окопался. На флангахъ—пулеметы. Арабы съ заунывнымъ восточнымъ гудѣніемъ — уже издалека оно производило жуткое впечатлѣніе,—нестройной массою кинулись на окопы. Часть аттаковала прямо въ лобъ, часть хотѣла обойти фланги. Ихъ было слишкомъ много, и эту роскошь они могли себѣ позволить. Впереди, ободряя своихъ людей, гарцовали на коняхъ живописные шейхи. Но для современной, закапывающейся войны, эти всадники въ бѣлоснѣжныхъ бурнусахъ были даже черезчуръ живописны, представляя слишкомъ лакомую мишень. Ихъ быстро сняли мѣткія пули залегшихъ въ окопахъ легіонеровъ, и горячіе кони помчались безъ всадниковъ вдоль безпорядочнаго фронта. Въ бѣшенствѣ, что непріятель искусно зарылся и почти невидимъ, арабы, въ своемъ наступленіи, дождемъ пуль засыпали окопы, вздымая тучи песку и причиняя французамъ сравнительно ничтожный уронъ. Легіонеры, методически, огнемъ своихъ залповъ, косили и косили сомкнутые ряды этой бронзовой, въ длинныхъ, бѣлыхъ одеждахъ, пѣхоты. На мѣстѣ павшихъ рядовъ, уже вставали новые. Съ фаталистическимъ упрямствомъ мусульманъ - дикарей, лѣзли арабы на пулеметы, превращая свой

разстрѣлъ въ какую-то нелѣпую, безсмысленную бойню. Пулеметныя команды въ ста шагахъ отъ себя видѣли искаженныя, смуглыя лица, поднятыя руки. Цѣлыя горы труповъ нагромождались, воздвигая человѣческіе бугры и стѣны, а обезумѣвшіе кабилы, сильные, рослые, прямо со стихійной неудержимостью, лѣзли впередъ подъ этотъ губительный разстрѣлъ. Легіонеры, — ихъ было по крайней мѣрѣ впятеро меньше, — отступили. Трескъ пулеметовъ, захлебывавшихся въ своемъ „така, така, така", принудилъ арабовъ задержать наступленіе. Этимъ воспользовались французы и спокойно, какъ на маневрахъ, отошли назадъ. Невозмутимо дымившій трубочкой, вставляя одну за другою обоймы, разряжалъ Фишеръ свою скорострѣлку и отступилъ послѣдній, унося подъ пулями тяжело ране-Музыканта. Грудь бѣдняги была прострѣлена, и у него хлынула горломъ кровь...

Устрашенные своими чудовищными потерями, кабилы уже менѣе энергично атаковали новыя непріятельскія позиціи. А пулеметы продолжали свою истребительную, дьявольскую работу.

Фишеръ кое-какъ перевязалъ истекающаго кровью Музыканта.

— Не надо... Оставьте меня, — шепталъ, задыхаясь, артистъ.—Я умираю... вы-же видите... Вѣдь я же самъ искалъ смерти... Тамъ

у меня вы найдете... надо переслать... Я знаю, вы всегда ко мнѣ хорошо... Пусть она знаетъ... Вы пошлете?.. Ахъ, какъ все больно и какъ все горитъ...

Музыкантъ встрепенулся весь мучительной судорогой, и его тонкія, прозрачныя вѣки, словно у подстрѣленной птицы, сомкнулись трепетно нѣсколько разъ.

— Что переслать?.. Соберитесь же съ силами! Что? Однимъ только словомъ намекните, милый Тоскано!—съ мучительнымъ ожиданіемъ приникъ ухомъ къ его окровавленнымъ губамъ Фишеръ, позабывъ про кипящій кругомъ адъ и не замѣчая, что и его самого ранило пулей въ плечо.

Но Музыкантъ умолкъ... Навсегда умолкъ.

Длившійся нѣсколько часовъ бой закончился разгромомъ возставшихъ мятежниковъ. Это было лишнимъ доказательствомъ, что, при современныхъ условіяхъ, недисциплинированная масса, въ концѣ-концовъ, всегда будетъ разбита регулярнымъ, отлично вооруженнымъ, хотя и малочисленнымъ противникомъ. Нельзя такъ варварски упрямо лѣзть подъ свинцовый дождь пулеметовъ! Вначалѣ темнокожіе люди пустыни дрались темпераментомъ. Но когда этотъ темпераментъ угасъ, а гекатомбы мертвыхъ тѣлъ все росли и росли, кабилы въ паникѣ бросились вглубь пу-

стыни. Африканскіе стрѣлки, бившіеся вмѣстѣ съ легіонерами въ пѣшемъ строю, вскочили на своихъ лошадей, и началось преслѣдованіе бѣгущей, разбитой пѣхоты. Кавалеристы долго и безпощадно гнали обезумѣвшее стадо бросавшихъ ружья кабиловъ и рубили, рубили безъ конца... До физическаго изнеможенія рубили...

Эта карательная экспедиція явилась для мятежниковъ страшнымъ урокомъ, отбившимъ надолго всякую охоту къ подобнымъ выступленіямъ противъ французскаго владычества въ южно-марокканскихъ земляхъ.

Но и потери Легіона были крупныя. Почти треть баталіона вышла изъ строя. Павшихъ похоронили въ пустынѣ. Были среди нихъ и ветераны Легіона, много лѣтъ дравшіеся и въ центральной Африкѣ, и въ Индо-Китаѣ. Была и молодежь, впервые получившая боевое крещеніе, увы, такое фатальное! И всѣ, и старики, и молодежь, и плебеи, и аристократы, и дезертиры-солдаты, и бѣглые офицеры гвардейскихъ полковъ — всѣ угомонились на-вѣки подъ песчаными холмиками. Нельзя было даже отмѣтить крестами скромныя могилы героевъ, потому что не было нигдѣ вблизи ни одной пальмы, и покуда глазъ хватитъ,—кругомъ бурые, безъ конца краю, пески...

Вернулись въ Сиди-бель-Аббэ.

Рядовой Августъ Фишеръ получилъ капральскія нашивки. Де-Фоконье, командиръ полка, собственноручно украсилъ его широкую грудь орденомъ почетнаго легіона.

И это отличіе было радостью Фишеру. Куда большей, чѣмъ всѣ эти кресты и звѣзды, которые онъ получалъ въ юности. Получалъ не за заслуги свои, а за то, что родился принцемъ крови.

Въ приказѣ по Легіону, въ числѣ другихъ наградъ, было объявлено: „Легіонеръ второй роты перваго полка Фишеръ за то, что вынесъ подъ огнемъ раненаго товарища, и за то, что когда всѣ офицеры, капралы и унтеръ-офицеры были убиты, взялъ на себя командованіе ротою и, удачно маневрируя, крѣпко держался на позиціи и такъ руководилъ огнемъ, что противникъ безпорядочно бѣжалъ,— награждается производствомъ въ капралы и солдатскимъ крестомъ Почетнаго Легіона.

Въ госпиталѣ умиралъ простреленный градомъ пуль Штейнбахъ, широколицый, бѣлобрысый нѣмецъ. Весь въ бинтахъ и повязкахъ, стоналъ Штейнбахъ. Послѣдняя воля умирающаго была говорить съ Фишеромъ. Дежурный врачъ послалъ за Фишеромъ, Штейнбахъ знаками попросилъ оставить ихъ вдвоемъ.

— Я долженъ покаяться передъ вами, Фишеръ... Быть можетъ, за это покаралъ меня

Богъ... Мюллеръ, хозяинъ „Льва Пустыни"... Передъ самымъ походомъ онъ позвалъ меня къ себѣ и далъ тысячу марокъ, чтобы я васъ подстрѣлилъ въ первомъ-же бою. Онъ убѣждалъ меня, говорилъ, что это патріотическій долгъ. И обѣщалъ потомъ дать еще денегъ... Но—я не могъ... Не поднималась рука. И хотя онъ говорилъ, что вы дурной человѣкъ и причинили зло императору, — я не могъ... Въ моихъ глазахъ вы были благороднымъ человѣкомъ и хорошимъ солдатомъ. Эти деньги жгли мнѣ руки. Я не затѣмъ пошелъ въ Легіонъ, что-бы стать наемымъ убійцею. Верните ему... Золото... Здѣсь у меня, въ мѣшечкѣ. Не презирайте меня... Я сначала, не подумавши, согласился... Но я никогда не былъ подлецомъ... Ну, вотъ и все... Теперь я могу умереть... Дайте мнѣ вашу руку...

Фишеръ молча, блѣдный, несмотря на коричневый загаръ, отвѣтилъ ему крѣпкимъ пожатіемъ.

Черезъ полчаса Фишеръ входилъ въ кафэ „Левъ пустыни". Въ эти часы обыкновенно являлся туда отвести свою разбитую душу у такого же разбитаго піанино—Музыкантъ... Фишеръ такъ и не успѣлъ узнать послѣдней воли бѣдняги...

Гостей не было въ кафэ. Тучный Мюллеръ дремалъ за буфетной стойкой. Увидѣвъ Фишера, онъ испуганно вскочилъ со стула. Фи-

шеръ молча швырнулъ ему мѣшечекъ съ золотомъ.

— Штейнбахъ... Онъ проситъ тебѣ возвратить... И вотъ что, гадина, слушай внимательно: если въ двадцать четыре часа ты не покинешь Марокко, я завтра же въ это самое время приду тебя застрѣлить, гнусный шпіонъ!..

Фишеръ давно уже покинулъ кафэ, и его прямая высокая фигура вся въ бѣломъ, уменьшилась въ перспективѣ улицы, съ бѣлыми, блѣдными отъ зноя стѣнами домовъ. А Мюллеръ окоченѣлъ въ глубокомъ знобящемъ столбнякѣ... Къ ночи его уже не было въ городѣ. Онъ исчезъ,—навсегда...

7.

Карательная экспедиція была весною въ концѣ апрѣля. Наступившее лѣто обѣщало затишье. Какъ вдругъ, точно громъ средь яснаго неба,—Сараевская катастрофа съ убійствомъ эрцгерцога австрійскаго Франца-Фердинанда.

И всѣ поняли, что это кровавый прологъ къ цѣлому хаосу новыхъ событій, пока еще смутныхъ, неясныхъ, но сулящихъ, однимъ—великія бѣды и печали, другимъ—великія радости.

И лучше, и ближе другихъ это поняли

сербы. Человѣкъ двѣнадцать насчитывалось ихъ въ Легіонѣ. И при этомъ—ни одного изъ королевства. Все—босно-герцеговинскіе сербы, бѣжавшіе сюда, въ это африканское запорожье, отъ невыносимаго австрійскаго гнета особенно тяжелаго, полицейски—безчеловѣчнаго въ южно-славянскихъ провинціяхъ. Самые рослые солдаты въ Легіонѣ — боснійскіе сербы. Молодецъ къ молодцу! Сухощавые, сильные, выносливые горцы. Эти сообразили сразу,—откуда вѣтеръ...

Убійство эрцгерцога, — австро-германская провокація, чтобъ создать конфликтъ... Сначала война съ Сербіей, а потомъ и европейская. Заговоръ созрѣвалъ не въ Бѣлградѣ, какъ пишутъ въ своихъ газетахъ нѣмцы и швабы, а въ Берлинѣ, Будапештѣ и Вѣнѣ...

Сербы просили отпустить ихъ въ королевство, гдѣ со дня на день можетъ вспыхнуть война, и гдѣ, въ виду громадныхъ австрійскихъ полчищъ,—каждый солдатъ на счету. Полковой командиръ благословилъ въ путь-дорогу этихъ боснійскихъ великановъ.

— Я теряю хорошихъ легіонеровъ, но вашъ священный долгъ стать въ ряды вашего маленькаго героическаго отечества, которому угрожаетъ опасность... Я имѣлъ честь воспитываться съ его величествомъ, королемъ Петромъ сербскимъ въ Сенъ-Сирской школѣ, и мы вмѣстѣ служили офицерами въ этомъ же

самомъ Первомъ полку Иностраннаго Легіона, которымъ я имѣю счастье командовать...

Виконтъ де-Фоконье изъ полковыхъ суммъ приказалъ выдать сербамъ деньги на проѣздъ, и они отплыли въ Марсель, чтобъ тамъ пересѣсть на пароходъ, идущій въ Салоники.

Шли дни за днями...

Уже австрійцы бомбардировали Бѣлградъ. Уже Германія объявила войну Россіи, уже спѣшно мобилизовалась Франція, и подъ стѣнами Льежа славные бельгійцы отражали натискъ четырехъ тевтоновскихъ корпусовъ. И уже весь міръ облетѣли первыя вѣсти о первыхъ жестокостяхъ и звѣрствахъ нѣмцевъ надъ мирнымъ, невоюющимъ населеніемъ...

Мобилизовался и колоніальный корпусъ французской арміи. На учебномъ плацу Первый Полкъ былъ построенъ въ каррэ. Въ центрѣ этого человѣческаго, въ пять съ половиною тысячъ квадрата, находился виконтъ де-Фоконье со своимъ штабомъ. И среди воцарившейся торжественной тишины, полковой командиръ, высокій, величественный, съ сѣдой эспаньолкой и сѣдыми, по военному закрученными вверхъ, усами, обратился къ солдатамъ:

— Легіонеры! Вспыхнула война, небывалая, неслыханная съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ исторія... Это не авантюра, не война

съ корыстными завоевательными цѣлями. Это война противъ германизма, самодовольно и нагло бросившаго свою желѣзную перчатку цивилизаціи и культурѣ государствъ, жаждавшихъ мирной, созидательной работы. Самый тяжелый, стремительный ударъ принимаетъ на свою грудь, Франція, на которую Германія обрушивается пятьюдесятью корпусами. Насталъ великій моментъ, рѣшающій одно изъ двухъ: или насъ раздавятъ, или мы выйдемъ побѣдителями. Я горячо вѣрю въ послѣднее. Вѣрю, что пробилъ, наконецъ, часъ расплаты за несчастный для нашей дорогой Франціи семидесятый годъ. Пробилъ часъ освобожденія нашихъ братьевъ, изнывающихъ подъ прусскимъ игомъ въ Эльзасѣ. Да здравствуетъ Франція, да здравствуетъ республика, да здравствуетъ освобожденный Эльзасъ!..

Оглушительный, стихійный крикъ изъ пяти тысячъ грудей былъ отвѣтомъ полковнику. И пять тысячъ голосовъ, мощно сливаясь въ одинъ, повторяли шумнымъ, раскатившимся далеко въ пустынѣ, эхомъ.

— Да здравствуетъ Франція, республика и освобожденный Эльзасъ!..

И колыхалось и трепетало на горячемъ африканскомъ вѣтеркѣ гордое, прострѣленное пулями, красное знамя Легіона съ вышитыми серебромъ словами:

„Достоинство и дисциплина“.

И когда умолкъ послѣдній ликующій крикъ, и вновь стало тихо, полковникъ продолжалъ:

— Легіонеры!.. Въ вашихъ рядахъ около тысячи солдатъ нѣмецкаго происхожденія. Баварцы, вестфальцы, саксонцы, вюртембергцы и, въ подавляющемъ большинствѣ,—пруссаки. Всѣ они славно и доблестно дрались въ колоніальныхъ войнахъ. Теперь — другая война. Война въ Европѣ, грудь съ грудью противъ нѣмцевъ. И если солдаты германскаго происхожденія не пожелаютъ стрѣлять въ своихъ братьевъ, — никто не въ правѣ заставить ихъ. Поэтому, я предоставляю германцамъ полную свободу... На все время войны они могутъ остаться въ Африкѣ. Тѣмъ болѣе, что намъ нельзя вывести отсюда всѣхъ войскъ. Мало ли какія могутъ выйти осложненія тамъ, въ глубинѣ Марокко? Я предлагаю слѣдующее: кто желаетъ остаться, пусть, выйдутъ изъ рядовъ и построятся отдѣльной колонной...

Какой-то смутный гулъ охватилъ перебѣгающей волною весь этотъ красносиній человѣческій квадратъ. Одинъ единственный легіонеръ, покинувшій каррэ, направился учебнымъ шагомъ къ полковому командиру и, остановившись передъ нимъ, отдалъ честь. Это былъ крѣпкій и бодрый старикъ, съ густой, серебряной бородою, падавшей на грудь,

увѣшанную медалями. У него было отрублено лѣвое ухо. Черезъ всю щеку шелъ сабельный шрамъ, и на рукѣ, замершей у плоскаго козырька, недоставало мизинца. Это былъ ветеранъ Рудольфъ Штурманъ, пруссакъ, служившій въ Легіонѣ съ шестьдесятъ девятаго года.

— Унтеръ-офицеръ Штурманъ, вы уполномочены говоритъ со мною отъ имени товарищей?—спросилъ виконтъ.

— Точно такъ, господинъ полковникъ! Я выбранъ ими, какъ старѣйшій здѣсь среди нихъ. Легіонеры—нѣмцы уполномочили меня сказать, что мы всѣ до послѣдняго человѣка будемъ драться подъ славнымъ знаменемъ Полка противъ германскихъ солдатъ. Франція — наше второе отечество, полюбившее насъ, и мы ее полюбили. Мы дезертировали сюда отъ офицерскихъ шпицпрутеновъ, отъ издѣвательствъ, побоевъ, отъ голодовокъ на соломѣ въ вонючихъ казематахъ, куда насъ бросали за малѣйшее отступленіе отъ нѣмецкой дисциплины. И здѣсь, въ Легіонѣ, встрѣтили мы и человѣческое отношеніе, и тепло, и привѣтъ, и ласку. Въ Алжирѣ, въ Марокко, въ Тонкинѣ, на берегахъ Сенегала и Конго, плечо къ плечу съ французами, проливали мы нашу кровь. И эта кровь незыблемо, навѣки спаяла насъ нерушимымъ цементомъ и съ Легіономъ и, черезъ него,

со всей благородной и великой Франціей... Господинъ полковникъ. Сорокъ пять лѣтъ тому назадъ, молодой новобранецъ, я былъ пруссакъ. Но теперь я французъ, французъ съ головы до ногъ, и горжусь тѣми ранами, которыя получилъ въ Африкѣ и въ Азіи во славу республики! И моя завѣтная мечта встрѣтить достойно пруссаковъ на поляхъ родины моей, на поляхъ Франціи!.. Я все сказалъ, господинъ полковникъ...

И заблестѣли слезы у обоихъ старыхъ солдатъ, полковника де-Фоконье и унтеръ-офицера Штурмана. Отъ волненія виконтъ не могъ отвѣчать. Онъ крѣпко обнялъ изрубленнаго сѣдобородаго ветерана. И это было краснорѣчивѣе всякихъ отвѣтовъ...

Оркестръ грянулъ марсельезу. Пять тысячъ кэпи полетѣло въ воздухъ, и пять тысячъ голосовъ могуче, подобно грому, слилось гдѣ-то въ единодушномъ крикѣ:

— Да здравствуетъ Франція!..

8.

— Дивизія гвардейской пѣхоты?..

— Да, такъ называемая „желѣзная дивизія“ кайзера Вильгельма.

— Это она такихъ гнусностей натворила въ Шарлеруа?..

— Она самая!

— Какіе мерзавцы! Запятнать себя такимъ варварствомъ! Но сейчасъ не въ этомъ дѣло. Я протелефонировалъ въ штабъ арміи о наступленіи этой дивизіи и получилъ приказаніе—во что бы то ни стало задержать ее часовъ на двѣнадцать...

Разговоръ шелъ на позиціяхъ, между маленькимъ, энергичнымъ генераломъ, сидѣвшимъ на складномъ стулѣ, и полковникомъ де-Фоконье. Онъ стоялъ передъ генераломъ, прямой и сухощавый, въ походной формѣ безъ эполетъ. Въ двухъ шагахъ — наблюдательный пунктъ, ловко замаскированный дерномъ и зелеными вѣтвями, такъ что получалось впечатлѣніе полубесѣдки, полудеревенскаго шалаша на бугоркѣ. Внутри шалаша стоялъ офицеръ и, не отрываясь отъ бинокля, вглядывался въ слегка пересѣченныя дали, на пути которыхъ лежалъ маленькій городокъ, весь бѣлый, уютный и чистенькій. Общую гармонію какого-то нынѣшняго житейскаго привѣта нарушала громада стараго, угрюмо-сѣраго храма, острыми готическими углами и линіями поднимавшагося къ небесамъ.

Офицеръ съ биноклемъ, продолжая свои наблюденія, время отъ времени кидалъ короткія фразы сидѣвшему на землѣ солдату электро-технической роты съ капральскими нашивками и надѣтымъ на голову аппара-

томъ, черными кружочками закрывавшимъ оба уха. И гудѣла, все время гудѣла монотонно и глухо убѣгавшая въ травѣ телефонная проволока.

Гдѣ-то на лѣвомъ флангѣ шелъ артиллерійскій бой. Доносились выстрѣлы полевыхъ орудій.

— Да, по крайней мѣрѣ, часовъ на двѣнадцать... Это необходимо!—повторилъ генералъ, вынимая кожаный портсигаръ и закуривая папиросу. — Что вы на это скажете, полковникъ?..

— У насъ очень мало народу. Почти весь мой полкъ сидитъ на окопахъ и защищаетъ подходы къ правому флангу. Это въ двѣнадцати километрахъ отсюда. Но я располагаю свободно двумя ротами перваго баталіона. Все старые, испытанные африканцы! Если они тамъ хорошенько засядутъ, пользуясь малѣйшимъ прикрытіемъ,—указалъ виконтъ рукой въ замшевой перчаткѣ по направленію бѣлаго городка,—выбить ихъ будетъ нелегко, они надѣлаютъ „желѣзной дивизіи“ не мало хлопотъ и огорченій, и я ручаюсь за добрыя полсутки, въ теченіе которыхъ вниманіе этой дивизіи будетъ приковано къ моимъ легіонерамъ самымъ основательнымъ образомъ. Кавалерійской и воздушной развѣдкой установлено, что пруссаки, не ожидая никакого сопротивленія, движутся сюда по шоссе, по-

ходнымъ порядкомъ и сомкнутыми колоннами...—виконтъ взглянулъ на часы-браслетку въ кожаной оправѣ. — Ровно три! Къ семи вечера, приблизительно, авангардъ ихъ долженъ вступить въ городъ. Такимъ образомъ бой начнется сумерками, и—тѣмъ лучше для насъ.

— Двѣ роты противъ дивизіи... Это обреченные,—задумчиво, съ оттѣнкомъ грусти произнесъ генералъ. — Но ничего не подѣлаешь. Война требуетъ жертвъ! А все-таки мало. Простой ариѳметическій выводъ. Одинъ противъ тридцати двухъ. Это ужасно!.. Необходимо еще... Я прикажу подкрѣпить вашихъ легіонеровъ одной ротою зуавовъ полковника Барбье...

Генералъ, поднявшись со стула, прихрамывая, двинулся въ тылъ, къ ложбинѣ, гдѣ солдатъ-драгунъ въ каскѣ держалъ въ поводу лошадей. А полковникъ вошелъ въ бесѣдку наблюдательнаго пункта сообщить по телефону распоряженія дивизіоннаго.

Черезъ часъ двѣ роты иностраннаго легіона, и зуавы, маленькіе, сухощавые, въ красныхъ фескахъ, заняли опустѣвшій, покинутый населеніемъ городокъ. Отрядъ замыкался конно-пулеметной командою съ вьюками.

Необходимо было превратить дома и всѣ постройки въ цѣлый рядъ небольшихъ крѣ-

постей, замаскироваться такъ искусно и ловко, чтобы пруссаки до самаго послѣдняго момента не подозрѣвали о готовящемся сопротивленіи.

Весело и бодро, смѣясь и шутя, отбивали шагъ по мостовой солдаты въ синихъ капотахъ и съ высоко, въ уровень съ головою, поднимавшимся за спиною ранцемъ. Они знали, что они „обреченные“. Пусть! Развѣ они дорожатъ своей жизнью, и что она для нихъ, если они потеряли счетъ всѣмъ тѣмъ пестрымъ случаямъ, когда смерть заглядывала имъ прямо въ лицо?.. Каждый, поступая въ Легіонъ, хорошо зналъ, что его ждетъ, въ концѣ-концовъ...

Бывалые въ кровавыхъ передѣлкахъ африканцы живо примѣнились къ условіямъ и выгодѣ мѣста. Посерединѣ городской площади росъ могучій, съ опаленной молніей верхушкою, дубъ. Этимъ гигантомъ, помнившимъ еще Людовика Святого, гордились обыватели. По преданію, объѣзжая страну, король отдыхалъ подъ этимъ самымъ дубомъ, а кругомъ, вмѣсто нынѣшняго города, была пустая равнина...

Историческое дерево обнесено было желѣзными прутьями. Сожженная молніей верхушка вѣнчалась громаднымъ колесомъ, на которомъ свила себѣ пышное гнѣздо, изъ поколѣнія въ поколѣніе снимающая эту воз-

душную квартиру, семья длинноносыхъ аистовъ. Война, такимъ ураганомъ ворвавшаяся въ жизнь людей, коснулась и птицъ. И когда надо использовать для защиты все, что можно,—ни къ мѣсту и ни ко времени думать о томъ, что гнѣздо аистовъ — благословенiе Божье. И такъ какъ дубъ очень выгодно господствовалъ надъ главной улицею, по которой войдутъ пруссаки, рѣшено было укрѣпить на сожженной верхушкѣ пулеметъ.

Двое братьевъ Фратини, до легiона подвизавшiеся на цирковыхъ аренахъ въ качествѣ воздушныхъ гимнастовъ, лихо тряхнувъ стариною, съ обезьяньей ловкостью, быстро полѣзли на высокiй дубъ, предварительно обвязавшись веревками. Волей-неволей пришлось разорить гнѣздо. Юныхъ,—еще не умѣвшихъ летать птенцовъ—братья Фратини кидали сверху. Легiонеры ловко подхватывали внизу маленькихъ, неуклюжихъ аистовъ съ длинными, красными ногами. Прилетѣвшiе самецъ и самка, въ смятенной тревогѣ, хлопая крыльями, описывали спирали надъ разоренным семейнымъ очагомъ своимъ. А бывшiе воздушные гимнасты уже втаскивали къ себѣ на веревкахъ пулеметъ. Другiе два пулемета заняли крыши сосѣднихъ домовъ, чтобъ встрѣтить нѣмцевъ перекрестнымъ огнемъ. И внутри прилегавшихъ къ улицѣ домовъ кипѣла работа. Воздвигались барри-

кады изъ мебели, тюфяковъ, подушекъ и матрацовъ.

Фишеръ, сѣдобородый ветеранъ Штурманъ и еще нѣсколько легіонеровъ съ горсточкою зуавовъ, заняли чистенькій снаружи и внутри домъ бѣжавшаго съ семьею мэра. Странное было чувство... Тихо и мирно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, текла спокойная буржуазная жизнь въ скромныхъ, съ мягкой мебелью и незатѣйливымъ достаткомъ столовой, гостиной и спальнѣ. За этимъ квадратнымъ столомъ сходилась семья, и мэръ, судя по его портрету — увеличеніе съ фотографіи на почетномъ мѣстѣ, — солидный человѣкъ съ бородою, привычнымъ жестомъ закладывалъ салфетку между верхними пуговицами жилета...

Словно притаилась жизнь... Нѣтъ даже слѣдовъ бѣгства. Развернутая книга, стаканъ съ недопитой водою, шерстяной чулокъ, наполовину связанный, съ торчащими въ немъ спицами,—бабушкино рукодѣлье, потому что попробуйте отыскать французскую буржуазную семью въ глухой провинціи безъ одной, а то и двухъ почтенныхъ, морщинистыхъ бабушекъ?..

А теперь?..

Шаги солдатъ, впопыхахъ брошенные ранцы, отстегнутые вмѣстѣ съ поясомъ штыки, патронныя сумки, запахъ здороваго че-

ловѣческаго тѣла, сдѣлавшаго много верстъ въ полной аммуниціи на горячемъ августовскомъ солнцѣ. И еще что-то неуловимое, страшное...

Штурманъ, весь въ своихъ медаляхъ и шрамахъ, невозмутимо, какъ на утреннихъ занятіяхъ въ оставшейся далеко африканской казармѣ, распоряжался обороною.

— Это піанино,—къ дверямъ—поперекъ... Вотъ, вотъ! Пока они ворвутся и опрокинутъ эту послѣднюю баррикаду...

Фишеръ и небольшой, обвѣтренный и обсушенный солнцемъ, бритоголовый зуавъ, въ съѣхавшей на самый затылокъ фескѣ, тащили къ дверямъ піанино. Вѣрнѣе, тащилъ одинъ Фишеръ, мощными и порывистыми движеніями, а зуавъ слегка помогалъ ему. Фишеръ вспомнилъ самаго близкаго ему въ легіонѣ человѣка Музыканта, игравшаго такія вдохновенныя импровизаціи. Гдѣ онъ теперь? Гдѣ его кости, бѣдняги? Развѣялъ буйный, горячій вихрь пустыни, или прилетѣвшіе съ берберійскихъ вершинъ горные орлы отполировали ихъ своими твердыми, загнутыми клювами?

Когда Легіонъ возвращался къ себѣ на сѣверъ, надъ полемъ смерти высоко кружились съ клекотомъ эти берберійскіе хищники, за тридевять земель почуявшіе кровь и лакомую человѣчину...

Готово!.. Штурманъ, какъ художникъ, любовался плодами своей дирижерской работы. Все использовано, до послѣдняго стула, въ цѣляхъ самой упорной защиты. А снаружи, оттуда,—никакихъ подозрѣній. Пусть приходятъ гости. Хозяева ждутъ ихъ!..

Уже тихо... Скользятъ черезъ улицу вечернія тѣни. Съ крыши дома, насупротивъ, кошкою спрыгнулъ зуавъ.

Онъ сдѣлалъ въ бинокль послѣднее наблюденіе, бросивъ въ открытое окно Фишеру:

— Минутъ черезъ десять—кавалерійскій разъѣздъ. И первая пѣхотная колонна уже надвигается...

Дѣйствительно, вскорѣ по вымершей улицѣ пронесся изъ конца въ конецъ отрядъ прусскихъ драгунъ въ каскахъ и съ карабинами наготовѣ. Не обнаруживъ ничего подозрительнаго, драгуны полнымъ галопомъ умчались назадъ. И постепенно замерли цокающіе удары копытъ по мостовой. Пожилой легіонеръ съ наполеоновской бородкой, блестя глазами, раздвинулъ фалды своего синяго мундира, подсѣлъ къ піанино-баррикадѣ и, взявъ нѣсколько аккордовъ, обернулся къ товарищамъ:

— Друзья, марсельеза!.. Наша послѣдняя марсельеза!..

И онъ ударилъ по клавишамъ, и всѣ въ одинъ голосъ подхватили:

Allons enfants de la patrie...

всѣ, нѣмцы, французы, бельгiецъ, полякъ и румынъ:

Le jour de gloire est arrivé...

И мрачны, серьезны, рѣшительны и торжественны лица... Звуки мести и крови опьяняютъ солдатъ... Съ этой марсельезой идутъ они на смерть, на вѣрную смерть, которая, однако, достанется врагамъ безумно дорогой цѣною...

Стало тихо... Мучительное ожиданiе. Прошелъ часъ, однимъ показавшiйся вѣчностью, для другихъ — промелькнувшiй мгновеньемъ.

И средь затаившагося безмолвiя—отдаленный, растущiй гулъ отбивающей тактъ пѣхоты. Все ближе и ближе, явственнѣе, четче...

— Прочь отъ оконъ! — скомандовалъ Штурманъ.

Легiонеры и зуавы, кто сидя, кто на корточкахъ, кто во весь ростъ, прилипли къ стѣнамъ, сжимая похолодѣвшими, но твердыми руками свои винтовки...

Головныя части „желѣзной дивизiи“ вливались человѣческимъ потокомъ въ городъ. Мимо оконъ—щетина острыхъ мѣдныхъ шишаковъ и надъ ними — щетина ружейныхъ дулъ. Какъ на парадѣ, шагаютъ рослые солдаты съ запыленными лицами, въ запылен-

ныхъ мундирахъ. И когда они густо запрудили площадь, а сзади спруживались новыя и новыя колонны, разомъ вдругъ затрещали пулеметы, и съ верхушки историческаго дуба, и съ крышъ домовъ. Это рѣжущее слухъ, безпрерывное „таканье", сухое, отрывистое, какъ частые удары палочекъ, было сигналомъ. И сразу ожили всѣ окна, всѣ слуховыя отверстія на чердакахъ и наскоро проверченныя амбразуры въ крышахъ. Нѣмцевъ, нежданно-негаданно для нихъ, били перекрестнымъ огнемъ и въ лобъ, и съ фланговъ, и съ тыла, и даже сверху. Опытной рукой наведенные пулеметы косили пруссаковъ, цѣлые ряды косили. Паника... Французы не давали врагу развернуться. Пулеметы германцевъ остались въ тылу. Весь длинный хвостъ не могъ оказать содѣйствія истребляемымъ головнымъ частямъ. Кое-какъ наладили нѣмцы ружейный огонь, обстрѣливая дома, засыпая ихъ горячимъ свинцовымъ дождемъ.

Вскорѣ послышались орудійные раскаты. Пруссаки бомбардировали городъ своей полевой артиллеріей. Оттуда, гдѣ никто не мѣшалъ имъ, съ дистанціи около двухъ километровъ. Ослѣпленные бѣшенствомъ, они били по своимъ же...

Умолкъ пулеметъ на верхушкѣ опаленнаго молніей дуба... Пруссакамъ удалось заставить его замолчать вмѣстѣ съ отважными

братьями Фратини. Славно исполнили свой долгъ братья и прежде, чѣмъ камнемъ свалились сверху, пронзенные пулями, успѣли уложить многія сотни пруссаковъ. Остальные два пулемета долго еще выхватывали скученные, сбившіеся ряды „желѣзной дивизіи“. Но и для нихъ пробилъ часъ. Одинъ вмѣстѣ съ наводчиками погибъ отъ разорвавшагося на крышѣ снаряда. Прислуга другого убита была ружейными залпами.

Уже наступила ночь. Бой продолжался въ густыхъ сумеркахъ. Уже горѣли дома, зажженные германскими снарядами. И въ дыму, въ заревѣ, горсть забаррикадировавшихся храбрецовъ уже въ теченіе пяти часовъ отвлекала на себя цѣлую дивизію. И, главное, съ какими потерями, для этой желѣзной дивизіи, по словамъ питавшаго къ ней слабость кайзера Вильгельма — непобѣдимой! На площади и на главной улицѣ затрудняли движеніе цѣлыя гекатомбы труповъ...

Порѣдѣла кучка легіонеровъ и зуавовъ, плотно засѣвшихъ въ домѣ городского мэра. Лежалъ въ крови, запрокинувъ свою бритую голову, маленькій зуавъ съ прострѣленной шеей. Голова стараго африканца Штурмана перевязана кухоннымъ полотенцемъ. Легіонеръ съ эспаньолкой, сыгравшей послѣднюю марсельезу, стоналъ съ раздробленнымъ плечомъ. И хотя защитники пустили въ видѣ

прикрытія все, до своихъ ранцевъ, одѣялъ и подушекъ, включительно, нѣмецкія пули роями, со свистомъ впивавшіяся въ окна и въ стѣны, поражали всѣхъ, кто имѣлъ оплошность хоть на мгновеніе высунуться. Стрѣлять же въ слѣпую, не видя врага,—не имѣло смысла. Это повадка трусовъ,—не цѣлясь и прячась, отстрѣливаться.

Пруссаки получили приказаніе штурмомъ брать всѣ дома, гдѣ заперлись французы. Въ этихъ бѣшенныхъ атакахъ нѣмцы перегубили пропасть своихъ, воздвигая чуть ли не у каждой двери человѣческія баррикады.

Вотъ они густой лавиною хлынули на приступъ убѣжища Фишера, сѣдобородаго Штурмана и всѣхъ другихъ. Увы, этихъ другихъ уцѣлѣло немного! Легко раненые продолжали отстрѣливаться. „Тяжелые“, чтобъ не мѣшать своей безполезностью товарищамъ, разбрелись, вѣрнѣе расползлись по всему дому. Они корчились на кроватяхъ, диванахъ, а кому не было мѣста,—прямо на полу. Кровь, искаженныя лица, страдальческіе глаза, мучительно стиснутые зубы. И каждый изъ этихъ пестрыхъ, разноплеменныхъ бойцовъ, чуя послѣднія минуты, то горя, то холодѣя, вспоминалъ дорогіе полузабытые призраки, оставшіеся гдѣ-то далеко и теперь, когда уже вѣяла леденящимъ ознобомъ крыльевъ своихъ смерть,—изъ потускнѣвшихъ и блѣдныхъ ви-

дѣній—вспыхнувшіе нестерпимо яркими образами...

Уже день бѣлый на дворѣ... Раннее солнце... Уже остались на ногахъ только двое,—Фишеръ, съ почернѣвшимъ лицомъ, и Штурманъ. Голова, обвязанная полотенцемъ,—хоть выжми, вся въ крови. Только нечеловѣческимъ усиліемъ воли удерживалъ себя старый африканецъ, чтобы не свалиться.

Озвѣрѣлые, рычащіе голоса, много ихъ... Удары... Топотъ... Послѣдняя, загороженная піанино, дверь трещитъ подъ молотьбою прикладовъ. Трещитъ... Рухнула... И, какъ изъ рамы—ломилась толпа въ каскахъ и синихъ мундирахъ... Фишеръ и Штурманъ затрещали изъ винтовокъ почти въ упоръ въ эти скученныя головы. Отвѣтный залпъ, свалившій послѣднихъ защитниковъ... Задніе въ кровавомъ азартѣ напирали на переднихъ, толкая трупы своихъ же, трупы, въ тѣснотѣ продолжавшіе стоять и поэтому—особенно страшные. Піанино рухнуло, и въ предсмертной агоніи жалобно зазвенѣли въ послѣдній разъ клавиши...

Нѣмцы потокомъ хлынули... Дорвались...

Высокій, бѣлобрысый унтеръ-офицеръ, поскользнувшись въ крови, упалъ рядомъ съ маленькимъ зуавомъ. Умирающій, собравъ послѣднія силы, вцѣпился своими тонкими, упругими пальцами въ горло пруссака и за-

душилъ его. Грубый, подбитый гвоздями каблукъ опустился на бритый черепъ зуава... Юноша въ синей курткѣ и красныхъ шароварахъ былъ пронзенъ штыками... Долго еще топтали его трупъ солдатскіе сапоги...

Въ полдень лишь, похоронивъ тысячу двѣсти человѣкъ, выбывшихъ изъ строя навсегда, и оказавъ первую помощь почти такому же количеству своихъ раненыхъ, могла продолжать дальнѣйшее свое наступленіе „желѣзная дивизія".

Легіонеры вмѣстѣ съ зуавами задержали ее на цѣлыхъ семнадцать часовъ...

9.

— Бернарди!

— Ваше величество...

— Поди, узнай!..

Любимецъ кайзера Вильгельма, молодой флигель-адъютантъ, полковникъ фонъ-Бернарди, вышелъ изъ рабочаго кабинета императора.

Вильгельмъ былъ въ полной парадной формѣ кирасирскаго генерала, въ лосинахъ, высокихъ ботфортахъ и съ лентою черезъ плечо. Пожалуй, слишкомъ парадно для дѣйствующей арміи. Но, во-первыхъ, Вильгельмъ жить не могъ безъ декоративнаго блеска, рисуясь и позируя даже передъ

своими камеръ-лакеями, а, во-вторыхъ, онъ принималъ только что американскаго посла, человѣка съ внѣшностью зубного врача и съ много-милліоннымъ состояніемъ. Его не удивишь и не поразишь даже цѣлымъ собраніемъ вмѣстѣ самыхъ пышныхъ мундировъ вселенной. И поэтому, у невзрачнаго бритаго человѣка въ черной визиткѣ не имѣли никакого успѣха ни мучнистые лосины, ни голубая лента, ни лакированные ботфорты.

Посолъ съ внѣшностью дантиста кисло замѣтилъ его величеству, что облетѣвшія весь міръ безчинства и звѣрства германской арміи въ Бельгіи вызываютъ негодованія въ гражданахъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Посолъ-демократъ, не искушенный въ дипломатическомъ куртизанствѣ, такъ и ляпнулъ: „негодованіе".

Кайзера всего передернуло. Удержавшись отъ готовыхъ сорваться съ языка рѣзкостей, онъ сталъ оправдываться передъ невзрачнымъ бритымъ человѣкомъ въ визиткѣ, сваливая всю вину частью на самихъ бельгійцевъ, частью на баварцевъ, перестаравшихся въ разрушеніи Лувена.

Вотъ почему, отпустивъ этого „неотесаннаго мужика", передъ которымъ надо было заискивать, Вильгельмъ кусалъ въ раздраженіи концы своихъ знаменитыхъ усовъ, съ

утра подвитыхъ искусными щипцами придворнаго парикмахера.

Бернарди вышелъ, а кайзеръ углубился въ громадную карту, свисавшую съ письменнаго стола, подобно цвѣтной скатерти. Кайзеръ морщилъ свой упрямый лобъ, и правая часть лица подергивалась конвульсивной гримасою. Тамъ и сямъ воткнуты флажки на западномъ и восточномъ фронтѣ. Но какъ они медленно подвигаются впередъ, флажки... Ченстоховъ, Калишъ... Это почти у самой границы. Ну, а дальше?..

Звонъ шпоръ. Вытянулся Бернарди.

— Ваше величество. Плѣнникъ здѣсь. Прикажите ввести?..

Императоръ молча кивнулъ головой и, взявъ свободный флажекъ, воткнулъ его въ центръ жирнаго кружочка съ жирной подписью „Варшава“.

Новый звонъ шпоръ, болѣе грубый и менѣе мелодичный, чѣмъ у флигель-адъютанта фонъ-Бернарди. Два драгуна съ обнаженными палашами ввели высокаго свѣтлобородаго французскаго легіонера, въ синемъ мундирѣ съ малиновыми эполетами. Лѣвая рука его была на перевязи. Вся голова плотно забинтована.

— Ступайте отсюда! — приказалъ Вильгельмъ драгунамъ и, обращаясь къ флигель-адъютанту:

— Бернарди, оставь насъ вдвоемъ! Я тебя позову...

И кайзеръ остался въ своемъ кабинетѣ съ глазу на глазъ съ плѣнникомъ. Жесткой, злорадной усмѣшкой исказилось лицо кайзера.

— Ну, бывшій мой племянникъ и бывшій принцъ Отто Гогенцоллернъ... соблаговолите подойти ближе...

Августъ Фишеръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Письменный столъ раздѣлялъ племянника и сидѣвшаго въ креслѣ дядю.

Фишеръ спокойно,—онъ весь былъ какъ-то величаво спокоенъ,—выдержалъ взглядъ императора, этотъ надменный немигающій, взглядъ, отъ котораго самыхъ важныхъ сановниковъ и генераловъ кидало въ холодный потъ.

— Какой позоръ!.. Я горю весь отъ жгучаго стыда!.. Принцъ крови, принцъ моего дома бѣжалъ къ этимъ французишкамъ, бѣжалъ въ легіонъ, сплошь комплектующійся изъ мошенниковъ, воровъ и убійцъ... Клятвопреступно сражался противъ близкихъ ему по крови германцевъ...—Вильгельмъ покачалъ головой и, словно подъ бременемъ гложущаго „стыда", откинулся на спинку кресла.

— Ты, по своему обыкновенію, въ угоду себѣ искажаешь факты,—молвилъ Фишеръ.—Перечисляя мошенниковъ, воровъ и убійцъ,

ты забылъ про цѣлыя сотни германскихъ дезертировъ, бѣжавшихъ отъ звѣрскихъ издѣвательствъ офицеровъ и генераловъ твоихъ. Издѣвательствъ, которыя называются дисциплиной.

— Ты лжешь!

— Тебѣ угодно цифръ, доказательствъ!.. Не перебивай меня... Запасись терпѣніемъ и выслушай. Я уже оправился отъ своихъ ранъ, и меня можно разстрѣлять, что, конечно, будетъ исполнено черезъ нѣсколько минутъ... Моя послѣдняя, единственная просьба — выслушать меня. До сихъ поръ такъ никто не говорилъ съ тобой. Передъ тобой только трепетали. Трепетали— одни съ тайной ненавистью, другіе — съ презрѣніемъ.

Кайзеръ привскочилъ въ креслѣ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Какъ ты смѣешь. Ты, потерянный, погибшій человѣкъ! Впрочемъ, говори, продолжай... Я готовъ быть великодушнымъ...

Легіонеръ, съ бородою скандинавскаго бога, улыбнулся.

— Я не буду злоупотреблять твоимъ „великодушіемъ". Итакъ, ты бросилъ мнѣ обвиненіе въ томъ, что я, забывъ присягу и клятву, бился подъ французскимъ знаменемъ противъ твоихъ полковъ. Да, я не раскаиваюсь въ этомъ! Ничуть! Ты олицетворялъ собою Германію, грубую, самодовольную, одичавшую

отъ этихъ вѣчныхъ вооруженій, забывшую человѣческій обликъ и цѣликомъ ушедшую въ крупповскія орудія, штыки и пулеметы. И я возненавидѣлъ и тебя, и Германію! Я задыхался и отъ твоихъ орденовъ, и звѣздъ и въ твоемъ мундирѣ начальника кирасирской бригады! Ты надоѣлъ мнѣ!.. Надоѣлъ всѣмъ своими трескучими рѣчами, своими хвастливыми угрозами по адресу Европы и, въ концѣ-концовъ, своей трусостью... Потому что, несмотря на все бряцанье оружіемъ, ты, ничто иное, какъ трусъ...

Вильгельмъ, съ перекосившимся лицомъ, схватилъ лежавшій на краю стола револьверъ.

Бывшій принцъ Отто съ презрительной усмѣшкой сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Стрѣляй! Отчего же не застрѣлить безнаказанно человѣка, плѣннаго, котораго передъ тѣмъ, какъ вести сюда, тщательно обыскали. Для этого не надо быть храбрымъ.

Императоръ въ бѣшенствѣ швырнулъ револьверомъ на полъ. Вбѣжалъ на этотъ громкій стукъ блѣдный, перепуганный фонъ-Бернарди.

— Прочь! — изступленно заоралъ Вильгельмъ.

Флигель-адъютантъ скрылся.

— Продолжай,—пересохшими губами молвилъ кайзеръ, противъ воли побѣжденный силою духа этого безстрашнаго человѣка.

— Изволь. Итакъ, мнѣ было душно, нестерпимо душно. Всѣ эти кривлянья, вся эта игра въ строжайшій придворный этикетъ, вмѣстѣ съ коронованнымъ комми-вояжеромъ, метавшимся по Европѣ изъ конца въ конецъ, все это опостылѣло мнѣ. Помнишь, я отпросился въ Камерунъ. Я хотѣлъ отдохнуть отъ Берлина со всѣми его прелестями. Отдохнуть среди первобытной природы, первобытныхъ людей. Но и тамъ я не нашелъ успокоенія. Твои губернаторы и генералы устраивали такія кровавыя бани туземцамъ - неграмъ, предъ которыми испанскіе конквистадоры прошлыхъ вѣковъ—невинные младенцы! Я своими глазами увидѣлъ, какъ насаждается германская культура въ колоніяхъ. Увидѣлъ и содрогнулся! Вышелъ скандалъ. Я хватилъ по физіономіи одного изъ твоихъ вѣрныхъ слугъ, возмущенный его дьявольской безчеловѣчностью. Предложилъ ему удовлетвореніе. Онъ отказался. И тогда я уѣхалъ, уѣхалъ, куда глаза глядятъ! Я очутился въ Иностранномъ Легіонѣ. Тамъ, у французовъ, я встрѣтилъ столько теплоты и сердечности, встрѣтилъ настоящую гуманную культуру. Я полюбилъ ее, и Франція стала мнѣ родиной. И я безъ колебанія пошелъ въ ея рядахъ противъ васъ. Потому, что вы, германцы, руководимые тобою, вы, угроза цивилизаціи, бронированные варвары! Вы затѣяли войну,

чтобъ вся Европа захлебнулась въ крови. Вашъ способъ веденія войны достоинъ зулусовъ и бушменовъ. Твои офицеры и солдаты рубятъ всему бельгійскому юношеству большой и указательный пальцы, чтобъ они никогда не могли стрѣлять...

— Ложь!

— Нѣтъ, правда, тысяча разъ правда! И за всѣ эти злодѣйства васъ ждетъ расплата. Армія палачей и насильниковъ никогда не будетъ побѣдоносна. Вашъ разгромъ неминуемъ...

— Жалкій же ты пророкъ!—неестественно-фальшиво захохоталъ кайзеръ.—Смотри сюда, несчастный. Варшава уже занята, и мои арміи движутся на Петербургъ.

— Не вѣрю...

— Не вѣришь? Онъ не вѣритъ!—воскликнулъ кайзеръ съ какимъ-то безуміемъ въ лицѣ и въ глазахъ. Конвульсивно запрыгала короткая, сухая рука, и на губахъ выступила пѣна...

Вильгельмъ нажалъ кнопку, долго не отпускалъ ее. Успѣлъ вбѣжать Бернарди, успѣлъ обратиться въ почтительный соляной столбъ, а сухой трескъ электрическаго звонка наполнялъ кабинетъ и бѣжалъ куда-то дальше... Императоръ указалъ своему флигель-адъютанту на Фишера.

— Сію же минуту!..

Зазвенѣли шпоры драгунъ.

Кайзеръ остался одинъ въ кабинетѣ. Онъ сидѣлъ глубоко въ креслѣ, съ опущенной головой, теребя пальцами здоровой руки свою ленту...

Тихо... И въ тишинѣ ясно и четко прозвучалъ отрывистый ружейный залпъ... И опять стало тихо въ кабинетѣ императора Германіи...

Дикарь.

I.

Это Францiя перебрасывала на театръ военныхъ дѣйствiй свой колонiальный корпусъ. Врядъ ли волны теплаго Средиземнаго моря видѣли когда-нибудь такое зрѣлище. Пароходъ за пароходомъ, транспортъ за транспортомъ, вытянулись вереницею суда, нагруженныя войсками. И по обѣимъ сторонамъ, движущимся могучимъ заслономъ, шли французскiе и англiйскiе броненосцы. Внушительный конвой! Длинные, аспидно-сѣрые хоботы дальнобойныхъ орудiй зорко всматривались въ безконечныя морскiя дали, угрожающе буравя чистый и ясный, нагрѣтый солнцемъ воздухъ.

И горе тому крейсеру, броненосцу, или даже дредноуту, все равно, будь германскiй или австрiйскiй, — покажись онъ только на горизонтѣ!.. Съ громоподобной убѣдительностью заговорили бы тогда всѣ эти аспидно-сѣрыя, гладко отполированныя, какъ дорогiя игрушки, орудiя. Чортъ бы побралъ

такія игрушки, и не приведи Богъ имѣть съ ними дѣло!

Но хотя Германія съ удовольствіемъ пустила бы ко дну всѣ эти переполненные отважными колоніальными солдатами грузовики и транспорты, однако, убѣгающія дали дѣвственно чисты, прозрачны и—нигдѣ ни одной подозрительной точки... Кругомъ — водяная пустыня, въ туманной дымкѣ сливающаяся съ опрокинутой чашею безоблачныхъ, нѣжныхъ, бирюзовыхъ небесъ.

Море, густое и зеленое, какъ малахитъ. Стальными кирасами глубоко взрѣзываютъ его чуть зыблющуюся гладь крѣпкогрудые броненосцы. Сѣдой, бурлящей нѣною расходятся волны, и далеко-далеко бѣжитъ слѣдъ...

Въ марокканскихъ и алжирскихъ портахъ грузили этихъ чернокожихъ воиновъ. И когда не хватило трансиортовъ и „купцовъ", взяли еще нѣсколько пассажирскихъ пароходовъ. И преобразились эти элегантные плавучіе дома съ комфортабельными каютами, концертнымъ заломъ и спеціальной палубою для тенниса. Все сплошь, и каюты, и три яруса палубъ, и трюмы, и гдѣ только можно было ступить ногою,—все почернѣло, наводненное потоками людей. Почернѣло въ буквальномъ смыслѣ слова, такъ какъ это были все чернокожіе солдаты.

На одномъ изъ такихъ пловучихъ домовъ

размѣстилось два баталіона сенегальскихъ стрѣлковъ. Эти большія дѣти, скаля зубы, чудесные, крѣпкіе зубы, перекусывающіе проволоку, съ хохотомъ, гримасничая и толкая другъ друга, смотрѣлись въ громадныя зеркала, отдѣланной плюшемъ, бронзою и краснымъ деревомъ, какъ бомбоньерка, нарядной каютъ-компаніи.

Эти взрощенные пустынею западной Африки дикари, не видѣвшіе ничего, кромѣ родныхъ тростниковыхъ шалашей и потомъ, много позднѣе, своихъ марокканскихъ казармъ, дивились этой сказочной роскоши, этимъ громаднымъ зеркаламъ, отражавшимъ „всего человѣка".

И зараженные смѣхомъ этихъ „первобытныхъ" людей, смѣялись французскіе унтеръ-офицеры, казавшіеся рядомъ съ ними игрушечными солдатиками. Снисходительно пожимали плечами:

— Что подѣлаешь—дикари!..

Но въ этомъ было больше добродушія, чѣмъ вѣковѣчнаго презрѣнія бѣлаго къ черному.

Первый баталіонъ полка сенегальскихъ стрѣлковъ весь комплектовался изъ негрскаго племени уолофовъ. Это самые высокіе люди въ Старомъ Свѣтѣ. А въ Новомъ соперничать съ ними въ ростѣ могутъ одни развѣ патагонцы. Но патагонцы сухощавы, у этихъ

же негровъ, зовущихся уолофами, гигантскому росту отвѣчаетъ вполнѣ атлетическое сложеніе. Тамъ у себя, на своей знойной родинѣ, уолофы привыкли ходить нагими. И не мудрено, что ихъ темно-бронзовымъ торсамъ неловко и тѣсно подъ сѣрыми форменными куртками. На курчавыхъ, жестоковолосыхъ головахъ—красныя, высокія фески, а ноги тонутъ въ широкихъ, бѣлыхъ шальварахъ. Сенегальцы никакъ не могутъ привыкнуть къ обуви. Стѣсняетъ и жарко. И вотъ они сидятъ и ходятъ разутые, освободившись отъ подбитыхъ гвоздями, тяжелыхъ, шнурованныхъ башмаковъ.

Молодой Оматако даже среди сенегальцевъ рѣзко выдѣляется своимъ ростомъ. Когда его привезли изъ Санъ-Луи въ Марокко отбывать воинскую повинность, на него не могли пригнать готовой формы. Этому черному Геркулесу въ полковой швальнѣ заказаны были новая куртка, новая шинель и темно-синій капотъ съ отогнутыми, пристегивающимися къ поясу полами. Измѣрили ростъ Оматако,—Боже, какую глупую рожу онъ скорчилъ!—оказалось два метра съ небольшимъ.

На широкой груди Оматако завидно красуется на лентѣ военная медаль. Оматако получилъ боевое крещеніе и не новичекъ въ войнѣ. Бурная, кровавая юность, когда го-

лый, съ копьемъ, Оматако, вмѣстѣ со своимъ племенемъ, воевалъ противъ сосѣдей серреровъ—не въ счетъ. Но, уже французскимъ солдатомъ, въ формѣ и со скорострѣльной винтовкою, вмѣсто копья, Оматако нѣсколько разъ былъ въ бояхъ съ арабами, и за послѣдній бой, когда вынесъ подъ огнемъ своего раненаго ротнаго, онъ получилъ военную медаль.

Ахъ, это было смѣшно—раздача наградъ. Командиръ колоніальнаго корпуса собственноручно вѣшалъ отличившимся сенегальскимъ стрѣлкамъ на грудь медали. Великаны, улыбаясь темно-бронзовыми плосконосыми скулатыми лицами, не понимали, въ чемъ дѣло. Имъ казалось, что сухощавый, съ клинообразной сѣдой бородкою генералъ раздаетъ амулеты. Зачѣмъ, когда съ нихъ довольно и своихъ собственныхъ амулетовъ? У Оматако, напримѣръ, висѣло на веревочкѣ вокругъ шеи цѣлыхъ четыре. Онъ помнилъ, — это было въ далекомъ дѣтствѣ,—его мать, долго носившая сына въ корзинкѣ за спиною, сама своими черными потрескавшимися руками надѣла ему талисманы, предохраняющіе отъ недобрыхъ людей и духовъ. Здѣсь была просверленная косточка рыбы,—чтобъ Оматако не могъ утонуть. Добытый съ большимъ трудомъ львиный зубъ долженъ былъ вселить въ Оматако львиную храбрость. Кусо-

чекъ крокодиловой кожи—ниспошлетъ Оматако дружбу и содѣйствіе коварныхъ и темныхъ духовъ. А корешекъ въ видѣ изогнутаго человѣчьяго зуба—долженъ обезпечить будущему воину неуязвимость.

Получивъ медаль, этотъ, по его мнѣнію, новый талисманъ, Омагако хотѣлъ присоединить его къ уже имѣющимся четыремъ. И первымъ движеніемъ его было растегнуть куртку. И только выразительный взглядъ унтеръ-офицера Вотье пресѣкъ эту готовившуюся безтактность.

Потомъ Вотье долго пытался вбить въ курчавую, словно сбившимся войлокомъ обросшую, голову сенегальца, что орденъ есть почетная награда, никакъ не должно смѣшивать ее со всякой языческой дрянью, которой обвѣшиваются глупые негры. Да, глупые!.. Отважны, дерутся, какъ черти, но—глупые!..

Удалось ли старому, сверхсрочному, вѣрнѣе безсрочному унтеръ-офицеру убѣдить своего стрѣлка — неизвѣстно. Извольте нѣсколькими словами перевернуть вверхъ дномъ прочно сложившуюся, какъ груда неотесанныхъ камней, психологію дикаря! Но только черный геркулесъ никогда не разставался съ своимъ орденомъ. И неразлученъ съ нимъ, какъ съ винтовкой.

Сенегалецъ питаетъ какую-то болѣзненную страсть къ оружію. Онъ рѣдко выпус-

каетъ изъ рукъ свою винтовку. Обѣдаетъ вмѣстѣ съ нею, ложится спать. Не разстается съ нею, даже если тяжко раненъ, и замертво поднимаютъ его, истекающаго кровью, санитары.

Плыли день, плыли ночь подъ конвоемъ англо-французскихъ броненосцевъ. Плыли въ Марсель по кратчайшей прямой. Этого не одобрялъ Оматако. Онъ говорилъ своему товарищу по взводу и земляку по деревнѣ, такому же, какъ и онъ самъ, темно-бронзовому сенегальцу, только на полголовы ниже.

— Омаруру, такъ нельзя!.. Эти франки— добрые люди, но не знаютъ всѣхъ военныхъ хитростей.

— А что?

— Какъ, что! Видишь, мы ѣдемъ все прямо, прямо. А надо запутать дорогу, чтобъ сбить съ толку злого духа, который слѣдуетъ за нами по пятамъ. Если же мы его не одурачимъ, онъ разскажетъ все этимъ проклятымъ германцамъ, потому что навѣрное съ ними въ дружбѣ...

„Этимъ проклятымъ германцамъ!"

Французы не внушали своимъ чернокожимъ солдатамъ ненависти къ врагу. Но и Оматако, и Омаруру, и всѣ деревни уолофовъ далеко не питали пріязни къ нѣмцамъ. Въ ихъ странѣ то и дѣло появлялись негрыбѣглецы изъ германскихъ колоній въ Конго.

Бѣглецы жаловались на всевозможныя притѣсненія, показывая уолофамъ свои спины въ свѣжихъ рубцахъ.

— Что это такое? — спрашивали уолофы.

Бѣглецы выли въ отвѣтъ, объясняя, что это слѣды бичей изъ гиппопотамовой кожи. Бѣлые люди съ бѣлыми волосами и глазами,— усы и борода у нихъ тоже бѣлые,—всѣ поголовно бьютъ бѣдныхъ негровъ. Дерутся важные начальники, дерутся офицеры, солдаты, купцы, женщины, дѣти, — всѣ дерутся.

Уолофы, сочувствуя бѣглецамъ, хвастались своими бѣлыми.

— Наши франки не бьютъ черныхъ. А если пріѣзжаютъ охотники на слоновъ, то берутъ себѣ одни только бивни, а сало и мясо отдаютъ сопровождающимъ ихъ уолофамъ.. И это бываетъ пиръ, о которомъ воспоминаній хватаетъ надолго!..

Вотъ почему сенегальскіе стрѣлки радовались войнѣ съ людьми, у которыхъ все бѣлое, до глазъ, рѣсницъ и бровей включительно. Они припомнятъ имъ бичи изъ гиппопотамовой кожи и всякія другія обиды, что терпитъ отъ нихъ на Конго черный человѣкъ.

Офицеры съ удовольствіемъ отмѣчали воинственное настроеніе своихъ стрѣлковъ.. Омаруру, перегнувшись черезъ бортъ, слѣдилъ за стадомъ рѣзвящихся дельфиновъ.

Влажными сверкаюшими на солнцѣ бросками упругихъ тѣлъ, дельфины, то появляясь, то исчезая, преслѣдовали пароходъ. Громадные глазища Оматако съ синими, все его темное лицо озарявшими бѣлками, выражали безпокойство. Навѣрное, это цѣлое сонмище злыхъ духовъ прикинулось рыбами, чтобъ неотступно слѣдить, куда поѣдутъ и гдѣ высадятся солдаты франковъ! И если бъ не дисциплина, Оматако, рискуя даже навлечь на себя гнѣвъ духовъ, съ наслажденіемъ перестрѣлялъ бы изъ своей винтовки этихъ назойливыхъ дельфиновъ. И ужъ навѣрное не далъ бы промаха онъ, Оматако, попадающій на сто шаговъ въ мѣдную, въ пять сантимовъ, монету.

Вдоль палубы, лавируя между тѣлами своихъ босоногихъ солдатъ, то растянувшихся во всю длину, то сидящихъ на корточкахъ, шли два офицера. Старый капитанъ Бодуэнъ, ротный Оматако, участникъ многихъ колоніальныхъ войнъ, и молодой изящный лейтенантъ маркизъ де-Вуа.

— Посмотрите на эти сіяющія рожи! Они идутъ на войну, какъ на праздникъ,—говорилъ капитанъ.

— Великолѣпные солдаты. Я жду отъ нихъ положительныхъ чудесъ! — улыбаясь красивымъ безусымъ личикомъ, восторженно согласился маркизъ.

Капитанъ увидѣлъ впереди гигантскую фигуру Оматако, и суровое, въ шрамахъ, лицо стараго африканскаго солдата просіяло нѣжной отеческой улыбкою. Оматако спасъ ему жизнь, вынесъ его подъ градомъ пуль.

Капитанъ ударилъ сенегальца по плечу.

— О чемъ задумался, дружище?..

Оматако вытянулся, приложивъ свои громадные, черные пальцы къ фескѣ.

— О чемъ ты думалъ сейчасъ?..

— Эти рыбы, господинъ капитанъ... Ихъ надо убить... Это нехорошія рыбы...

— Лучше побереги свои заряды для нѣмцевъ... Хочешь драться съ ними?..

Оматако задрожалъ весь, оскалилъ свои великолѣпные, стиснутые зубы; дѣтски-наивное лицо чернаго великана стало вдругъ свирѣпымъ:

— О, господинъ капитанъ... Оматако убиваетъ много нѣмцевъ!.. И пулей, и на штыкъ.

— Ладно, ладно, старайся, дружище! Если ты ихъ много убьешь, тебя ждутъ капральскія нашивки.

Оматако завылъ отъ радости. Офицеры прошли мимо.

— Этотъ, если самого не убьютъ, испортитъ не мало крови нѣмцамъ... Да и всѣ они... Надо вникнуть, маркизъ, въ ихъ психологію, психологію негра, низведеннаго германцемъ на положеніе вьючной скотины. И

вотъ, наконецъ, теперь—не безправные рабы, а вооруженные усовершенствованными скорострѣлками, дисциплинированной, обученной массою, идутъ эти негры на законномъ основаніи, на равныхъ условіяхъ,—идутъ бить ненавистныхъ бѣлыхъ...

— Это вѣрно, капитанъ. Они будутъ драться, какъ львы. Но я, право, не знаю, насколько полезно культивировать войну между чернокожими и бѣлыми, хотя бы даже такими гнусными бѣлыми, какъ германцы? Это можетъ уронить престижъ непобѣдимости бѣлой расы, вообще, какъ таковой, въ глазахъ негровъ.

— Э, полноте, милый маркизъ! Это вовсе не такъ уже страшно. Если вы думаете, что палка о двухъ концахъ, то они, эти самые негры, благодаря нашему человѣческому отношенію къ нимъ, настолько примирились и сжились съ нашимъ господствомъ... Лично я не предвижу никакихъ опасныхъ возможностей...

На разсвѣтѣ прибыла вся эта громадная флотилія въ Марсель. Полдня продолжалась высадка. Въ громадномъ порту вся набережная усѣялась десятками тысячъ зрителей, шумно привѣтствовавшихъ колоніальный корпусъ. Чернокожихъ солдатъ забрасывали цвѣтами, папиросами, шоколадомъ, всевозможными лакомствами...

— Въ Берлинъ, въ Берлинъ! — кричала толпа, махая шляпами, зонтиками, платками...

Живописнымъ зрѣлищемъ было прохожденіе войскъ черезъ весь городъ, къ вокзалу, гдѣ начнутъ ими грузить, эшелонъ за эшелономъ, поѣздъ за поѣздомъ.

Впереди шагали сухощавые бритоголовые зуавы въ съѣхавшихъ на затылокъ фескахъ и въ красныхъ сургучныхъ шальварахъ. Вслѣдъ за ними—полкъ сенегальскихъ стрѣлковъ. Негры маршировали въ ногу, озираясь, какъ дѣти, на переполненныя народомъ кафэ, на громадныя витрины роскошныхъ магазиновъ со всякой заманчивой всячиною. Оматако даже среди рослыхъ сенегальцевъ замѣтно выдѣлялся исполинской фигурой своею. Мальчишки бѣжали за нимъ, крича:

— Смотрите, какой маленькій... Совсѣмъ крошка!..

Оматако на ходу схватилъ одного изъ мальчишекъ и, посадивъ къ себѣ на ладонь, вытянулъ вмѣстѣ съ нимъ высоко надъ головою руку и продолжалъ шагать, какъ ни въ чемъ ни бывало. Эксцентричная толпа дружно оглушительно рукоплескала исполинскому сенегальцу.

Въ хвостѣ безконечной колонны двигалась кавалерія. На горячихъ арабскихъ лошадяхъ гордо сидѣли въ своихъ бѣлыхъ бурнусахъ арабы пустыни. Это былъ полкъ

спаи,—еще никогда невиданная въ Марселѣ славная конница изъ Алжира. Спаи ѣхали на короткихъ стременахъ, и почти вровень съ сѣдломъ приходились колѣни.

Вереницы поѣздовъ ожидали на нѣсколькихъ запасныхъ путяхъ колоніальныхъ солдатъ Франціи. На многихъ вагонахъ было написано мѣломъ:

„Au Berlin"!..

2.

Весело гостилось пруссакамъ въ старомъ замкѣ. Вновь, спустя безъ малаго полвѣка, повторяется семидесятый годъ. И всѣ „добрые" нѣмцы, начиная съ кайзера и кончая послѣднимъ рядовымъ ландштурма, ни на минуту не сомнѣвались, что война завершится для Франціи такимъ же разгромомъ, какъ въ семидесятомъ году.

Мудрено ли, что офицеры одного изъ прусскихъ полковъ гвардейской пѣхоты чувствовали себя „завоевателями" съ головы до ногъ въ шестисотлѣтнемъ родовомъ гнѣздѣ маркизовъ де-Вуа. Семья владѣльца спѣшно покинула замокъ. Наглые пришельцы съ того берега Рейна, предполагавшіе встрѣтить если и не радушный, то, во всякомъ случаѣ, хоть какой-нибудь пріемъ, — разочаровались. Не надолго, правда. Сами же рѣшили: „Тѣмъ

лучше! Этимъ бѣгствомъ, дряблый маркизишка развязываетъ намъ руки. Къ чорту всякія церемоніи!.. Мы совсѣмъ не будемъ стѣсняться!“

И прежде всего перестали стѣсняться гвардейцы изъ Берлина съ виннымъ погребомъ стараго замка. Спозаранку уже лилось рѣкою вино. Нельзя было терять драгоцѣннаго времени. Еще день-другой пробудутъ офицеры въ замкѣ, а тамъ маршъ на позиціи, гдѣ уже не до шампанскаго!..

Это одинъ изъ немногихъ во Франціи замковъ, сберегшій въ чистотѣ и неприкосновенности, безъ всякихъ реставраторскихъ посягательствъ, готическій обликъ свой. Даже подъемный мостъ на цѣпяхъ, перекинутый черезъ глубокій ровъ, и тотъ сохранился. Правда, теперь времена другія. И поднимать его нѣтъ никакой надобности. Но какъ отзвукъ далекаго минувшаго—это очень интересно. И недаромъ за нѣсколько мѣсяцевъ до войны кинематографическая фирма „Патэ“, съ любезнаго разрѣшенія маркиза, снимала подробнѣйшіе виды всей усадьбы, и замокъ де-Вуа мелькалъ на всѣхъ экранахъ въ разныхъ точкахъ земного шара.

Тяжелыя массивныя стѣны, круглыя башни съ амбразурами, узкія стрѣльчатыя окна съ цвѣтными стеклами, спаянными вѣковѣчнымъ свинцомъ... И какъ въ древнемъ готическомъ

храмѣ, главный подъѣздъ изукрашенъ тонкимъ кружевомъ лѣпной орнаментики, гдѣ вытянутыя аскетическія фигуры святыхъ, чередовались съ заостренными углами узоровъ, съ цѣлымъ хаосомъ колоннъ разныхъ величинъ и формъ и съ барельефными изображеніями домашнихъ и хищныхъ животныхъ. И надъ портикомъ гранитный щитъ съ гранитнымъ львомъ, пронзеннымъ тучею стрѣлъ. И все-таки, левъ еще величавъ и могучъ. Истекаетъ кровью, но гнѣвно оскалена пасть. Онъ умираетъ, но умираетъ свободный и гордый... Таковъ шестисотлѣтній девизъ множества поколѣній маркизовъ де-Вуа.

Этотъ опустѣвшій замокъ, едва только успѣла выѣхать семья владѣльца,—оживился постоемъ гвардейскаго баталіона пруссаковъ. На обширномъ квадратномъ дворѣ съ мраморнымъ фонтаномъ посрединѣ, запыленные и грубые нѣмцы расположились бивуакомъ. Поставлены въ пирамиды винтовки. Рослые, отборные, одинъ къ одному солдаты, снимая мундиры и каски, шли мыться къ фонтану, облѣпивъ круглый мраморный, въ видѣ гигантской чаши, бассейнъ, своими потными, грузными тѣлами. Четыре мраморныхъ дельфина, покрытыхъ такимъ влажно-зеленоватымъ, нѣжнымъ дыханіемъ времени, выбрасывали высоко вверхъ изъ своихъ пастей четыре упругихъ струи, переливающихся на

солнцѣ огнями радуги. Солдаты, фыркая, мылись, взбалтывая чистую воду бассейна грязной мыльной пѣною. И пошла пачкотня кругомъ. И по каменнымъ плитамъ двора потекли лужи.

Офицеры шумной галдящей толпою осматривали замокъ. Это былъ музей — столько хранилось въ немъ художественныхъ сокровищъ! Въ громадномъ бѣломъ, въ два свѣта, залѣ съ мраморными бюстами вдоль стѣнъ, смотрѣли изъ потемнѣвшихъ рѣзныхъ рамъ портреты былыхъ владѣльцевъ. Отважные кавалеры эпохи Людовика Одиннадцатаго и Генриха Четвертаго съ узенькими бородками, лихо закрученными усами и въ желѣзныхъ доспѣхахъ. Позднѣйшія поколѣнія представлены были галантными, бритыми, въ пудренныхъ парикахъ и атласныхъ камзолахъ маркизами. И тутъ же рядомъ загадочно улыбались очаровательныя дамы съ мушками и съ покатыми узкими плечами ослѣпительной бѣлизны. И все это кисти лучшихъ мастеровъ— Бушэ, Риго, Миньяра, Греза.

Молодой, бѣлобрысый лейтенантъ, баронъ Лауницъ, считавшійся въ полку „милымъ проказникомъ", не выдержалъ:

— Господа! Эти великолѣпные французскія дамы выглядятъ черезчуръ слащаво. Слѣдуетъ придать имъ болѣе мужественный видъ.

Лауницъ раздобылъ гдѣ-то чернильницу.

Сталъ на обитое гобэленомъ, золоченое кресло и, макая въ чернила грязный палецъ перчатки, нарисовалъ дамамъ усы, а нѣкоторымъ прибавилъ и бородку a la Генрихъ VI й. И всѣ нашли забавной шутку Лауница, и всѣ хохотали. И громче всѣхъ—упитанный баронъ Пиларъ, молодой еще полковникъ, флигель-адъютантъ кайзера Вильгельма и командиръ баталіона. А капитанъ фонъ-Гюне, смуглый, изрытый оспою брюнетъ, не похожій на пруссака, дѣловито замѣтилъ:

— Потомъ чернила можно будетъ смыть. Эти портреты мы увеземъ къ себѣ. Насколько я понимаю толкъ въ живописи, они представляютъ извѣстную цѣнность, и можно будетъ выгодно продать берлинскимъ антикваріямъ.

Покончивъ съ осмотромъ картинной галлереи, прусскіе гвардейцы хлынули въ паркъ. Уходила въ перспективу прямая широкая стриженная аллея. И дальше за нею—неподвижнымъ зеркаломъ блестѣлъ искусственный прудъ. И на его глади стройными силуэтами скользили съ гордо поднятой высокой шеей бѣлые лебеди.

Милый шутникъ баронъ Лауницъ и здѣсь оказался на должной высотѣ.

— А что, если мы ихъ перестрѣляемъ?..

Сказано—сдѣлано. Офицеры вынули изъ заднихъ кармановъ своихъ форменныхъ пан-

талонъ плоскіе, какъ черные стальные портсигары, „маузеры". И пошла съ берега трескотня. Величаво спокойные лебеди заметались, испуганно вытягивая шеи, трепеща крыльями. Въ зеркальную гладь пруда шлепались, вздымая фонтанчики брызгъ, пули. Уже бѣлое, какъ снѣгъ, опереніе благородныхъ птицъ обагрилась алой кровью...

Откуда-то бѣжалъ помощникъ садовника, въ синей блузѣ. Онъ издали кричалъ, махая руками:

— Что вы дѣлаете! Какъ вамъ не стыдно!.. Господинъ маркизъ... онъ такъ любитъ своихъ лебедей...

— Плевать мы хотимъ на твоего маркиза! Мы—хозяева здѣсь! Мы! Понимаешь, французскій выродженецъ?.. Здѣсь все наше, это все наше, германское!.. И черезъ мѣсяцъ вся Франція...

— Лжешь, нѣмецъ!.. Лжешь, разбойникъ!.. Не видать вамъ, варвары, прекрасной Франціи... Не видать, какъ...

Садовникъ не успѣлъ кончить. Пуля барона Лауница въ двухъ шагахъ прострѣлила синюю блузу, и садовникъ, взмахнувъ руками въ послѣдній разъ, съ подогнутыми колѣнями опрокинулся навзничь. Баронъ Лауницъ толкнулъ его носкомъ своей лакированной ботинки.

— Собака!..

„Охота“ на лебедей закончилась безъ всякой помѣхи. Окровавленныя бѣлоснѣжныя птицы застыли, свернувшись на водѣ. И ужъ не поднимались величаво ихъ плавныя лебединыя шеи...

Завтракали въ большой парадной столовой,—вся изъ рѣзного дуба, потемнѣвшаго отъ времени. Все было здѣсь въ темныхъ и мрачныхъ тонахъ. Большіе, съ высокими спинками тяжелые стулья, громадный каминъ, поддерживаемый каріадитами изъ бородатыхъ гномовъ. Сверху, въ цвѣтныя стекла, съ какой-то призрачно мягкой серебристостью, нѣжно и тихо струился дневной свѣтъ. И каждое стекло, артистической работы, изображало какую-нибудь охотничью, или батальную сцену.

Вспугнутый сумракъ наполнился шумомъ и гамомъ. Весело завтракали прусскіе гвардейцы. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ баронъ Пиларъ. Новенькій темносиній сюртукъ съ плоскими пуговицами былъ растегнутъ. Подъ нимъ—бѣлый жилетъ. Къ концу пиршества онъ уже не былъ такимъ бѣлымъ, весь залитый краснымъ, какъ кровь, бургундскимъ. Много было выпито бургундскаго. Запыленныя бутылки одна за другою вытягивались на столѣ длинной фалангой. Пруссаки, несмотря на весь свой шовинизмъ, хвалили французское вино.

— Теперь, впрочемъ, не будетъ больше французскихъ винъ. Будутъ все германскія вина, — говорилъ сидѣвшій въ концѣ стола, бритый полковникъ, съ полными розовыми щеками и съ моноклемъ въ глазу.—Еще двѣ недѣли, мѣсяцъ самое большое, и мы приберемъ къ рукамъ эту глупую, легкомысленную Францію, и она станетъ нашей провинціей... Да, да—провинціей!.. Я обращаю ваше вниманіе. Вотъ уже около мѣсяца идетъ война, но ни одинъ непріятельскій солдатъ не вступилъ на священную землю великой Германіи. А мы? Наша непобѣдимая армія творитъ чудеса!.. Что мы сдѣлали съ Бельгіей? Этой маленькой цвѣтущей страной, которая осмѣлилась заговорить о своемъ нейтралитетѣ? О какихъ-то своихъ правахъ?.. Какія тамъ могутъ быть права! Господа офицеры! Мы потомки тѣхъ самыхъ германцевъ, которые гордо заявили Риму: „Право мы носимъ на концахъ своихъ мечей!“ Судъ Германіи — судъ Божій! Итакъ, эта ничтожная Бельгія поплатилась дорогой цѣною. Враждебныя намъ газеты воюющихъ съ нами странъ сочиняютъ негодующія и слезныя статьи о нашихъ жестокостяхъ. Писакамъ нечего ѣсть, вотъ они и стараются. Что-жъ, мы дѣствительно жестоки. Но къ чорту на войнѣ всякія сантиментальности! Будь ты старикъ, женщина, дѣвушка, ребенокъ, но

если ты враждебно относишься къ завоевателямъ, или мѣшаешь — все прочь съ пути германскаго солдата, храбрѣйшаго изъ храбрыхъ!.. Все!.. Наши славные корпуса хлынули неудержимой волною въ эту дикую Россію, и оттуда съ востока доносится къ намъ на западъ эхо славныхъ побѣдъ германскаго оружія. Мы укрѣпляемся въ Польшѣ, горитъ Варшава, и близкое намъ по крови и духу населеніе прибалтійскаго края встрѣчаетъ ликованіемъ развернутыя знамена германскихъ полковъ... Та же самая картина и здѣсь. Мы движемся все впередъ и впередъ. Мы всего въ какихъ-нибудь двадцати километрахъ отъ Реймса. И когда мы войдемъ въ этотъ городъ, я прикажу моимъ солдатамъ стащить веревками на площадь конную статую Орлеанской потаскушки. Да и знаменитому собору, которымъ такъ гордятся эти тщеславные дегенераты-французы, я думаю, не избѣжать хорошей бомбардировки. Надо всѣми имѣющимися у насъ средствами сбивать спѣсь у этого народца, кичащагося своей яко-бы старой культурой. Довольно! Мы несемъ имъ свою культуру! Это—высшая степень военной техники, военнаго могущества. Это — наши сорокадвухсантиметровыя орудія, наши блиндированные поѣзда, бронированные автомобили, машины для рытья окоповъ. Хотѣлъ бы я посмотрѣть, что произойдетъ, когда стол-

кнутся въ стихійномъ шокѣ эти двѣ культуры,—германская и французская? Господа, я не краснорѣчивъ, и не ораторъ, я солдатъ, и мой истинный даръ слова тамъ, на позиціяхъ...

Офицеры дружными апплодисментами своими спѣшили убѣдить полковника, что и здѣсь, за столомъ, его великолѣпное краснорѣчіе оцѣнено по заслугамъ.

— Шампанскаго!..

Дорогіе хрустальные бокалы, которымъ надлежащее мѣсто въ музейной витринѣ, наполнились холоднымъ искрящимся виномъ.

Полковникъ баронъ Пиларъ всталъ, и за нимъ, какъ одинъ человѣкъ — дисциплина всегда дисциплиной,—поднялись офицеры баталіона. Красныя, возбужденныя лица, уже нетвердыя подгибающіяся ноги.

— Господа!.. Я опять поднимаю бокалъ за нашего верховнаго вождя, нашего возлюбленнаго кайзера... Послѣ этого знаменательнаго тоста никто никогда не выпьетъ ни единой капли изъ этихъ бокаловъ. Никто! Хохъ!..

— Хохъ, — единодушно отозвались офицеры.

Баронъ Пиларъ осушилъ до дна свой бокалъ и бросилъ его чрезъ плечо на паркетъ. Примѣру своего начальника послѣдовали всѣ офицеры. Съ предсмертнымъ звономъ разсы-

пался въ мельчайшіе осколки благородный хрусталь.

Въ столовую вошелъ въ каскѣ и высокихъ сапогахъ драгунскій офицеръ, пріѣхавшій изъ штаба корпуса ординарцемъ.

— Какія новости?..

Его усадили, угощали виномъ. Онъ пилъ, чокался и разсказывалъ.

— Новостей тьма! Побѣда за побѣдой! Армія генерала Гинденбурга движется на столицу Россіи. Со дня на день Россія запроситъ сепаратнаго мира. Мы оккупируемъ Польшу, Прибалтійскій край, освобожденную армію перебросимъ на западный фронтъ—и черезъ двѣ недѣли насъ будутъ увеселять французскія шансонетки въ парижскихъ шантанахъ!

Новые тосты, новыя ликованія.

Между прочимъ драгунскій офицеръ сообщилъ, что на позиціяхъ у Реймса непріятель готовится къ сопротивленію. Территоріальная армія французовъ усилилась отрядами чернокожихъ изъ колоніальнаго корпуса.

Баронъ Пиларъ негодующе хватилъ по столу своимъ пухлымъ, бѣлымъ кулакомъ.

— Наглость этихъ французишекъ не имѣетъ границъ! Насъ заставляютъ драться съ этими дикарями, съ этой чернокожей сволочью! Культурный германскій солдатъ — и какая-то черная обезьяна, которую въ Каме-

рунѣ и на Конго мы лупимъ бичами изъ гиппопотамовой кожи... Слуга покорный! Этихъ сенегальскихъ негровъ, надѣюсь, мы не будемъ брать въ плѣнъ? Первую же партію сдавшихся негровъ мы разстрѣляемъ картечью и пулеметами. Слишкомъ много чести и времени по одиночкѣ разстрѣливать эту вьючную скотину. Да и французы поплатятся за свою дерзость выставить противъ насъ этихъ черныхъ обезьянъ...

Пошатываясь, расходились офицеры изъ столовой. Баронъ Пиларъ утомился обильнымъ завтракомъ, а главное, количествомъ выпитаго вина и собственнаго краснорѣчія и отправился въ спальню маркиза заснуть часокъ-другой.

Изобрѣтательному барону Лауницу пришло въ голову:

— Господа, здѣсь въ залѣ имѣется мраморный бюстъ Людовика XIV. Этотъ Король-Солнце обладалъ черезчуръ длиннымъ,—это уже фамильная особенность Бурбоновъ,—носомъ. Предлагаю призъ въ пятьдесятъ марокъ тому, кто за двадцать шаговъ отхватитъ изъ револьвера кончикъ длиннаго носа Короля Солнца.

Предложеніе Лауница имѣло успѣхъ. Молодежь, осматривая свои карманные „маузеры“, щелкая предохранителями, двинулась въ бѣлый двухсвѣтный залъ съ мраморными бю-

стами французскихъ королей и предковъ маркизовъ де-Вуа. Эти бюсты на круглыхъ тумбахъ палисандроваго дерева бѣлѣли вдоль стѣнъ. Вотъ и Людовикъ Четырнадцатый въ пышномъ парикѣ и съ вельможнымъ двоящимся подбородкомъ. Дивный мраморъ, изваянный самимъ Гудономъ. Лауницъ подошелъ къ бюсту, презрительно щелкнулъ его по носу и отмѣрилъ дистанцію въ двадцать шаговъ.

Первымъ стрѣлялъ смуглый фонъ-Гюне. Рука измѣнила ему. Вмѣсто носа, онъ отбилъ кусокъ черепа заодно съ ухомъ. Пуля засѣла въ стѣнѣ. Осколки мрамора посыпались на паркетъ. Слѣдующій стрѣлокъ изуродовалъ щеку, и бюстъ зашатался. Еще нѣсколько пуль, направленныхъ пьяной рукою — и отъ Гудоновскаго мрамора осталась на паркетѣ груда жалкихъ, безформенныхъ осколковъ. Баронъ Лауницъ хлопалъ въ ладоши, подпрыгивая.

— Какъ весело!..

Прусскіе офицеры до того развеселились, что черезъ полчаса не уцѣлѣло ни одного мрамора. Дистанція въ двадцать шаговъ казалось далекой, и головы королей и маркизовъ разстрѣливались почти въ упоръ. Нужно ли говорить, что попутно искалѣченъ былъ весь залъ, начиная со стѣнъ, лѣпныхъ карнизовъ и кончая миѳологическимъ плафономъ

кисти Ватто и музейными часами, этой бронзовой Клодіоновской группой, красовавшейся на каминѣ подъ стекляннымъ колпакомъ.

А баронъ Лауницъ, захлебываясь отъ восторга, билъ въ ладоши и визжалъ своимъ тенορкомъ:

— До чего же это весело, господа!

3.

Съ юга на сѣверъ, черезъ всю Францію мчались воинскіе поѣзда. И чѣмъ дальше проникалъ вглубь страны бѣлыхъ господъ своихъ Оматако, тѣмъ чаще вспоминалъ свою далекую знойную родину,—такую далекую теперь, что, кажется, онъ ее не увидитъ больше во вѣки. И на яву, и во снѣ, когда онъ, сидя, дремалъ въ душномъ вагонѣ, до тѣсноты набитомъ черными солдатами, исполинскому негру чудился мутный и желтый Сенегалъ... И лѣниво грѣлись на прибрежномъ солнцепекѣ темнозеленые чешуйчатые крокодилы... Щуря маленькіе, злые глазки, шевеля хвостомъ, способнымъ свалить съ ногъ лошадь, зѣвали своей страшной, усѣянной зубами пастью... Вспоминалъ Оматако заросшихъ шерстью обезьянъ... Встрѣчалъ онъ ихъ въ сосѣднемъ лѣсу, и онѣ, кривляясь и гримасничая, щелкали зубами, грозили этому черному, похо-

жему на нихъ существу, съ гладкой, почему-то безъ единой шерстинки, лоснящейся кожей.

Иногда къ тростниковымъ хижинамъ уолофовъ приходили гости изъ сосѣдняго племени серреровъ. И всегда были съ ними выдолбленныя тыквы съ сангарой. Такъ называется водка, приправленная для крѣпости табакомъ и стручковымъ перцемъ.

И когда хозяева и гости напивались, пиршество кончалось дракой. Пускались въ дѣло копья, и съ обѣихъ сторонъ падали раненые и убитые. Взрослые давали пить сангару своимъ дѣтямъ. И малыши росли тупыми большеголовыми идіотами. Оматако не могъ пить сангары. Она вызывала въ немъ отвращеніе. И позже, взятый въ солдаты, уже въ казармахъ, Оматако не выносилъ пьяныхъ товарищей. Ужъ на что, кажется, Омаруру, его близкій, закадычный другъ. Но когда онъ увидѣлъ однажды его воющимъ негритянскую пѣсенку, съ безсмысленно выпученными глазами, вотъ-вотъ готовымъ свалиться, Оматако, охваченный отвращеніемъ, опустилъ свой здоровенный, какъ молотъ, кулакъ на черепъ друга. Опустилъ такъ неосторожно, что Омаруру дѣйствительно свалился.

Вотъ какія картины рисовались черному геркулесу подъ грохотъ поѣзда и мельканіе чужого пейзажа чужой страны, которую онъ ѣхалъ защищать.

Прямо изъ вагоновъ сенегальскіе стрѣлки походнымъ порядкомъ были двинуты на позиціи къ Реймсу. Колонна сенегальцевъ, идя по шоссе межъ полей, слышала доносившійся грохотъ тяжелыхъ орудій. Чернокожіе воины смотрѣли въ чистыя безоблачныя небеса и потомъ другъ на друга. Откуда же этотъ громъ, когда тамъ, высоко надъ головою—ни одной тучки? Въ Марокко они слышали не разъ пушечную пальбу, но то были маленькія горныя орудія, и выстрѣлы ихъ могли показаться шопотомъ, въ сравненіи съ этими оглушительными раскатами. Унтеръ-офицеры объясняли своимъ неграмъ, что въ двадцати пяти километрахъ идетъ бой, и это стрѣляютъ большія, очень большія пушки, бояться которыхъ, однако, нѣтъ никакого основанія..

Полкъ свернулъ къ опушкѣ ближняго лѣса, и данъ былъ часъ, для обѣда и отдыха. Поставивъ ружья въ пирамиды, принялись за хлѣбъ и консервы. Для горячаго обѣда не было времени. Оматако и Омаруру, сидя на поджатыхъ ногахъ, уплетали за обѣ щеки сушеное мясо, и толстогубыя челюсти, сильныя и массивныя, двигались подобно рычагамъ живой машины. Въ травѣ, шипя и свиваясь кольцами, ползъ большой, въ полметра, ужъ.

— Змѣя!—воскликнулъ Оматако. — Надо

ее задобрить. Она поможетъ намъ убивать нѣмцевъ!

И наивный дикарь, считавшій змѣю сверхъестественнымъ существомъ, заручиться покровительствомъ котораго вовсе не мѣшаетъ, предусмотрительно бросилъ ужу добрую часть своей порціи сушенаго мяса.

Вдругъ какой-то шумъ надъ головами, гудящій, торопливый, и на лазури небесъ четко, гигантской птицею обрисовался летящій аэропланъ.

— Нѣмецъ!.. Обстрѣлять!—кричали офицеры, узнавъ германскій „таубе".

Сенегальцы бросились къ „пирамидамъ". Затрещали залпы. Нѣсколько дергающихъ, нелѣпыхъ движеній, и аэропланъ камнемъ упалъ внизъ. И вмѣстѣ съ нимъ падало что-то еще, успѣвшее отдѣлиться въ воздухѣ. Солдаты со всѣхъ ногъ кинулись къ мѣсту катастрофы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ аэроплана, превратившагося въ груду обломковъ, съ ушедшимъ въ землю моторомъ, лежалъ убитый летчикъ. Убитый еще въ воздухѣ. И кожаный шлемъ, и вся голова, и лицо пронизаны были градомъ пуль. Мѣтко стрѣляли сенегальцы! У всѣхъ чернокожихъ солдатъ у пояса висѣли широкіе, лопаточкой, острые ножи. Омаруру вынулъ свой ножъ и, снявъ съ убитаго германскаго летчика шлемъ, хотѣлъ уже отрѣзать себѣ въ видѣ трофея

кусочекъ уха. Получивъ ударъ въ спину, Омаруру тотчасъ же вытянулся. Передъ нимъ стоялъ капитанъ Бодуэнъ.

— Ты опять принимаешься за свои старыя гадости!..

Передъ тѣмъ, какъ двинуться дальше въ походъ, капитанъ Бодуэнъ обратился къ своей ротѣ съ маленькой рѣчью:

— Солдаты! Подъ угрозой военнаго суда, запрещаю вамъ добивать раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ враговъ. Честный солдатъ обязанъ честно сражаться. Стрѣляйте, колите штыками, но безоружнаго врага необходимо щадить. Не смѣйте рѣзать носовъ и ушей даже убитымъ. Эти звѣрства продѣлываютъ нѣмцы, считающіе васъ дикарями. Вашъ примѣръ долженъ устыдить ихъ и показать, что не вы дикари, а они. Вамъ выпала честь драться подъ знаменами Франціи,—дорожите ею...

Полкъ, вытянувшись лентою, продолжалъ свой путь. Рядомъ съ колонной шли капитанъ Бодуэнъ и лейтенантъ де-Вуа.

— Мой милый маркизъ, что съ вами? Вы нервничаете, на васъ лица нѣтъ... Начало, слава Богу, удачное! Наши черти ловко сняли аэропланъ, и нѣмецкій развѣдчикъ уже не вернется къ своимъ подѣлиться результатами своей развѣдки. Жаль только, что обыскъ его не далъ намъ никакихъ полезныхъ указаній. Ни одного клочка бумажки, ничего!..

— Ахъ, мой дорогой капитанъ. Конечно, меня радуетъ это маленькое приключеніе. Каждый выведенный изъ строя аппаратъ нѣмцевъ,—это плюсъ для французовъ... Но меня безпокоитъ судьба семейства моего дяди, маркиза де-Вуа. Такъ сравнительно близко, а между тѣмъ я ничего не знаю. Увѣренъ только въ одномъ: тамъ пруссаки! Могу себѣ представить, какъ они хозяйничаютъ въ замкѣ? Но, главное, мучитъ меня судьба дядюшки. Успѣлъ ли онъ покинуть замокъ, или остался?.. Во второмъ случаѣ я не вижу ничего хорошаго. Старикъ гордъ и еще съ семидесятаго года ненавидитъ ихъ,—настоящій французъ. Одно рѣзкое, неосторожное слово и—эти варвары могли его разстрѣлять.

— Къ чему такія мрачныя мысли, маркизъ? Я увѣренъ, что вашъ дядюшка, зная, съ какими господами ему придется имѣть дѣло, благоразумно уѣхалъ куда-нибудь вглубь Франціи...—старался утѣшить капитанъ своего изящнаго хрупкаго лейтенанта, къ которому этотъ старый африканскій солдатъ, безъ семьи и близкихъ, питалъ отцовскую нѣжность.

Нѣмцы и французы окопались другъ противъ друга. Между ними было разстояніе всего около пятисотъ метровъ. Сенегальцы простымъ глазомъ видѣли то, что офицерамъ ихъ удавалось разглядѣть въ бинокль. Видѣли

сіяющіе орлы на каскахъ германскихъ солдатъ, имѣвшихъ неосторожность высунуться надъ окопомъ. Мѣткая пуля настигала смѣльчака, если только это былъ смѣльчакъ, а не ротозѣй. И солдатъ съ прострѣленнымъ лбомъ опрокидывался на дно своего окопа...

Сенегальцамъ не по душѣ и не по темпераменту было отсиживанье въ окопахъ. Это— не война. У себя они привыкли воевать иначе. Да и не только у себя, но и совсѣмъ недавно въ Марокко имъ гораздо интереснѣе было драться съ арабами. Перестрѣлка, движеніе, атака бѣгомъ и рукопашная, грудь съ грудью. А тутъ сиди и отстрѣливайся. И самъ жди, бездѣйствуя, отвѣтныхъ нѣмецкихъ залповъ. Были раненые и убитые среди сенегальцевъ. На то и война! Безъ крови не обойдешься. Но если-бъ это было въ настоящей войнѣ, и слова никто не сказалъ бы. Судьба каждаго чернаго человѣка заранѣе предрѣшена его злыми и добрыми духами. Но получить пулю въ плечо, или руку или, еще хуже, въ переносицу, такъ, зря, сидя въ окопѣ, это уже совсѣмъ ни на что непохоже!..

Но часъ отъ часу не легче.

Сенегальцы, хоть и на большомъ разстояніи, а все-таки видѣли нѣмцевъ. Но когда непріятель сталъ нащупывать французскіе окопы шрапнелью, Богъ вѣсть, откуда залетавшей, и уже было нѣсколько жертвъ, се-

негальцы приходили въ бѣшенство. Огонь съ неба!.. Врагъ, которому они безсильны отомстить за своихъ братьевъ... Этого еще недоставало! И съ дикимъ воемъ грозили они вверхъ кому-то большими, черными кулаками, а Омаруру обстрѣливалъ изъ своей винтовки бѣлыя облачка шрапнельныхъ разрывовъ.

— Это они посылаютъ сюда смотрѣть, много ли у насъ убитыхъ...

Но вотъ шумное ликованіе пронеслось вдоль окоповъ. Негры выли отъ радости! Изъ штаба колоніальной дивизіи офицерамъ по телефону было приказано бросить въ аттаку на германскіе окопы баталіонъ сенегальскихъ стрѣлковъ. И выбивъ непріятеля какой-угодно цѣною, удержать за собою его позиціи и укрѣпиться на нихъ.

Капитанъ Бодуэнъ со строгимъ лицомъ обходилъ свою роту, — къ ея окопамъ велъ изъ тыла, въ глубину человѣческаго роста прорытый въ землѣ, корридоръ. Капитанъ, зная дикую горячность своихъ чертей въ бою, предупреждалъ ихъ, какъ не разъ это бывало въ Марроко.

— Не теряйте спокойствія. Будьте хладнокровны, не бѣгите все время сомкнутымъ строемъ подъ огнемъ. Офицеры будутъ перебрасывать васъ по частямъ. Падайте на землю, стрѣляйте и, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, падайте вновь...

Капитанъ говорилъ это больше для очистки совѣсти. Онъ былъ увѣренъ,—никакія увѣщанія не помогутъ. Они бросятся неудержимой лавиной, страшной черной лавиной, и никакая сила не заставитъ ихъ вести правильный стрѣлковый бой наступающими звеньями цѣпи. „Дураки, тѣмъ хуже для нихъ... И тѣмъ большія будутъ потери!“... И хотя у Бодуэна для его сенегальцевъ не было другого слова, какъ дуракъ или чортъ, но онъ любилъ и жалѣлъ этихъ громадныхъ, темно-бронзовыхъ дѣтей...

Не успѣлъ горнистъ протрубить сигналъ къ атакѣ, сенегальцы мгновенно выросли надъ окопами, уже успѣвшіе разуться, босоногіе, и двинулись впередъ. Офицеры, при всемъ желаніи своемъ, не могли поспѣть за этими бѣгунами. Нѣмцы встрѣтили неудержимо катящуюся лавину залпами винтовокъ и трескомъ пулеметовъ. И если потери у сенегальцевъ не были, сверхъ ожиданія, особенно велики,—это благодаря ихъ исключительной способности быстро бѣгать. Въ походномъ снаряженіи, вмѣстѣ съ большимъ ранцемъ и скатанной шинелью, босые негры мчались аллюромъ полевого галопа. И съ поразительной быстротою уменьшалось разстояніе между ними и линіей германскихъ окоповъ. Нѣмцы дали послѣдній залпъ. И не было офицера или солдата, у котораго бы не

дрожали руки. Страшенъ видъ этихъ несущихся съ оглушительнымъ ревомъ черныхъ дьяволовъ, въ своемъ бѣшенномъ порывѣ впередъ, не успѣвшихъ дать ни одного выстрѣла. И вотъ, наконецъ, дорвались... Нѣмцы, упитанные, рослые, въ щегольскихъ мундирахъ и сіяющихъ орлами каскахъ, не выдержали сумасшедшаго натиска этихъ презирающихъ всякую опасность и самую смерть, чернокожихъ. Одни бѣжали безъ оглядки назадъ, бросая на пути своемъ ружья и ранцы, другіе замерли въ оцѣпенѣніи, загипнотизированные однимъ видомъ этихъ страшилищъ, а третьи, болѣе отважные и съ болѣе крѣпкими нервами, приняли штыковой ударъ. Приняли на свою-же погибель. Здѣсь сказалось безсиліе бѣлаго, выросшаго въ культурныхъ условіяхъ человѣка, чуткаго къ боли, медленнаго въ движеніяхъ, передъ обезьяньей ловкостью свѣжаго, нетронутой силы, человѣка пустыни. Уже на лету, прыгая въ окопъ, сенегалецъ хваталъ за дуло направленную на него винтовку и, отведя штыкъ отъ своей груди, душилъ нѣмца своими цѣпкими и длинными, какъ у гориллы, пальцами. Оматако и Омаруру, вмѣстѣ, плечомъ къ плечу, работали своими ножами. Одинъ короткій, неуловимый ударъ, похожій на легкій толчокъ— и пруссакъ валился съ глубоко перерѣзаннымъ горломъ. И тутъ же, около, сенегальцы,

какъ дубинами, дробили черепа вмѣстѣ съ твердыми и погнутыми касками. Негры обезумѣли отъ одного вида крови.

Нѣкоторые сенегальцы увлеклись преслѣдованіемъ, и это дорого имъ обошлось. Они мчались по пятамъ бѣглецовъ, далеко вглубь непріятельскихъ позицій. И оттуда, изъ гвардейскихъ окоповъ, обстрѣливали ихъ пруссаки. Зарвавшіеся далеко сенегальцы падали, сраженные пулею, кто въ лицо, кто въ животъ, кто въ грудь. Падали у самыхъ окоповъ. И тогда вышли изъ своихъ комфортабельныхъ, выложенныхъ бетономъ и защищенныхъ прочными блиндажами траншей, офицеры, полковникъ баронъ Пиларъ, капитанъ фонъ-Гюне и лейтенантъ баронъ Лауницъ. И у каждаго — револьверъ наготовѣ. Взбѣшенные неудачею своихъ первыхъ линій, пруссаки вымещали злобу на раненыхъ сенегальцахъ. Вотъ лежитъ чернокожій воинъ, отбросившій свою винтовку. Вмѣсто глаза, въ который угодила пуля, зіяетъ окровавленное отверстіе. Баронъ Лауницъ толкнулъ его ногою такимъ самымъ движеніемъ, какъ толкнулъ на берегу пруда съ лебедями, убитаго имъ садовника въ синей блузѣ.

— А, черная, босоногая обезьяна!..

И, приставивъ дуло своего револьвера къ выкатившемуся единственному глазу негра, Лауницъ нажалъ спускъ... Сенегалецъ вздрог-

нулъ и вытянулся, неподвижный... Лауницъ, обернувшись къ спутникамъ, пояснилъ:

— Для симметріи!..

Ахъ, этотъ Лауницъ! Все ему такъ удавалось, за что ни возьмется! Смуглый, непохожій на пруссака, Гюне завидовалъ, несмотря на свое капитанство, милой, игривой непринужденности такого во всемъ удачливаго лейтенанта.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ добитаго Лауницемъ негра, лежалъ другой стрѣлокъ, съ двумя пулями въ животѣ. Силясь приподняться, съ ужасомъ наблюдалъ онъ расправу... Теперь за нимъ очередь. Вотъ они направляются къ нему, и впереди всѣхъ капитанъ Гюне. Сталъ и соображаетъ, какую бъ ему такую штуку придумать, чтобъ затмила „симметрію" Лауница?

Но не успѣлъ ничего придумать. Сенегалецъ, видя, что его сейчасъ пристрѣлятъ, желалъ умереть отомщенный. И вспомнивъ дѣтство, игры свои, борьбу голыхъ юношей на раскаленномъ пескѣ, онъ, съежившись какъ хищный звѣрь, и упершись руками въ землю, быстрымъ движеніемъ черной, босой ноги, ударилъ, какъ палицею, Гюне, пониже колѣнъ. И капитанъ, скошенный, свалился прямо на сенегальца, выпустивъ револьверъ. Пиларъ и Лауницъ не успѣли спохватиться, какъ негръ, сжавъ щеголеватаго капитана

послѣднимъ объятіемъ, перекусилъ ему горло. И Пиларъ, и Лауницъ, овладѣвшіе собою, выпустили каждый по двѣ пули въ курчавую твердую голову негра. Но это не спасло Гюне. Капитанъ, помучившись четверть часа, не приходя въ сознаніе, умеръ.

Полковникъ и лейтенантъ негодовали:

— Развѣ это война? Развѣ это по правиламъ? Кусаются, какъ хищные звѣри!..

— Однако, они дерутся довольно смѣло,— рискнулъ замѣтить Лауницъ, вспомнивъ, какъ за шампанскимъ въ старомъ замкѣ, баронъ Пиларъ хвастливо обѣщалъ чуть ли не цѣлые полки сдавшихся сенегальцевъ.

— Мой другъ, если имъ посчастливилось на этотъ разъ смять первыя линіи, это еще ничего не значитъ! — возразилъ баронъ Пиларъ. — А вотъ хотѣлъ бы я видѣть атаку этихъ обезьянъ и дикарей на насъ, императорскую гвардію. Мои желѣзные солдаты не испугаются этихъ черныхъ мордъ!

4.

Сенегальцы занимали очищенные германскіе окопы. „Очищенные“ отъ живыхъ нѣмцевъ. Что же касается мертвыхъ,—они лежали здѣсь грудами тѣлъ. Сенегальцы, снимая свои алые головные уборы, примѣряли каски убитыхъ. Гримасничая, смѣялись, гля-

дючи другъ на друга, словно въ зеркало, потому что всѣ они были, въ концѣ-концовъ, почти на одно лицо.

Оматако не смѣялся, огорченный смертью друга своего, Омаруру, предательски застрѣленнаго въ спину раненымъ пруссакомъ. Оматако повернулъ убитаго лицомъ къ небесамъ и, не желая вѣрить, что Омаруру уже нѣтъ больше на свѣтѣ, трясъ его за плечо, дергалъ во всѣ стороны послушную безжизненную голову, окликая:

— Омаруру, слышишь?..

Но Омаруру ничего не слышалъ. И уже застеклились его громадные бѣлки, закатившіеся куда-то подъ костистый, узенькій лобъ.

— Омаруру!..

Оматако присѣлъ на корточки и, касаясь колѣнями, въ широкихъ, бѣлыхъ окровавленныхъ штанахъ, своего чернаго, глянцевитаго, безъ всякой растительности, подбородка, заунывно пѣлъ бѣдную и скудную словами погребальную пѣснь уолофовъ. Пѣсня перешла въ импровизацію:

— Омаруру ушелъ, злы духи взяли его къ себѣ, Омаруру былъ храбръ. Но у него была нехорошая мать. Она не оставила много амулетовъ своему сыну... Бѣдный сынъ недоброй матери...

Оматако разстегнулъ сѣрую куртку своего друга. Развѣ онъ не былъ правъ, Ома-

тако? На шеѣ убитаго на веревочкѣ висѣлъ сиротливо единственный амулетъ, да и это былъ, всего на всего, зубъ шакала.

Оматако укрѣпился окончательно въ мысли, что мать его бѣднаго друга—была нехорошая мать.

А кругомъ санитары оказывали первую помощь раненымъ, не дѣлая никакой разницы между своими и чужими. И случалось, что изъ экономіи мѣста на однѣхъ и тѣхъ же носилкахъ помѣщали рядомъ сенегальскихъ стрѣлковъ и нѣмцевъ.

— А все-таки у насъ большія потери! — сѣтовалъ капитанъ Бодуэнъ маркизу де-Вуа.— Если бы эти глупые черти слушались... Но что это было за атака, маркизъ! Я бѣжалъ со всѣхъ ногъ... Развѣ мыслимо думать даже поспѣть за ними!..

— Это не была атака, это былъ сплошной ураганъ!—подхватилъ восторженно маркизъ де-Вуа.

— Но что это у васъ, маркизъ? —озабоченно обратилъ вниманіе капитанъ.—Вы ранены?..

— Пустяки! Пуля задѣла мякоть плеча.— И красивое, молодое лицо такъ сіяло, точно Богъ знаетъ какую награду получилъ лейтенантъ.

Этотъ разорванный рукавъ мундира, эта

кровь — его первая кровь за дорогую, прекрасную Францію!

— Идите на перевязку!

— Стоитъ ли, господинъ капитанъ... изъ-за такой бездѣлицы?..

— Ступайте на перевязку! Нечего бравировать!..

Это уже—оффиціально. Маркизъ отдалъ честь и двинулся назадъ къ автомобилямъ Краснаго Креста. А старый капитанъ улыбнулся вслѣдъ ему доброй, отеческой улыбкой.

Капитанъ обходилъ позиціи, кидая ласковое слово и шутку здоровымъ стрѣлкамъ, утѣшая раненыхъ и скорбно сжимая губы, при видѣ мертвыхъ. Онъ велѣлъ рыть могилы, указавъ опушку рощицы, въ тылу лѣваго фланга.

Зная своихъ „чертей", капитанъ Бодуэнъ счелъ нужнымъ пояснить:

— Хороните, какъ слѣдуетъ! Закапывайте глубже! Унтеръ-офицерамъ приказываю слѣдить...

Дѣло въ томъ, что сенегальцы всегда хотѣли погребать черныхъ братьевъ по обряду своей далекой родины: Четыре вбитыхъ въ землю кола, переплетаются сверху вѣтвями, и на нихъ, какъ на ложе, ложе смерти, кладутъ покойника, дальнѣйшая судьба котораго зависитъ всецѣло отъ хищныхъ звѣрей.

Оматако хотѣлъ собственноручно предать

землѣ товарища дѣскихъ игръ. Онъ перекинулъ тѣло Омаруру черезъ плечо и, не чувствуя тяжелой ноши, побѣжалъ, мелькая босыми бронзовыми ногами, къ опушкѣ рощи. Въ свободной рукѣ—обѣ винтовки, своя и убитаго.

Сенегальцы рыли могилы своими, обыкновенно висящими сбоку въ ремнѣ, лопаточками. О чемъ-то своемъ шепталась нѣжно-серебристая, съ матовымъ блескомъ, твердая листва тонкихъ и гибкихъ ивъ. И было въ этомъ какое-то ласковое напутствіе невѣдомымъ чернымъ воинамъ, отдавшимъ свою жизнь за славу Франціи.

Оматако, мурлыча себѣ подъ носъ что-то заунывное, копалъ и копалъ могилу. И все глубже и глубже становилась она отъ ударовъ лопаты, и летѣли во всѣ стороны свѣжіе, рыхлые комья. Оматако, бережно опустивъ на дно могилы своего друга, уже хотѣлъ положить рядомъ съ нимъ его винтовку, чтобъ и въ таинственный міръ духовъ явился его товарищъ смѣлымъ, вооруженнымъ воиномъ.

Онъ уже готовился засыпать могилу, какъ на его плечо легла чья-то рука. Это его взводный унтеръ-офицеръ.

— Не порядокъ, милѣйшій. Давай сюда винтовку! Она пригодится живому. А мерт-

вецу брать съ собою казенное добро не слѣдуетъ.

Оматако повиновался. Развѣ можно ослушаться унтеръ-офицера?.. Но въ скорбныхъ глазахъ Оматако взводный прочелъ изумленіе. Они говорятъ на разныхъ языкахъ, бѣлые и черные, и никогда, никогда не понять имъ другъ друга... Бѣдный Омаруру—теперь его „тамъ“ могутъ обидѣть...

Вотъ и холмикъ выросъ надъ могилою негра. Оматако полѣзъ въ свой ранецъ, добылъ хлѣбъ, ломтикъ сушенаго мяса, галету. И разложилъ все это аккуратнѣйшимъ образомъ на могилѣ. Такъ надо! Такъ принято у племени уолофовъ. Омаруру поѣстъ и вспомнитъ добромъ товарища. Бросилъ вокругъ себя Оматако опасливый взглядъ. Но, къ счастью, унтеръ-офицеръ ничего не замѣтилъ...

Оматако побѣжалъ назадъ въ свои окопы. Но бѣжалъ не прямо, а дѣлая зигзаги и петли... Этимъ онъ думалъ запутать свой слѣдъ и одурачить духовъ смерти...

Рыжеусый германскій солдатъ, раненый штыкомъ въ грудь, остался лежать въ окопѣ. Во-первыхъ, онъ ослабѣлъ отъ потери крови, а главное, кругомъ кипѣлъ жестокій рукопашный бой, и нѣмецъ малѣйшимъ движеніемъ боялся подать признакъ жизни. Эти негры, того и гляди, прикончатъ... Жди отъ

этихъ дикарей пощады!.. Рыжеусый, человѣкъ самъ по себѣ скорѣй смѣлый, чѣмъ трусливый, напуганъ былъ однимъ видомъ сенегальскихъ стрѣлковъ. И съ какимъ нечеловѣческимъ проворствомъ „работали" они своими ножами!.. Брр...

Германецъ, успѣвшій кое-какъ перевязать свою рану, осторожно, кусая губы отъ боли, выползъ изъ окопа, чуть ли не до краевъ заваленнаго тѣлами, въ новенькихъ однобортныхъ мундирахъ и въ каскахъ.

Рыжеусый видѣлъ, что французскіе санитары, вмѣстѣ со своими, подбираютъ и перевязываютъ и нѣмцевъ. Но это они для вида!.

Онъ, Гансъ, Мюллеръ, не такъ ужъ простъ! И недаромъ его офицеры,—онъ привыкъ имъ вѣрить незыблемо,—говорили, что французы потихоньку отравляютъ въ своихъ госпиталяхъ, нѣмецкихъ солдатъ. И вовсе не желая уподобиться какой-нибудь гнусной крысѣ, проглотившей вмѣстѣ съ кусочкомъ сала изрядную порцію стрихнина, Гансъ Мюллеръ, во что бы то ни стало, рѣшилъ спастись... Въ этой горячей тыловой суетѣ, послѣ боя, на него, пожалуй, никто не обратитъ вниманія. Главное, успѣть отползти подальше, на одинъ изъ фланговъ, а тамъ, — смеркнется, и подъ покровомъ густыхъ, безлунныхъ сумерекъ онъ постарается, всѣми правдами и неправ-

дами, какъ-нибудь достигнуть траншей гвардейской пѣхоты.

И Гансъ Мюллеръ поползъ на четвереньках. И было что-то странное въ его фигурѣ. Острый мѣдный шишакъ его лакированной каски сообщалъ ему сходство съ какимъ-то диковиннымъ маленькимъ единорогомъ, насторожившимся боднуть невидимаго врага. Этотъ неудобный способъ передвиженія онъ могъ бы промѣнять на обыкновенный, человѣческій. Но, такъ было бы легче обратить на себя вниманіе... Оглядываясь, Гансъ Мюллеръ видѣлъ, что чернокожіе стрѣлки уже занимали тѣ самые окопы, откуда полчаса назадъ отстрѣливался онъ, Гансъ Мюллеръ. Къ счастью его,—на пути ложбина, густо заросшая бурьяномъ, травою и полевыми цвѣтами. На время она послужитъ прикрытіемъ. Но тутъ Гансъ Мюллеръ похолодѣлъ весь и разомъ вспомнилъ и свой домикъ въ Шпандау, и красные напульсники отца, и каждую морщинку на лицѣ покойной матери, и фарфоровую трубку дѣда, висѣвшую на почетномъ мѣстѣ, какъ фамильная драгоцѣнность...

Навстрѣчу ему, по дну этой самой ложбины, какими-то диковинными зигзагами бѣжалъ съ винтовкою черный босоногій великанъ. И уже поздно лечь, вытянуться, притворившись мертвымъ. И какъ былъ, на четверенькахъ, Гансъ Мюллеръ застылъ съ под-

нятой головой, съ остановившимися въ цѣпенящемъ ужасѣ, глазами... Гигантскій негръ все ближе и ближе. Гансъ Мюллеръ беззвучно шепталъ обрывки съ дѣтства полузабытыхъ молитвъ.

Оматако остановился, выпучилъ свои бѣлки и оскалилъ зубы, сразу освѣтившіе темнобронзовое лицо...

Гансъ Мюллеръ, привставъ на колѣняхъ, умоляюще поднялъ обѣ руки. Сенегалецъ, улыбаясь, закивалъ головою, опустилъ на траву винтовку, показывая этимъ, что у него нѣтъ никакихъ враждебныхъ намѣреній, и бормоталъ на варварскомъ французскомъ языкѣ:

— Нѣмецкій солдатъ не боится... Нѣмецкій солдатъ раненъ... У него нѣтъ ружья, нѣтъ штыка... Оматако не убиваетъ... Оматако ему поможетъ...

Гансъ Мюллеръ ничего не понялъ, но понялъ самое главное: этотъ чудовищный негръ не собирается его прикончить.

Оматако помогъ ему встать.

— Пойдемъ... Они добрые, французы... и у нихъ очень хорошіе колдуны въ бѣлыхъ одеждахъ... И они сдѣлаютъ, что нѣмецкому солдату не будетъ больно...

Оматако согнулся, и тогда лишь Гансъ Мюллеръ, самъ человѣкъ рослый, могъ опереться на его плечо. Ослабѣвшій нѣмецъ едва волочилъ ноги. Этакъ не скоро добе-

решься къ санитарному пункту. Сенегалецъ подхватилъ нѣмца на руки и побѣжалъ съ нимъ гимнастическимъ шагомъ, не забывая, однако, въ то же время крутить мудреныя петли, чтобъ окончательно сбить съ толку недобрыхъ духовъ.

5.

Планъ главнокомандующаго генерала Жоффра осуществился. Вначалѣ войны, когда безъ малаго четырехмилліонная германская армія хлынула во Францію, остановить ее было трудно. И французы, силы которыхъ были вдвое меньше, отступили. За это время англичане успѣли перебросить на бельгійскій фронтъ свѣжіе корпуса, подоспѣли колоніальные полки французовъ, и можно было перейти въ наступленіе по всему фронту. Наступали цѣлыми арміями, наступали отдѣльные отряды. А нѣмцы, упоенные первыми побѣдами, увлекшіеся грабежами, опустошеніемъ занятыхъ городовъ и жестокостями надъ мирнымъ, невоюющимъ населеніемъ, ужъ теряли свою первоначальную боевую упругость.

Изъ французской главной квартиры только и слышалось:

— Наступать, наступать и наступать!..

Вотъ почему, едва успѣли сенегальскіе

стрѣлки занять первую линію германскихъ окоповъ, имъ было велѣно произвести ночную атаку на слѣдующія траншеи и выбить оттуда прусскую гвардію.

На совѣщаніи рѣшено было атаковать нѣмцевъ передъ самымъ разсвѣтомъ, когда непріятель менѣе всего ожидаетъ нападенія. А чтобъ измучить его, не давая отдохнуть и собраться съ силами,—всю ночь безпокоить перестрѣлкой.

И въ звѣздныхъ сумеркахъ, такихъ величавыхъ, спокойныхъ, не смолкала сухая трескотня. Съ обѣихъ сторонъ мгновенно вспыхивали и погасали въ темнотѣ короткія молніи. А за плечами французовъ и нѣмцевъ начался присоединявшійся къ ружейному, артиллерійскій поединокъ. И это уже не были коротенькія молніи, а цѣлые огненные снопы, роями свинцовыхъ пчелъ посылавшихъ разрушеніе и смерть.

И такъ до глубокой ночи...

Потомъ — все рѣже и рѣже залпы французовъ. И въ свою очередь перестали отвѣчать имъ. Зачѣмъ зря тратить патроны, если врагъ притихъ? Да и не нащупаешь его въ темнотѣ.

Расчетъ командного состава французовъ былъ ясенъ. Истомленные пруссаки, безъ передышки стрѣлявшіе весь день и всю ночь, теперь воспользуются случаемъ вздремнуть,

благо непріятель, замолчавшій, видимо, самъ не прочь использовать для отдыха выпавшій „антрактъ“. Лучшаго момента и не придумать для атаки. Но это наступленіе серьезнѣе во всѣхъ отношеніяхъ предыдущаго... Вопервыхъ, и силы германцевъ больше,—цѣлая гвардейская бригада, во-вторыхъ, отъ высшаго командного состава исходило приказаніе не только выбить нѣмцевъ и отбросить, а и уничтожить ихъ совершенно.

Въ помощь сенегальскимъ стрѣлкамъ даны были стоявшіе въ резервѣ два эскадрона кавалеріи. Одинъ—кирасирскій, другой—спаи. Оба, ежеминутно готовые „разсыпаться“, колонами стояли на днѣ той самой лощины, по которой такъ недавно ползъ на четвереренькахъ Гансъ Мюллеръ. Въ ночной тишинѣ явственно и четко покусывали лошади свое мундштучное желѣзо. Нѣтъ-нѣтъ, и звякнетъ о стремя кирасирскій палашъ влажными отъ росы, металлическими ножнами. Какими-то призрачными всадниками чудились спаи въ бѣлыхъ бурнусахъ и тюрбанахъ. И далекимъ, минувшимъ пережиткомъ рыцарства вѣяло отъ кирасиръ въ мѣдныхъ, съ конскими хвостами, каскахъ и латахъ, отсвѣчивающихъ тускло на груди. И если мало походили другъ на друга всадники этихъ двухъ бокъ о бокъ стоявшихъ эскадроновъ, то не менѣе разнились между собою и лошади

ихъ. Монументальные кирасирскіе гунтеры тяжелыми гигантами казались рядомъ съ поджарыми, сухими, взрощенными пустынею, лошадками бедуиновъ. А между тѣмъ, на самомъ безумномъ карьерѣ этотъ маленькій арабскій „звѣздочетъ“ шутя обгонитъ любого изъ этихъ тяжеловѣсовъ.

Офицеры курили. Вспыхивавшіе угольки папиросъ, оставляя въ тѣни всю фигуру, освѣщали время отъ времени горбоносые, типичные галльскіе профили подъ этими греческаго образца касками съ головою Медузы, какъ бы несущей оцѣпенѣніе и смерть врагу, на котораго мчится бѣшеннымъ вихремъ французская конница.

— А этотъ нашъ ночной маневръ—удачный...

— Еще бы не удачный! Нѣмцы и не подозрѣваютъ о присутствіи здѣсь этихъ двухъ эскадроновъ. Иначе, давно позаботились бы уничтожить насъ всѣхъ своимъ артиллерійскимъ огнемъ.

Къ группѣ всадниковъ подошелъ вынырнувшій откуда-то изъ мрака солдатъ.

— Господинъ капитанъ Гро?..

— Это я! — отозвался одинъ изъ всадниковъ.

— Телефонное сообщеніе... Сенегальцы уже двинулись въ атаку. Они на полпути отъ прусскихъ линій...

— Господа офицеры, къ порядку! — послышался голосъ капитана Гро.

А негры дѣйствительно прошли, вѣрнѣе всего—проползли большую половину дороги отъ своихъ окоповъ къ вражескимъ. Они ползли тихо и незамѣтно, точно втискиваясь въ землю, какъ бы вмѣстѣ съ нею сливаясь, напоминая этимъ хищниковъ ночной пустыни, а не людей. Каждый десятый въ этой движущейся, ползущей цѣпи сенегалецъ держалъ въ зубахъ смоляной факелъ. У всѣхъ остальныхъ въ зубахъ были ножи.

Безшумно ползутъ сенегальцы. Всю свою аммуницію, вмѣстѣ съ ранцами, оставили они позади въ окопахъ. Уже совсѣмъ близко... Уже впереди черными силуэтами обозначились одинокія фигуры часовыхъ. Предусмотрительные нѣмцы не позабыли выставить впереди своихъ окоповъ дозоры. Вся длинная цѣпь стрѣлковъ остановилась въ своемъ движеніи, словно въ землю ушла. И только лишь нѣкоторые, намѣтивъ себѣ жертву, поползли дальше. Дремлютъ часовые, опираясь на винтовки. Глаза то смыкаются, то сонно ищутъ чего-то въ нѣмыхъ и темныхъ, затаившихся даляхъ... Вспоминаютъ нѣмцы оставшіеся гдѣ-то за Рейномъ родные дома, вспоминаютъ большія, тяжелыя кружки съ пѣнящимся пивомъ и теплыя перины, подъ которыми сладко и безмятежно спится... А смерть

уже близко, ахъ, до чего близко!.. Упругимъ кошачьимъ броскомъ кидаются сенегальцы на часовыхъ и, смотря по вдохновенію, либо душатъ ихъ, либо закалываютъ своими широкими отточенными ножами. Безъ крика, безъ малѣйшаго звука „сняты" дозоры. И движется впередъ вся цѣпь, и некому предупредить тревогою наступленіе. И когда предъ сенегальцами вдругъ выросли въ блѣднѣющемъ уже предразсвѣтномъ сумракѣ траншеи съ блиндажными кровельками, — вспыхнули разомъ смоляные факелы... И страшнымъ, дикимъ ревомъ огласилось безмолвіе...

Это не былъ бой. Это была настоящая бойня. Сенегальцы рѣзали, душили и кололи полусонныхъ прусскихъ гвардейцевъ, и кошмарнымъ дьявольскимъ навожденіемъ казались обезумѣвшимъ отъ страха нѣмцамъ эти черные великаны, озаренные трепетнымъ пламенемъ факеловъ. Началось бѣгство. Паника сообщилась вторымъ и третьимъ линіямъ окоповъ. Все бѣжало, все, что не успѣло упасть подъ вражескими ударами, или превратиться въ соляной столбъ отъ ужаса. И тогда на флангахъ стремительнымъ ураганомъ вынеслась конница. Развѣвались бѣлыя одежды спаи, разстилались по вѣтру конскіе хвосты мѣдныхъ греческихъ касокъ. Кирасиры кололи бѣгущихъ палашами, спаи рубили ихъ своими кривыми саблями.

Гвардейцы, кидая оружіе, сдавались въ плѣнъ цѣлыми ротами. И какъ-то незамѣтно, заслоненый всей этой кровавой сумятицей, надвинулся призрачный, блѣдно-сизый разсвѣтъ, такъ же незамѣтно перешедшій въ ясное утро.

Французы обходили громадную толпу сдавшихся пруссаковъ. Баронъ Пиларъ тщетно пытался сохранить свое недавнее великолѣпіе. Въ безсильномъ бѣшенствѣ кусалъ онъ свои надменныя губы. Его новая лакированная черная каска погнулась, продавленная скользнувшимъ ударомъ палаша. Мундиръ былъ перепачканъ, разорванъ, и холеный, поблѣднѣвшій полковникъ въ суматохѣ потерялъ свой монокль. Баронъ Лауницъ, болѣе молодой и поэтому менѣе сдержанный, менѣе владѣющій собою, плакалъ слезами отчаянія, стыда и злости.

Капитанъ Бодуэнъ вмѣстѣ съ маркизомъ де-Вуа подошелъ къ барону Пиларъ.

— Полковникъ, потрудитесь отдать мнѣ вашу саблю!..

— Я ее отдамъ старшему по чину, — отвѣтилъ съ вызовомъ Пиларъ.

И мужественное лицо стараго африканскаго солдата, и шрамы, такъ своеобразно красившіе сухія, обвѣтренныя черты, исказились судорогою.

*

— Плѣнные не разсуждаютъ!.. Извольте безпрекословно повиноваться!.. Иначе...

— Иначе вы отдадите меня на растерзаніе вашимъ чернымъ дикарямъ?—подхватилъ Пиларъ съ презрительной улыбкой, однако, уже снимая саблю.

— Молчать! — крикнулъ капитанъ Бодуэнъ.—Дикари не они, а вы! Вы, культурные, образованные варвары съ моноклями, оскверняющіе храмы, грабящіе мирныхъ жителей, рѣжущіе имъ пальцы и уши, насилующіе дѣвушекъ... Обыскать его!—приказалъ капитанъ двумъ сенегальцамъ.

— Вы не имѣете права меня обыскивать...

— Не разсуждать!.. Мы не пруссаки и возвращаемъ плѣннымъ ихъ имущество. Но при васъ могутъ найтись интересные для насъ документы. Стрѣлки, обыщите плѣнника!..

Баронъ Пиларъ отчаянно забился въ рукахъ дюжихъ негровъ. Но съ этими черными—шутки плохія! Два-три незамѣтныхъ тумака—и баронъ смирился. Только дрожалъ весь. Живо сенегальцы вывернули всѣ карманы. Осмотрѣвъ набитый деньгами бумажникъ, Бодуэнъ возвратилъ его владѣльцу. И вслѣдъ за этимъ баронъ Пиларъ получилъ назадъ свой кошелекъ, свой золотой хронометръ. Но вотъ громадная, черная рука сенегальца осторожно протягиваетъ капитану

маленькій предметъ, завернутый тщательно въ папиросную бумагу и крестъ-на-крестъ перехваченный желтой резинкою. Бодуэнъ развернулъ бумагу: овальная миніатюра на слоновой кости, живопись тончайшая. Изображенъ бритый, породистый вельможа въ красномъ камзолѣ съ тремя звѣздами и въ пудренномъ парикѣ.

Маркизъ де-Вуа, смотрѣвшій черезъ плечо капитана, воскликнулъ:

— Это любимая миніатюра моего дядюшки!.. Это его прадѣдъ, маркизъ Люсьенъ де-Вуа... Работа кисти Изабе!.. Такъ вотъ кто хозяйничалъ въ замкѣ!..

Баронъ Пиларъ, пунцовый весь, стоялъ съ опущенными глазами.

— Вы не полковникъ прусской гвардіи. Вы не благородный плѣнникъ, а жалкій мародеръ, грабитель! — бросилъ ему въ лицо капитанъ Бодуэнъ. — Впрочемъ, если вашъ кронпринцъ не брезгаетъ воровствомъ...

И старый африканскій солдатъ махнулъ рукой, отвернулся...

Громадная колонна плѣнныхъ потянулась въ штабъ подъ конвоемъ кирасиръ.

Поле битвы, славное для французовъ и позорное для пруссаковъ, оживилось дѣятельно работавшимъ летучимъ отрядомъ санитаровъ.

Оматако найденъ былъ въ окопѣ въ без-

сознательномъ состоянiи. Весь въ крови, онъ получилъ нѣсколько ранъ. Одна рука сжимала винтовку, другая—горло прусскаго офицера, давно остывшаго, одеревенѣвшаго. Оматако уложилъ одиннадцать нѣмцевъ и на двѣнадцатомъ самъ упалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Очнулся онъ въ госпиталѣ.

Весь перевязанный, Оматако лежалъ на чистой и бѣлой кровати. Лежалъ, подогнувъ ноги, потому что ему было коротко на этомъ просторномъ для обыкновенныхъ людей ложѣ.

Въ палатѣ движенiе. Полный, сѣдоусый генералъ, главнокомандующiй Жоффръ идетъ въ сопровожденiи своихъ адъютантовъ, капитана Бодуэна и врачей.

Генералъ остановился у изголовья Оматако.

— Этотъ?

— Этотъ, ваше высокопревосходительство...

Главнокомандующiй снялъ съ себя крестъ Почетнаго Легiона и положилъ его на грудь сенегальца.

Ротъ Оматако до ушей растянулся въ улыбкѣ, и онъ закивалъ своей забинтованной головой.

— Какъ ты себя чувствуешь, доблестный стрѣлокъ?—спросилъ главнокомандующiй съ привѣтливой лаской.

— Благодарю, генералъ... Оматако не умеръ... Оматако еще убиваетъ много нѣмцевъ!.. Оматако никогда не умретъ, потому что у него есть хорошіе амулеты...

И сенегалецъ растегнулъ на своей богатырской груди бѣлую рубаху.

— Это у меня отъ пушки... это отъ пули' это отъ штыка...

Жоффръ переглянулся съ Бодуэномъ.

Капитанъ, улыбаясь, пожалъ плечами.

— Стрѣлокъ, чего бы ты хотѣлъ?.. У тебя есть какая-нибудь просьба?..

— О, да, генералъ, да!.. Очень большая просьба! — жалобно закивалъ Оматако. — У меня отняли ружье. Не даютъ! А я хочу ружье... Пусть оно лежитъ со мною. Какой я солдатъ безъ ружья...

— Дать ему винтовку, — усмѣхнувшись, приказалъ главнокомандующій.

Всѣ ушли...

Оматако бросилъ взглядъ на сосѣднюю койку. Тамъ лежалъ рыжеусый нѣмецъ, тотъ самый Гансъ Мюллеръ, который ползъ на четверенькахъ, и котораго Оматако принесъ на пунктъ Краснаго Креста. Оматако узналъ его; улыбаясь, кивая забинтованной головой, протянулъ ему свою длинную и сильную, какъ рычагъ, руку. Блѣдный, осунувшійся, рыжеусый нѣмецъ молча отвѣтилъ ему крѣпкимъ пожатіемъ...

И они разговорились, не понимая другъ друга. Оматако, забывъ свой крестъ Почетнаго Легіона, расхвастался своими амулетами:

— Это отъ пушки, это отъ сабли... Оматако не умеретъ на войнѣ!

Милый негръ, славный большой ребенокъ... Гдѣ ты сейчасъ?.. Хранятъ ли тебя чудодѣйственные твои амулеты?..

Таинственный унтеръ-офицеръ.

I.

Минуло всего пять-шесть лѣтъ, какъ Петро Цвиркунъ вышелъ въ запасъ. А уже успѣлъ забыть свою солдатчину. Смутно-смутно рисовалась она ему изъ этой глухой полѣсской деревушки.

Такой глухой, не приведи Богъ!—отъ чугунки двѣсти восемнадцать верстъ, и нѣтъ вблизи ни шоссейной дороги, ни какихъ другихъ трактовъ. Однѣ проселочныя, да и тѣ въ весеннюю распутицу и въ осеннее ненастье—ни пѣшкомъ пройти, ни конемъ проѣхать. Деревня, въ которой жилъ Петро Цвиркунъ, и гдѣ выращивались и умирали поколѣнія за поколѣніями такихъ же, какъ и онъ, Цвиркуновъ, называлась Паричи.

Однимъ бокомъ уткнулись Паричи въ сосновый лѣсъ, дремучій, дремучій,—водились въ немъ и медвѣдь, и лось, и коза дикая; другимъ—въ болото. И не какое-нибудь поганое болото, а можно было выкроить изъ него добрыхъ два нѣмецкихъ герцогства. Если какой-нибудь новый, дивнымъ случаемъ

забредшій сюда человѣкъ спрашивалъ, указывая на болото, что тамъ дальше за нимъ?—паричане разводили руками:

— А Господь яго святый знае!

И дѣйствительно, никто не зналъ. Для паричанъ весь внѣшній міръ кончался на рубежѣ этого непроходимаго болота. Въ буквальномъ смыслѣ слова—непроходимаго.

Пріѣзжали какъ-то разъ невѣдомые люди и говорили не по здѣшнему, не по-русски. И видно—важные. Становой ужъ на что, разъ-другой всего за цѣлюсенькій годъ заглянетъ въ Паричи. А и то при нихъ вьюномъ вертѣлся и всяческое содѣйствіе оказывалъ. Были съ ними какіе-то дорогіе, диковинные приборы. Что-то они вымѣряли, высчитывали, пытались на лодкѣ пробраться черезъ болото, но ничего у нихъ не вышло, плюнули, рукой махнувъ, и скорѣй, давай Богъ ноги — уѣхали!..

И деревенька, подъ стать своему захолустному уѣзду—лядащая. Двадцать дворовъ, да и дворы — одно только слово! Хатенки съ замшившимися срубами покривились и въ землю по самыя оконца повростали. Въ оконца—ничего не увидишь. Стекла всѣми цвѣтами радуги переливались. И стеколъ уцѣлѣло немного. Все больше тряпьемъ позапихано. Старое, глядишь, разбилось, а новое достать—штука нелегкая. До ближняго мѣстечка пять-

десять верстъ не мѣряныхъ. Значитъ, и всѣхъ шестьдесятъ пять будетъ.

И если деревня Паричи—бѣдная, то Петро Цвиркунъ — мужикъ наибѣднѣйшій. Хата его—самая неказистая. Крыша когда-то соломенная,—теперь одна сплошная плѣсень зеленая и провалилась какимъ-то сѣдломъ, точно втянуло ее, сердечную, отъ голода. И внутри хаты было голодно. А дѣтей Цвиркунъ со своей жинкою имѣлъ четверо. Такое ужъ благословеніе Божье. Чѣмъ бѣднѣй отецъ съ матерью, тѣмъ больше у нихъ дѣтокъ.

Глянуть на Цвиркуна—никто не призналъ бы въ немъ солдата.

Такой шаршавый и неказистый мужиченка! И ростомъ не вышелъ, и съ лица неказистъ,—все оно скуластое, съ плоскимъ профилемъ и носомъ пуговкою. И волосы бѣлесые, жиденькіе. Вмѣсто усовъ и бороды, такъ поросль какая-то рѣденькая, не разберешь даже, что это такое...

Петро Цвиркунъ былъ типичный бѣлорусскій мужикъ, или, какъ дразнятъ ихъ, „лопацонъ“, скупо и нехотя взрощенный этой хмурой болотистой природой, сырой, туманной, безъ тепла и солнца.

Мерещились иногда Циркуну керосиновые фонари, мокрые деревянные троттуары, а по бокамъ улицы—низенькіе одноэтажные дома. Это уѣздный городъ, въ которомъ стоялъ

его полкъ. И казалось ему въ забытыхъ Богомъ и людьми Паричахъ, что краше и богаче нѣтъ города на всемъ бѣломъ свѣтѣ. И какъ сквозь сонъ вспоминались дальше: казарма, винтовки, запахъ свѣжаго хлѣба и краснолицый фельдфебель Пономарчукъ, съ жесткими подстриженными усами, важно учившій солдатъ „словесности“ и всякимъ ружейнымъ мудростямъ. Пономарчукъ былъ педантъ и не довѣрялъ унтеръ-офицерамъ.

Солдатчина тускло прошла для Цвиркупа, безъ особеннаго горя и особенныхъ радостей. Прошла и сгинула. И онъ все рѣже и рѣже вспоминалъ объ ней, занятый своими двумя худосочными десятинами и четырьмя голодными ртами своихъ ребятишекъ, ненасытныхъ, какъ галчата. Сколько ни пихай въ нихъ, сырой, невываренной картошки и мякиннаго хлѣба, все мало. И животы у дѣтей вздувались, большіе и твердые, какъ барабаны.

Цвиркунъ на свое житье-бытье не роталъ, потому что всѣ кругомъ такъ живутъ... И уходили день за днемъ, — сѣрые, голодные, рабочіе и трудные. И думалъ Цвиркунъ, что будетъ такъ вѣки-вѣчные, пока не накроютъ его глинистымъ бугромъ съ бѣлымъ деревяннымъ крестикомъ.

Но оказалось, что гдѣ-то далеко тамъ,— этого далекаго и загадочнаго „тамъ“ Цвиркунъ не могъ даже себѣ представить,—вспо-

мнили о Паричахъ. Нагрянулъ становой съ урядникомъ, озабоченные, спѣшные, и сказали, что объявлена „билизація“: берутъ запасныхъ, будетъ война съ нѣмцами. О тѣхъ далекихъ нѣмцахъ, съ которыми придется воевать, Петро Цвиркунъ ничего не зналъ. Но зналъ Цвиркунъ другихъ нѣмцевъ. И въ своемъ мужицкомъ сердцѣ сложилъ къ нимъ не мало тупой злобы. Не могъ простить имъ Цвиркунъ чистенькихъ каменныхъ домиковъ подъ желѣзной крышею, высокихъ заборовъ, такихъ добротныхъ и крѣпкихъ,—на цѣлую хату хватило бы. Не могъ простить имъ кованыхъ желѣзомъ телѣгъ и сытыхъ раскормленныхъ лошадей. И всѣ эти нѣмцы, какъ сами, такъ и жены ихъ и дѣти, были рослые, румяные, крѣпкіе, хорошо одѣтые. Словомъ, когда Цвиркунъ узналъ, что надо идти колотить нѣмцевъ, онъ вспомнилъ тотчасъ же нѣмецкія колоніи, разбросанныя тамъ и сямъ по уѣзду. И даже не тамъ и сямъ, а именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лучшее поле, лучшій лѣсъ и сочные, изумрудные луга. Вотъ почему безъ особеннаго сожалѣнія разставался Цвиркунъ со своей женою и ребятишками. Лукерья, безъ времени увядшая баба въ линючемъ платкѣ, туго стягивавшемъ голову, съ плоской грудью и большимъ животомъ, плакала, вытирая слезы косточками худыхъ, рабочихъ и жилистыхъ рукъ. Ревѣла дѣтвора.

Но не плакалъ отецъ. Въ его немудреной головѣ шевелились робко и неувѣренно тяжелыя мысли. Тяжелыя не потому, что они были мрачнаго свойства, а потому что тяжело было съ непривычки думать о новомъ, не входившемъ въ обычный кругъ скуднаго мужицкаго мышленія.

И Цвиркунъ топнулъ ногою. Жена такимъ его еще никогда не видѣла. И сказалъ:

— Годи плакать, будетъ! Отъ, я накладу имъ по первое число и вярнусь—тагды увидишь!..

Что именно увидитъ Лукерья, онъ и самъ не зналъ хорошенько, но ему искренно хотѣлось „наложить нѣмцамъ, по первое число“. Этимъ онъ отомститъ разомъ за все: и за желѣзныя крыши, и за высокіе заборы, и за крѣпкія телѣги, въ которыхъ колонисты возятъ много всякаго добра.

2.

Поѣздъ вытянулся безконечной вереницею вагоновъ. Всякіе вагоны. И товарные, и третьяго класса, и открытыя платформы. И всѣ они биткомъ набиты десятками и сотнями Цвиркуновъ. И среди нихъ—настоящій Петро Цвиркунъ изъ Паричей. На немъ шинель съ красными погонами и съ цифрою триста съ чѣмъ-то. Сапоги, вмѣсто лаптей, и вмѣсто

высокой войлочной шапки,—„лопацоны“ ихъ называютъ магерками—защитная фуражка съ кокардой. Но Цвиркунъ все тотъ же. И лицо-наперстокъ, рябинами истыканное, и носъ пуговкой, и чахлая бороденка. Въ вагонахъ шумно и какъ-то по буйному весело. На станціяхъ болѣе проворные Цвиркуны бѣгаютъ за кипяткомъ. Въ вагонахъ, швыряемыхъ изъ стороны въ сторону съ рѣзкимъ грохотомъ, солдаты пьютъ горячій, жиденькій чай изъ глиняныхъ кружекъ и обжигающихъ пальцы жестянокъ. Пахнетъ людьми, сукномъ и махоркою, сизымъ туманомъ застилающей вагонъ. Тепло, погода хорошая, и въ двери и въ окна врывается свѣжей струею солнечный воздухъ. Разговоры такіе же, безъ конца краю, какъ и этотъ путь, съ долгими остановками и тихимъ плетущимся ходомъ, ибо то и дѣло приходится мимо себя пропускать такіе же самые воинскіе поѣзда, переполненные такими же Цвиркунами.

Среди солдатъ и пожилые ветераны манчжурской войны. Ихъ медали и кресты вызываютъ почтеніе въ тѣхъ, кто помоложе. Вспоминаютъ японцевъ. По хорошему вспоминаютъ, безо всякой злобы.

— Маленькій, желтый, глаза, что щелки твои, а драться гораздъ!.. Ирой!

И выходитъ, что ни раньше, ни потомъ, японцы никому, вотъ на самый малый ного-

токъ, худого не сдѣлали ничего. А противу нѣмцевъ—злоба. И Цвиркунъ Петро, настоящій Цвиркунъ вспоминалъ сытыхъ, раскормленныхъ лошадей, высокіе заборы. Его маленькіе безобидные глазки вспыхивали. Сжимая дуло своей винтовки, онъ грозился:

— Накладемъ по первое число!..

И у остальныхъ Цвиркуновъ была своя обида противъ нѣмца. Бойкаго смышленнаго парня, служившаго на табачной фабрикѣ — папиросы раскладывалъ по коробкамъ—нѣмецъ, завѣдующій отдѣленіемъ, штрафами донималъ. И чуть что, сейчасъ „русской свиньей“ облаетъ. Были запасные батраки съ сахарныхъ заводовъ. И тамъ жали ихъ всласть нѣмцы. Въ имѣніяхъ, въ экономіяхъ—то же самое. Отъ нѣмцевъ—ни житья, ни проходу. Сами жирѣютъ, канальи, на русскихъ хлѣбахъ. Хлещутъ пиво, вотъ этакія аршинныя сигары курятъ, а нѣтъ горшаго измывательства, что претерпѣваетъ отъ нихъ русскій мужикъ. За человѣка не считаютъ. Словно русскій мужикъ только затѣмъ и сотворенъ мать-природою, чтобы нѣмецъ поѣдомъ его жралъ, да какъ отъѣвшійся клопъ, вздувался отъ чужихъ пота-крови...

Эшелонъ прибылъ въ Варшаву. Полкъ Цвиркуна выгрузили. Двинулся онъ черезъ весь городъ, колонна за колонною, въ поход-

номъ порядкѣ. Петро Цвиркунъ только глаза себѣ кругомъ таращитъ.

И убѣдился онъ, что есть на свѣтѣ города, куда богаче и краше, чѣмъ тотъ уѣздный, съ керосиновыми фонарями и деревянными троттуарами, гдѣ онъ отбывалъ свою службу.

Погода была удивительная. Конецъ лѣта мотовски расточалъ свою ласку и тепломъ, и солнцемъ, и воздухомъ, и яркимъ, прозрачнымъ свѣтомъ. Такимъ прозрачнымъ, словно все кругомъ, и дома, и люди, и бѣло-желѣзныя кружева перекинувшихся черезъ рѣку мостовъ,—все это умылось, пріодѣлось, почистилось передъ суровымъ смотромъ надвигающейся осени.

Петро Цвиркунъ ростомъ не вышелъ и поэтому угодилъ въ шестнадцатую роту. Идетъ въ хвостѣ колонны, и хотя всего снаряженія на немъ около двухъ пудовъ,—идетъ бодро. И всѣ шагаютъ бодро и въ ногу. И молодцевато и четко отбиваютъ шагъ по асфальту. Съ обѣихъ сторонъ улицы народъ густится. Изъ магазиновъ съ громадными окнами выбѣгаютъ улыбающіеся молодые люди, барышни. И всѣ что-то говорятъ, не разобрать толкомъ что, но чуетъ душа, — привѣтливое и радостное. И суютъ солдатамъ цвѣты, папиросы, сахаръ въ бумагѣ, чай. И Цвиркуну попало. Какая-то важная барыня, вся въ черномъ, съ блѣднымъ, прекраснымъ

лицомъ, протянула ему коробочку съ папиросами. И хотя Цвиркунъ былъ не курящій, но по военному времени пригодится,—сунулъ въ карманъ. Папиросы отдастъ кому-нибудь изъ товарищей, а коробочку себѣ. Ужъ очень нарядная,—съ картинкою.

Неказистому, шершавому Цвиркуну повезло. А можетъ быть потому и повезло, что очень ужъ онъ некрасивый да невзрачный. Жалѣючи, всегда къ такимъ особенно внимательны люди, обидѣть боятся. И сахару, глядишь, перепало!.. Какъ развернулъ бумажку, торопливо, на ходу,—вѣдь одна рука лишь свободна,—такъ и заискрился на солнцѣ рубленый крупными кусками бѣлый, какъ снѣгъ—сахаръ.

Какія-то барыни кричатъ офицерамъ:

— До свиданія!.. До свиданія въ губернскомъ городѣ Берлинѣ!..

— Бейте нѣмцевъ, пся кревъ, бейте проклятыхъ!--бубнитъ задорный уличный мальчишка, сѣменя босыми ногами.

Цвиркунъ совсѣмъ близко увидѣлъ розовое личико дѣвочки, такой свѣтловолосой и хорошенькой, ну, совсѣмъ кукла, лежащая приманкой въ окнѣ магазина. Дѣвочка протянула ему алый цвѣточекъ. И хотя Цвиркунъ рѣшительно не понималъ, что это значитъ, и зачѣмъ ему этотъ цвѣтокъ, бросить его, однако, не рѣшился. И держалъ осто-

рожно, боясь измять корявыми пальцами. Вспомнилъ своихъ дѣтей, оставшихся въ далекихъ Паричахъ съ матерью. И хотя дѣвочка съ цвѣткомъ была красивенькая, чистая и нарядная, а его дѣти ходили въ однѣхъ грубыхъ домотканныхъ рубашенкахъ, и отъ сырой картошки пучило имъ животы, онъ вспомнилъ ихъ съ незнакомой до сихъ поръ его немудреному сердцу нѣжностью. Когда онъ вернется съ войны, встрѣча будетъ любовная. И если этотъ сахаръ онъ выпьетъ вмѣстѣ съ чаемъ, то будетъ еще. И тотъ, другой сахаръ онъ принесетъ домой, какъ рѣдкое лакомство.

3.

Полкъ движется по нѣмецкой землѣ.

Здѣсь все уже совсѣмъ другое, чѣмъ тамъ, позади, дома. Особенно дивились нѣмецкимъ полямъ солдаты:

— Что не скажи, а сурьезный онъ человѣкъ, нѣмецъ,—дѣловито говорилъ угрюмый, бородатый костромичъ, товарищъ Цвиркуна по взводу.—На что кусочекъ земли махонькой, а и тотъ глянь-кось, какъ воздѣланъ.— И костромичъ, оглядываясь для порядка, нѣтъ ли вблизи начальства, выбѣгалъ изъ колонны въ сторону, рвалъ наспѣхъ колосъ еще несжатой пшеницы, и вернувшись, наладивъ

движеніе въ ногу, съ хозяйственнымъ видомъ перетиралъ колосъ между пальцами, разсматривалъ зерна и нюхалъ:

— Ну что?

— Важнѣющая пшеница! Знатно земля родитъ. А потому—уходъ!..

Солдаты диву давались, проходя черезъ непріятельскія деревни. Какіе же это, въ сущности, деревни? Улицы ровныя, мощеныя, дома двухъэтажные, каменные. А надъ крышами,—видимо-невидимо телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ. Иные уже попорчены,—казаки здѣсь побывали раньше, — и висятъ черезъ дорогу.

Полкъ еще, какъ говорится, не нюхалъ пороху, но скоро быть дѣлу.

Полкъ движется по слѣдамъ передовыхъ кавалерійскихъ стычекъ. Въ одной вымершей, деревнѣ,—все бѣжало изъ нея—поперекъ улицы лошадиные трупы. Поменьше—казацкая и другая побольше—нѣмецкая. Обѣихъ уравняла смерть, оскалила зубы, застеклила глаза, вытянула деревяшками ноги, вздула горою брюхо и такъ выпятила ребра—пересчитать можно. Немного дальше трупъ безъ головы, грудью внизъ, въ синемъ мундирѣ. И такъ руки раскинуты, словно человѣкъ хотѣлъ всю землю обхватить въ предсмертномъ объятіи. И тутъ же, какъ круглый

шаръ, отхваченная голова, со свѣтлыми усами и въ каскѣ съ орломъ...

Цвиркунъ сначала крестился. Не по себѣ ему было. И лицо дѣлалъ такое, какъ если-бъ мимо похоронъ шелъ. Но это было вначалѣ, а потомъ привыкъ. Ко всему человѣкъ привыкаетъ! Въ особенности, къ смерти и крови съ ихъ ужасами...

Не стало батальоннаго. А славный былъ и бравый такой подполковникъ. За японскую войну Анну съ мечами и Георгія имѣлъ. Солдатамъ веселѣй становилось, когда онъ объѣзжалъ фронтъ, румяный, дородный, съ привѣтливой шуткой и каштановой бородою, золотившейся на солнцѣ. И хоть бы въ бою погибъ, — не такъ жаль... Конецъ геройскій. А то пропалъ человѣкъ зря.

Ночевалъ полкъ на пути въ небольшомъ городѣ. Жителей полтора человѣка. Разбѣжались. Всѣ дома пустые. Баталіонному приглянулся, какъ фонарикъ свѣтленькій, домикъ съ башенками. Онъ въ немъ и расположился. Тихая старушка въ бѣломъ чепчикѣ.

Спрашиваетъ ее баталіонный по ихнему:

— А вы что же, сударыня, одна одинешенька?

Потупилась, въ глаза не смотритъ.

— Молодежь моя на войнѣ, а я старая вдова, куда мнѣ дѣваться! Убьете — къ тому готова. Вѣкъ свой прожила, будетъ!

Какъ расхохочется баталіонный,—борода затряслась.

— Что вы, матушка, и взаправду насъ звѣрями считаете? Мы съ мирными жителями не воюемъ. А вотъ вы бы меня лучше кофемъ угостили. У васъ вѣдь, у нѣмцевъ кофей хорошій. Путешествовалъ, знаю! И не бойтесь, за все будетъ уплачено.

Она и сварила кофе, старуха. Чистенько такъ, все блеститъ. Чашка тяжелая, толстая, добротная, ложечки, салфеточки. Масло — завитушечками. Напился баталіонный этого кофе и Богу душу отдалъ. Поминай, какъ звали. Отравила тихая вѣдьма. Разстрѣляли вѣдьму, какъ полагается. Да толку изъ этого никакого. Развѣ вотъ другимъ острастка. А баталіоннаго не воскресишь. И такой онъ былъ плотный, да крѣпкій. Жить да жить! Судьба!.. Похоронили его подъ городомъ. Солдаты рыли могилу и плакали. Грозились:

— Ужо дорваться бы только—отплатимъ!

Дорвались. Ждать пришлось недолго.

Полдня окопы рыли. Подъ огнемъ приходилось работать. Чортъ знаетъ, съ какой дали нѣмецкая артиллерія жарила. И все „чемоданы“. Чемоданами прозвали солдатики громадные снаряды, съ дикимъ, устрашающимъ визгомъ проносившіеся мимо. Хорошо еще, если мимо.. Но пока что—благополучно. Либо недолетъ, либо перелетъ. Но какъ

зароется, такой фонтанъ земли подыметъ, что твой ураганъ. И выворотитъ вокругъ себя глубокую яму, — десять человѣкъ спрячется. Поднимали осколки—оттягивало руку, такой вѣсъ. Вначалѣ жутко и боязно было. Солдаты кланялись, въ сторону шарахались, молитвы шептали. Еще бы! — не снарядъ, а какой-то дьяволъ чугунный проносится надъ головою! А потомъ обстрѣлялись. Привыкли. И не больше было страху, какъ еслибъ шмель гудѣлъ вокругъ да около.

Такъ и Цвиркунъ. Обтерпѣлся! И спокойно, съ дѣловитой мужицкой серьезностью, на нѣмецкой землѣ и подъ нѣмецкимъ солнцемъ, снявши мундиръ, копалъ траншеи, точно въ собственномъ огородѣ добывалъ изъ-подъ сырой болотистой рыхлятины водянистую картошку. И такъ же, какъ дома, прилипала у него къ худымъ, костлявымъ лопаткамъ грязная вспотѣвшая цвѣтная рубаха.

Казаки плѣнныхъ проводили. Нѣсколько чубатыхъ станичниковъ, сидя на своихъ поджарыхъ лошадкахъ, гнали впереди себя пруссаковъ, словно стадо барановъ. Цвиркунъ впервые видѣлъ живого нѣмецкаго солдата. И самъ Цвиркунъ, и остальные Цвиркуны дивились безсмысленной, машинной выправкѣ нѣмцевъ. Въ плѣну, чего ужъ тутъ задавать форсу,—а какъ на парадѣ маршируютъ! По

журавлиному, въ три пріема. И съ такимъ священнодѣйствующимъ видомъ... Народъ бѣлокурый, видный. И такъ потѣшно щеки трясутся. Мундиры на нихъ ловко пригнаны, одинъ къ одному, и каски подъ сѣрыми чехлами.

Молодой ротный изъ гвардейцевъ бесѣдовалъ съ плѣнными по ихнему. И тутъ выправка. Тянутся, честь отдаютъ. И по-своему это у нихъ выходитъ. Дрыгнетъ правой ногою, каблуками щелкнетъ и, проглотивъ добрый аршинъ, рукою, словно завели ее — разъ, разъ, подъ козырекъ и обалдѣлъ, глаза выпучивши...

Спрашивалъ ротный казаковъ:

— Гдѣ вы ихъ, братцы, добыли?..

— А такъ, значитъ, ваше благородіе, дѣлали мы, значитъ, развѣдку. Самъ двѣнадцатый. Заскочили въ деревню. А тамъ полурота. Выстраивается... Мы и налетѣли. Кого порубили, а этихъ вотъ,—гонимъ!..

Нѣмцы, съ опаскою и недовѣріемъ, не понимая ни слова, переводили глаза съ казаковъ на капитана. Упитанный, кольни его въ красную рожу, такъ пивомъ и брызнетъ,— унтеръ-офицеръ выступилъ и продѣлавъ все, какъ полагается у нихъ, и аршинъ проглотивъ и каблуками щелкнувъ, обратился съ какимъ-то вопросомъ къ капитану.

Капитанъ отвѣтилъ и засмѣялся. Потомъ объяснилъ солдатамъ:

— Напугали ихъ, что мы не беремъ въ плѣнъ. Спрашивалъ, когда ихъ разстрѣляютъ? Дурачье, вѣрятъ всякимъ небылицамъ!..

4.

Штабъ одиннадцатаго корпуса германской арміи квартировалъ въ Познани, въ богатомъ и крупномъ имѣніи польскаго графа Пшембицкаго. И, во-первыхъ, потому, что Пшембицкій былъ полякъ, а, во-вторыхъ потому, что нѣмцы, вообще, народъ безцеремонный, особенно если на ихъ сторонѣ грубая сила,—съ графомъ штабъ одиннадцатаго корпуса не особенно стѣснялся.

Ему дали довольно прозрачно понять: — „благодари Бога, только бы цѣлымъ остаться“. Графъ, гордый, величественный старикъ, во дни своей молодости танцовавшій въ Тюильрійскомъ дворцѣ мазурку съ императрицей Евгеніей, сидѣлъ безвыходно у себя въ дальнихъ комнатахъ большого двухэтажнаго палаца. Вмѣстѣ съ нимъ и его немногочисленная семья.

А нѣмцы хозяйничали во-всю. Графскій поваръ готовилъ всему штабу и завтраки, и обѣды, и ужины. Графскій погребъ,—хочешь, не хочешь, — поставлялъ вина, а графскій

управляющій долженъ былъ отпускать овесъ и сѣно не только для штабныхъ лошадей, но и для трехъ эскадроновъ, расположенныхъ въ усадьбѣ и охранявшихъ особу корпуснаго командира.

Обѣдали въ громадной въ два свѣта и съ хорами столовой. Здѣсь подъ звуки собственнаго оркестра въ былое время банкетовали предки графа Пшембицкаго. А теперь вокругъ стола сидѣли пруссаки въ синихъ мундирахъ. Обѣдъ подходилъ къ концу. Много было съѣдено и еще больше выпито. Въ сигарномъ дыму пылали красныя возбужденныя лица съ мутными глазами. Громкій, безпорядочный говоръ. Кто-нибудь, со стороны войдя, отказался бы вѣрить, что все это люди съ внѣшнимъ воспитаніемъ и лоскомъ, и вдобавокъ половина изъ нихъ — титулованные. Пустыя бутылки бросались прямо на полъ. Бѣлая скатерть вся была залита виномъ, липкимъ ликеромъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ прожжена сигарами. Офицеры не давали себѣ труда подвинуть тарелку, или пепельницу и непогашенные окурки бросались прямо на скатерть. Теперь военное время, да еще въ польскомъ домѣ, и можно ни съ чѣмъ не считаться, распоясавшись такими свиньями, какихъ еще свѣтъ не производилъ... И дѣйствительно, свинячили вволю...

Самое почетное мѣсто занималъ не кор-

пусный командиръ, сѣдой и сухощавый старикъ съ баками, идущими отъ висковъ къ угламъ рта à la Вильгельмъ I, а совсѣмъ, совсѣмъ, молодой полковникъ. Онъ былъ блѣденъ, худъ и бѣлобрысъ, какъ только можетъ быть бѣлобрысымъ нѣмецъ. Тонъ чуть розоватой кожи лица былъ темнѣе тона волосъ, жиденькихъ, напомаженныхъ, расчесанныхъ сквознымъ англійскимъ проборомъ Взглядъ свѣтлыхъ глазъ молодого полковника. былъ непроницаемый, вѣрнѣй совсѣмъ ничего не выражавшій. Ни одной, самой коротенькой человѣческой мысли! И вдобавокъ, еще какая-то холодная стеклянность была въ этомъ разъ навсегда застывшемъ взглядѣ. По прусской модѣ, заимствованной опять-таки у англичанъ, полковникъ начисто брилъ и бороду, и усы. Его обнаженный „голый“ ротъ замѣтно выдавался, а большіе, длинные, какъ клавиши, зубы выпирали изъ-подъ короткихъ губъ,—имъ было тѣсно.

Полковникъ не былъ бы прусскимъ офицеромъ, если бы не носилъ монокль. Носилъ! И это давалось ему съ большимъ трудомъ. Застеклившіеся глаза не сидѣли глубоко въ орбитахъ, а, наоборотъ, вылѣзали вмѣстѣ со своими короткими жиденькими рѣсницами. При такихъ условіяхъ втиснуть въ глазъ монокль являлось почти невозможной вещью. Монокль выпрыгивалъ, падалъ, разбивался.

Но терпѣливый полковникъ возилъ ихъ съ собою дюжинами.

И корпусный командиръ и остальные офицеры штаба относились къ молодому полковнику съ чрезмѣрной почтительностью и, обращаясь къ нему, всякій разъ величали „вашей свѣтлостью“.

Это былъ герцогъ Карлъ-Августъ-Людовикъ Ашенбрунненскій, приходившійся двоюроднымъ племянникомъ кайзеру Вильгельму.

Подобно своему воинственному дядюшкѣ, племянникъ изъ всѣхъ силъ жаждалъ боевыхъ лавровъ. И если Вильгельмъ пытался неудачно и жалко до смѣшного, держать экзаменъ на Великаго Наполеона, племянникъ мѣтилъ, по крайней мѣрѣ, въ Мюраты. Кавалеристъ, однако, былъ онъ изъ рукъ вонъ плохой. И хотя служилъ въ гвардейскомъ кирасирскомъ полку, но лошадей боялся до смерти, чувствуя себя гораздо лучше въ „пѣшемъ строю“, чѣмъ верхомъ.

Сбирался на войну герцогъ торжественно, съ помпою. Добрый католикъ, онъ отъ души жалѣлъ, что не можетъ съѣздить за благословеніемъ къ папѣ. А это было бы шикарно! Великій герцогъ такъ и подумалъ: шикарно. Теперь, когда молніеносная мобилизація производится съ помощью телефоновъ, телеграфовъ, бѣшено рѣжущихъ воздухъ автомобилей и экспрессовъ,—экспрес-

совъ по быстротѣ,—въ такое время, когда каждый день и часъ дорогъ, не до паломничества въ Римъ. Это было хорошо въ дальніе вѣка Фридриха Барбароссы. Итакъ, вмѣсто святѣйшаго отца благословила своего сына вдовствующая герцогиня-мать.

Карлъ - Августъ - Людовикъ преклонилъ свое тонкое, словно спичка сломанная, колѣно передъ чопорной и скучной съ прилизанными, какъ у гувернантки, волосами, старухой. И это не гдѣ-нибудь, а въ родномъ шестисотлѣтнемъ замкѣ, въ длинномъ и неутномъ залѣ съ фамильными портретами вдоль стѣнъ. Высохшей рукою мать указывала на этихъ доблестныхъ предковъ, желая сыну также храбро и побѣдно сражаться за германскіе идеалы и германскую культуру, какъ это дѣлали его знаменитые прадѣды и пращуры.

Хотя, говоря по правдѣ, всѣ высокіе культуртрегерскіе идеалы предковъ сводились къ тому, что они грабили караваны купцовъ, а когда этотъ промыселъ сталъ „неудобнымъ", торговали солдатами, поставляя наемное пушечное мясо тѣмъ государямъ, которые за это хорошо платили.

Великая герцогиня вспомнила подвиги предковъ-крестоносцевъ, вздумавшихъ „обращать" огнемъ и мечомъ языческую Литву.

— Жертвою этихъ святыхъ походовъ

палъ великій герцогъ Августъ-Рудольфъ-Отто Сильный,—прошептала, закатывая глаза, герцогиня-мать.

Она съ удовольствіемъ указала бы на стѣнѣ портретъ этого славнаго героя. Но, увы, Отто Сильный не былъ увѣковѣченъ въ фамильной галлереѣ, по какому-то непростительному недоразумѣнію. Смерть пріялъ онъ дѣйствительно въ крестовомъ походѣ, но смерть довольно-таки прозаичную. Косматый, въ звѣриной шкурѣ гигантъ-литовецъ своей утыканной гвоздями дубиною такъ хватилъ коннаго рыцаря, что шлемъ свернулся въ лепешку, и у Отто Сильнаго оказался проломленнымъ черепъ...

Обѣщаній и клятвъ надавалъ сынъ матери безъ конца. Онъ либо совсѣмъ не вернется, либо вернется въ сіяніи славы. Онъ будетъ безпощадно бить этихъ русскихъ свиней, грязныхъ и грубыхъ, для которыхъ самый фактъ сопротивленія лучшей въ мірѣ германской арміи,—это уже сама по себѣ великая, недосягаемая честь.

То-же самое повторялъ великій герцогъ и здѣсь, въ столовой польскаго графа. Графскіе лакеи съ мрачными лицами и потупленными взглядами, хоронившими ненависть и презрѣніе къ этимъ „завоевателямъ",—наливали шампанское. Герцогъ кричалъ „Хохъ",

и вслѣдъ за нимъ пьяными голосами повторяли и собутыльники „хохъ!“

— Да здравствуетъ кайзеръ Вильгельмъ!

— Да будетъ живъ императоръ Европы!..

— Великій императоръ!..

— Да будетъ!..

Искрящіеся золотистымъ виномъ бокалы тянулись отовсюду къ бокалу герцога...

Какая-то внезапная мысль осѣнила его. Онъ вытянулся во всю свою длину и постучалъ плоскимъ золотымъ портсигаромъ съ брильянтовой герцогской короною. Все смолкло, и всѣ уставились на герцога, въ ожиданіи, чѣмъ онъ готовится ихъ подарить. А подарилъ онъ ихъ слѣдующимъ:

— Господа, я задумалъ сыграть съ этими русскими дикарями знатную штуку. Я буду драться въ рядахъ нашей доблестной арміи, какъ простой солдатъ. Всѣ мы — германскіе солдаты, начиная отъ кайзера и кончая послѣднимъ рядовымъ. Но я не это хочу сказать. Я хочу сказать, что я въ буквальномъ смыслѣ слова надѣну солдатскую форму. Я превращусь изъ герцога въ унтеръ-офицера. Да! Да!.. Какъ вамъ это понравится?—обвелъ онъ стеклянными глазами пылавшія въ табачномъ дыму лица своихъ сотрапезниковъ.

— О, да... Это мысль!.. Это геніальная мысль!—высказался первымъ по старшинству корпусный командиръ, а за нимъ и остальные.

Два-три скептика съ непростительнымъ для нѣмецкаго офицера вольнодумствомъ рѣшили, что его высочество просто-напросто втираетъ очки. Малый не изъ особенно храбрыхъ, но и труситъ, заранѣе хочетъ слиться съ общей солдатской массой. Меньше шансовъ получить пулю, такъ какъ эти русскіе, по общимъ отзывамъ, стрѣляютъ весьма недурно и на выборъ бьютъ командный составъ.

Герцогъ, выждавъ паузу, продолжалъ, готовя новое откровеніе!

— Но въ обозѣ слѣдовать будетъ моя полная парадная форма, и я торжественно даю вамъ мое честное слово надѣть ее не раньше, какъ только мы вступимъ въ Варшаву. Въ польской столицѣ произойдетъ мое превращеніе изъ унтеръ-офицера въ герцога Ашенбруненскаго. Что вы на это скажете? Ловко придумано?..

Разумѣется, всѣ выразили самый живѣйшій восторгъ, и ораторъ, къ своему удовольствію, сорвалъ шумные апплодисменты. Новые бокалы шампанскаго, новое чоканье, новые тосты. Пили за здоровье изобрѣтательнаго герцога, опять вернулись къ Вильгельму, перешли на кронпринца и такъ далѣе. Пили до изнеможенія, до потери человѣческаго облика.

Подъ утро, кое-какъ добравшись до по-

стели, герцогъ уснулъ. Пріятные сны грезились ему.

Варшава сдалась безъ боя на милость доблестныхъ побѣдителей. Безконечныя колонны германской арміи одна за другою вливаются въ столицу Польщи. И впереди всѣхъ на конѣ онъ, герцогъ. Осеннее солнце сіяетъ золотомъ на шитьѣ красиваго мундира, на орденахъ, крестахъ, звѣздахъ, пышныхъ вздрагивающихъ эполетахъ. Кругомъ — одно сплошное ликованіе. Освобожденный мудрымъ императоромъ, польскій народъ привѣтствуетъ побѣдителей. Красавицы забрасываютъ герцога Карла цвѣтами. И все блѣдно-алыя розы, громадныя, какъ въ сказкѣ. Весь путь устланъ имъ. И мягко, неслышно тонутъ въ нихъ копыта герцогскаго коня...

На этомъ герцогскій сонъ оборвался. Продолженію помѣшалъ почтительный стукъ въ дверь. Герцогъ потянулся, зѣвнулъ и недовольно сказалъ „herein!"

У порога обалдѣвающе замеръ высокій бранденбургскій гусаръ.

— Ваша свѣтлость приказали разбудить, и я осмѣлился. Пора выступать.

— Который часъ?

— Тридцать двѣ минуты десятаго.

— Ого, подними шторы...

Гусаръ поднялъ шторы. Въ окна дерзко

и жадно потоками хлынулъ яркій солнечный день. Герцогъ сначала зажмурился, потомъ открылъ глаза и чуть не обмолвился:

— Это взошло солнце Аустерлица.

Молодой двадцатишестилѣтній полковникъ уже тяготился второстепенной ролью славнаго Мюрата. Онъ съ удовольствіемъ, такъ бочкомъ-бочкомъ, обогнавъ кайзера, самъ проскочилъ бы въ Наполеоны... Его свѣтлость украсилъ своимъ присутствіемъ легкій ранній завтракъ и вмѣстѣ со штабомъ корпуса уѣхалъ впередъ къ позиціямъ.

5.

Русскій пѣхотный полкъ съ цифрою триста съ чѣмъ-то на погонахъ окопался. Равнинная позиція не представляла особенныхъ выгодъ. Но въ силу стратегическихъ соображеній велѣно было окопаться именно здѣсь. Полковой командиръ получилъ приказаніе не только удерживать позицію цѣною какихъ-угодно потерь, но и самому, въ концѣ-концовъ, перейти въ наступленіе и овладѣть буграми, что раскинулись ломаной линіей по горизонту впереди, верстахъ въ двухъ. Наблюдаемые простымъ глазомъ бугры эти производили самое невинное впечатлѣніе. Бугры, какъ бугры. Но съ помощью цейссовскаго бинокля можно было разглядѣть то прямыя,

то зигзагообразныя линіи германскихъ траншей. И видна была аккуратная нѣмецкая работа. Хоть по линейкѣ провѣряй: такъ все математически точно. Иногда, опять-таки если смотрѣть въ бинокль, показывалась надъ окопами голова въ каскѣ и тотчасъ же пряталась.

Чѣмъ чортъ не шутитъ, надо беречься. Шальныхъ пуль мало ли: свистятъ по всѣмъ направленіямъ.

Погода испортилась. Съ утра шелъ дождь и мутной сѣткой заволакивалъ дали. Въ нашихъ окопахъ было какое-то грязное глинистое тѣсто. Утомленные, промокшіе до нитки солдаты лежали хмурые, озлобленные. Это хорошо въ виду предстоящей атаки. Чѣмъ солдатъ озлобленнѣй, тѣмъ пуще онъ свирѣпѣетъ, и тогда уже самъ дьяволъ ему не братъ: онъ лѣзетъ на проломъ и творитъ чудеса.

— Ну, что, братцы? — спрашивали нижнихъ чиновъ офицеры въ такихъ же, какъ и они, солдатскихъ шинеляхъ.

— Ничего, ваше благородіе. Мокро вотъ... обсушиться бы.

— Бой будетъ горячій, живо обсушитесь!..

Словно въ доказательство, что бой дѣйствительно будетъ горячій, шагахъ въ пятистахъ, надъ окопами, съ тягучимъ и противнымъ металлическимъ визгомъ, разорвалась

шрапнель. Ея облачко въ хорошую солнечную погоду могло бъ показаться красивымъ. А теперь это были какіе-то безпорядочные клочки грязной, расползающейся во всѣ стороны ваты.

Новое облачко, третье, четвертое.

— Недолетъ!—резонно отмѣчалъ костромичъ, перетиравшій и нюхавшій колосья пшеницы.

Нѣмцы нащупывали нашу пѣхоту. Немного погодя, снаряды стали разрываться уже позади окоповъ. Наша артиллерія, стоявшая въ тылу пѣхотныхъ линій, отвѣчала. И теперь уже наши разрывы тучками рѣяли въ воздухѣ надъ буграми окопавшихся нѣмцевъ.

За артиллерійскимъ начался поединокъ пѣхоты. Мы обстрѣливали бугры, бугры обстрѣливали насъ. Серьезныхъ потерь наши еще не имѣли. У одного солдата пробило пулею фуражку и содрало съ головы кусокъ кожи. Хозяйственный костромичъ былъ легко раненъ въ лѣвую руку. Еще у кого-то пуля застряла въ плечѣ. И только одинъ солдатъ, смертельно раненый въ лобъ, вмѣстѣ со своей винтовкой упалъ, откинувшись на сырое глинистое дно траншеи. Все чаще и чаще свистятъ пули. Солдаты, видя кровь товарищей, начинаютъ звѣрѣть. Здѣсь и страхъ за себя, и злоба противъ „тѣхъ“ въ остроконечныхъ каскахъ, что засѣли тамъ въ буграхъ и по-

сылаютъ сюда увѣчье и смерть. Кажется, весь воздухъ насыщенъ сухой несмолкаемой ружейной трескотней. Тысячи, десятки тысячъ выстрѣловъ, каждый самъ по себѣ не страшные и не громкіе, сливаясь вмѣстѣ, вырастаютъ въ нѣчто внушительное, грозное, стихійное. И ухающими протяжными басовыми нотами врываются въ этотъ трескающійся шумъ выстрѣлы орудій.

Цвиркунъ работаетъ безостановочно, едва поспѣвая вставлять и выбрасывать обоймы. Мокрый отъ дождя стволъ его винтовки обжигающе горячъ. Цвиркунъ стрѣляетъ съ обезумѣвшими глазами. Зубы стиснуты. Страха нѣтъ и въ поминѣ. Улетучился, сгинулъ въ въ этомъ огнѣ, свистѣ и грохотѣ. Однимъ желаніемъ полонъ Цвиркунъ: отомстить нѣмцамъ, за все отомстить! И за костромича, къ которому онъ успѣлъ привязаться, и за самого себя, Цвиркуна, которому мокро, холодно и который со вчерашняго дня маковой росинки не имѣлъ во рту, и за кованыя телѣги, желѣзныя крыши и высокіе заборы нѣмецкихъ колоній. За все разомъ!..

6.

Приказано было наступать.

Солдаты, покинувъ траншеи, бросились впередъ къ буграмъ. Офицеры перекидывали

ихъ по частямъ. Бѣгутъ, бѣгутъ и всѣ ложатся на землю. Залпъ. Вскакиваютъ, перепачканные грязью, и... дальше. Опять падаютъ. Опять залпъ. Нѣкоторые остаются лежать, кто раненый, кто убитый. Уцѣлѣвшіе счастливцы бѣгутъ дальше, устилая кровавый путь свой товарищами.

Бугры сплошь дымятся ружейнымъ огнемъ. И чѣмъ ближе атакующій непріятель въ сѣрыхъ шинеляхъ, тѣмъ отчаяннѣе обстрѣливаютъ его нѣмцы. Вотъ уже передняя часть русскихъ въ трехстахъ шагахъ отъ первыхъ германскихъ траншей. Уже смолкаетъ огонь, и обѣ стороны готовятся къ штыковому бою.

Правильный академическій штыковой бой оставался и навсегда останется лишь въ четырехъ стѣнахъ фахтовальнаго зала. На полѣ же, которое называется полемъ брани, осатанѣвшіе, охваченные временнымъ помѣшательствомъ солдаты дерутся, какъ попало и чѣмъ попало, смотря по вдохновенію, ибо въ такомъ кошмарномъ и кровавомъ дѣлѣ, какъ рукопашный бой, тоже бываетъ своеобразное вдохновеніе.

Такъ и здѣсь.

Свои и чужіе скучились въ какое-то невообразимое человѣческое мѣсиво. Били другъ друга прикладами, кулаками, схватывались въ объятія, падали вмѣстѣ, тѣсно пе-

реплетенные, и вставалъ тотъ, кто успѣлъ задушить врага.

Цвиркунъ вошелъ въ ражъ и медвѣдемъ лѣзъ на проломъ въ этой сумятицѣ, выискивая себѣ жертву. Онъ не помнилъ даже, что уронилъ свою винтовку, и перъ, какъ говорится, съ голыми руками. Ага, вотъ! Онъ увидѣлъ близко солдата съ бритымъ лицомъ и оскаленными зубами, крупными и длинными, какъ клавиши. Увидѣлъ револьверъ, не соображая сгоряча даже, что тонкое граненое дуло парабеллума уставилось прямо на него. Это дуло зардѣлось вдругъ струйкою пламени и что-то обжигающее жаромъ пахнуло Цвиркуну въ лицо. И вслѣдъ за этимъ Цвиркунъ размахнулся и увѣсистымъ кулакомъ своимъ со всего размаху, по мужицки, хватилъ бритаго солдата по назойливо торчащимъ зубамъ. Нѣмецъ вскрикнулъ, и выпустивъ револьверъ, обѣими руками схватился за свой окровавленный ротъ. Цвиркунъ, не давая ему опомниться, весь полный тупой и животной злобы, осыпалъ его новыми ударами, сбилъ съ головы каску, подставилъ подъ глазомъ синякъ, что-то такое еще хотѣлъ съ нимъ сдѣлать, что—и самъ не зналъ. Высокій худой нѣмецъ даже не пробовалъ защищаться да и не могъ, весь жестоко избитый маленькимъ приземистымъ широколицымъ, оспой изрытымъ сол-

датомъ. Цвиркунъ сгребъ свою жертву за шиворотъ и поволокъ.

Бугры остались за нами.

Пруссаковъ отсюда выбили. Часть ихъ бѣжала, часть осталась въ окопахъ, чтобы никогда больше не подниматься. Трупы нѣмцевъ и русскихъ лежали тамъ и сямъ вперемежку, а иногда и совсѣмъ близко, обхвативши другъ-друга въ предсмертномъ объятіи, какъ братья. Появились изъ тыла санитары съ носилками. Сестры милосердія своимъ и чужимъ раненымъ оказывали первую помощь. Вотъ дышитъ, дышитъ тяжело, со свистомъ, громадный, запрокинувшійся навзничь нѣмецъ-пруссакъ, съ глубоко, до самыхъ лопатокъ проколотой грудью. Надъ нимъ заботливо наклоняется тоненькая, съ дѣтскимъ личикомъ сестра, въ коричневомъ, промокшемъ насквозь жакетѣ и съ крестомъ на рукавѣ. Нѣмецъ что-то мычитъ, а его перепачканная кровью рука силится что-то нащупать возлѣ себя. Ужъ не револьверъ ли? Чтобъ самого себя прикончить, либо выпустить пулю въ сестру милосердія? Внушалъ же командный составъ германцевъ своимъ солдатамъ:

— Сохрани васъ Богъ очутиться въ русскомъ плѣну. Эти дикари подвергаютъ плѣнныхъ пыткамъ, морятъ ихъ жаждой и голодомъ!..

Эти небылицы распространились въ германскихъ войскахъ, конечно, съ единственною цѣлью, чтобы солдаты, напуганные страшными перспективами русскаго плѣна, мужественно и стойко дрались до послѣдней капли крови, не отдаваясь въ плѣнъ.

— Испить бы водицы... ой, печетъ... огнемъ печетъ, водицы бы, Христа ради,—слышится стонъ мрачнаго хозяйственнаго костромича. Бѣдняга получилъ штыковую рану въ животъ и мечется весь въ жару, быстро охватившемъ его. Раненый еще въ окопѣ, онъ остался въ строю, пошелъ въ атаку, закололъ двухъ нѣмцевъ и вотъ самъ свалился.

— Испить бы водицы. Ой, смерть подходитъ, братцы...

Худенькая, въ коричневомъ жакетѣ сестра милосердія, отвинтивъ крышку висѣвшей у нея черезъ плечо фляги, даетъ костромичу пить.

— Спасибо, родная,—шепчетъ онъ запекшимися губами.—Ничего бы... а только нутро все горитъ...

Къ нему подходятъ два санитара съ носилками.

Взято въ плѣнъ было человѣкъ восемьдесятъ. Едва ли не первая партія плѣнныхъ германцевъ. И поэтому интересъ, проявленный къ ней, былъ особенно повышенный.

Впечатлѣніе новизны создавало какую-то

праздничность. Нѣмцы, тѣ самые нѣмцы, которые такъ высокомѣрно и хвастливо держали себя, крича на весь міръ о своей непобѣдимости... И вотъ мы однихъ беремъ въ плѣнъ, остальныхъ гонимъ, а третьи легли между тѣми и другими. Ни каски съ „громоотводами", ни спесиво подкрученные усы, ни механическая дисциплина и муштра, — ничто не спасло ихъ.

А тутъ еще прошелъ слухъ, что по сосѣдству на фронтѣ въ происходившихъ одновременно бояхъ, взято еще много плѣнныхъ.

Изъ штаба дивизіи прискакалъ офицеръ-кавалеристъ съ требованіемъ возможно скорѣе доставить генералу всѣхъ плѣнныхъ. Штабъ находился верстахъ въ семи. Вести плѣнныхъ походнымъ порядкомъ займетъ два часа времени. Поэтому для скорости было рѣшено доставить ихъ на обозныхъ телѣгахъ. Пошла нагрузка. По десяти человѣкъ на телѣгу. И вмѣстѣ съ нагрузкой началось что-то необъяснимое, смѣшавшее все понятія о военномъ чинопочитаніи и субординаціи.

Среди плѣнныхъ было три офицера, — капитанъ, пожилой, съ брюшкомъ, и два лейтенанта. И вотъ русскіе диву даются, глядючи, какъ всѣ трое тянутся и обалдѣваютъ передъ высокимъ, бритымъ унтеръ-офицеромъ, котораго не отпускаетъ отъ себя ни

на шагъ рядовой Цвиркунъ, считающій бѣлобрысаго нѣмца своей законной добычей.

Бѣлобрысый унтеръ-офицеръ приведенъ былъ Цвиркуномъ въ весьма плачевномъ состояніи. Губы распухли, одинъ изъ переднихъ зубовъ выбитъ, и подъ глазомъ свѣтился фонарь, изъ синяго успѣвшій сдѣлаться фіолетовымъ. Напомаженные волосы липкими прядями торчали во всѣ стороны, а по сохранившейся кое-гдѣ дорожкѣ пробора угадывалось, что расчесаны они были самымъ тщательнымъ образомъ.

И если сопоставить, что съ одной стороны унтеръ-офицеръ былъ слишкомъ нѣженъ, хрупокъ и щеголеватъ, а съ другой—тянулись передъ нимъ въ струнку и оба лейтенанта, и капитанъ,—получалось нѣчто загадочное. И, какъ на бѣду, плѣнные офицеры проявляли по отношенію къ этому солдату не только искательность и вниманіе, но и самое грубое подобострастіе.

И напрасно кусалъ онъ съ досады свои распухшія, посинѣвшія губы и „сигнализировалъ" офицерамъ своими бѣлыми на выкатѣ и безъ рѣсницъ глазами.

Вся эта комедія не ускользнула отъ ротнаго. Громадный, атлетическаго сложенія капитанъ, рыжеусый, въ темныхъ очкахъ и въ солдатской шинели безъ пуговицъ, подошелъ

къ таинственному унтеръ-офицеру и спросилъ по-нѣмецки:

— Кто вы такой?

Бѣлобрысый нѣмецъ надменно мотнулъ головой и, пожавъ плечами, отвѣчалъ:

— Я солдатъ, простой солдатъ Гансъ Шмидтъ, чего же вамъ болѣе?..

Усы капитана дрогнули въ усмѣшкѣ. Онъ обратился къ солдатамъ.

— Братцы, этого гуся берегите пуще глазъ. Шесть человѣкъ съ винтовками съ нимъ на одну телѣгу. Кстати, кто его „плѣнилъ"?

— Я, ваше высокоблагородіе! — метнулся къ ротному Цвиркунъ. И однимъ глазомъ „ѣстъ" начальство, другого не спускаетъ съ нѣмца: еще удеретъ, чего добраго.

Улыбка расползлась по широкому лицу капитана. Ужъ очень неказистъ былъ этотъ оспою изрытый солдатикъ.

— Какъ же ты его взялъ?

— А такъ, ваше высокоблагородіе. Ёнъ хотѣвъ въ мене съ ловорвера стрѣлить, а я его по зубамъ, по зубамъ. Наложилъ по первое число! Ну, и въ смиреніе привелъ. Такъ и взялъ...

— По зубамъ!.. Ахъ, ты, дурья голова, — смѣялся капитанъ.

Когда телѣги съ плѣнными тронулись въ

штабъ дивизіи, капитанъ еще разъ въ напутствіе крикнулъ:

— Ребята, беречь мнѣ этого длиннаго, какъ собственный глазъ!

Капитанъ поманилъ къ себѣ юнаго румянаго подпоручика Селиванова.

— Вотъ что, милый, поѣзжайте въ штабъ. Возьмите мою лошадь. Необходимо предупредить генерала объ этой загадочной птицѣ. Онъ такой же унтеръ-офицеръ, какъ и мы съ вами. Видѣли, какой аршинъ глотали въ его присутствіи настоящіе офицеры? И хотя у этихъ нѣмцевъ разныхъ тамъ принцевъ да герцоговъ, какъ собакъ нерѣзанныхъ, а все же заполучить въ самомъ началѣ войны въ плѣнъ одного изъ этихъ господъ — что ни говорите, пріятно.

7.

Подпоручикъ Селивановъ верхомъ обогналъ вереницу телѣгъ, на полчаса раньше прибылъ въ штабъ и отрапортовалъ дивизіонному, что среди плѣнниковъ, что сейчасъ прибудутъ, имѣется таинственный унтеръ-офицеръ, къ которому прусскій капитанъ относится, какъ къ высочайшей особѣ. Штабъ дивизіи помѣщался въ нѣмецкой деревнѣ, если только можно было называть деревней чистенькій освѣщаемый электричествомъ го-

родокъ, весь въ каменныхъ домахъ и съ мощенными улицами, среди которыхъ одна была даже асфальтовая.

Дождь пересталъ, прояснялись небеса.

Вотъ и плѣнные. Генералъ, высокій и стройный, съ поручичьей фигурой, вышелъ изъ дому взглянуть на подозрительнаго унтеръ-офицера.

Генералъ, бывшій гвардеецъ и свѣтскій человѣкъ, опытнымъ глазомъ, съ перваго же впечатлѣнія опредѣлилъ какую-то печать особенной вырожденческой породы въ этомъ бѣлесомъ унтеръ-офицерѣ, съ такъ хорошо пригнанной формой изъ тонкаго сукна и въ сапогахъ, обошедшихся по крайней мѣрѣ въ сто марокъ. Желая сразу „поймать" плѣнника, генералъ спросилъ нарочно по-французски:

— Кто вы такой?

Унтеръ-офицеръ пошелъ на эту удочку и на порядочномъ французскомъ языкѣ отвѣтилъ:

— Я простой солдатъ Гансъ Шмидтъ!..

Генералъ подозвалъ къ себѣ плѣнныхъ офицеровъ.

— Кто онъ такой?—спросилъ дивизіонный капитана, державшаго руку у своей еще съ мокрымъ чехломъ каски.

Унтеръ-офицеръ отчаянно „телеграфиро-

валъ“ глазами, и капитанъ мямлилъ какую-то чушь.

Дивизіонный оборвалъ его, махнулъ рукою:

— Все это хорошо въ опереткѣ, но здѣсь не оперетка, а война,—обратился съ досадой генералъ къ адъютанту.

Ему пришла какая-то мысль, и онъ коротко велѣлъ:

— Обыскать!

Таинственный унтеръ-офицеръ вздумалъ было противиться, но два-три добрыхъ тумака привели его въ христіанскую вѣру. Ревниво обыскивалъ свою законную добычу Петро Цвиркунъ, не давая этого дѣлать другимъ солдатамъ. Изъ внутренняго кармана мундира онъ вытащилъ дорогой крокодиловой кожи бумажникъ, весь въ золотыхъ монограммахъ. Генералъ, качая головой, вертѣлъ бумажникъ, вынулъ оттуда нѣсколько визитныхъ карточекъ. А вслѣдъ за этимъ уже адъютантъ протягивалъ ему перехваченный у Цвиркуна изящный плоскій, золотой портсигаръ съ брильянтовой герцогской короной.

И бумажникъ, и портсигаръ были тотчасъ же возвращены унтеръ-офицеру. А генералъ, повеселѣвшій и радостный, молвилъ адъютанту:

— Эта бѣлобрысая жердь—герцогъ Ашен-

брунерскій. Такой плѣнникъ для начала—конфетка!..

И мѣняя улыбающееся лицо на строгое, начальническое, генералъ обратился къ солдатамъ:

— Кто взялъ его въ плѣнъ?

— Такъ что я, ваше превосходительство...

Генералъ съ необидной, отражавшей скорѣй любопытство улыбкой, смѣрилъ неказистую фигуру Цвиркуна.

— Какъ же ты его взялъ?

— А такъ, ваше превосходительство, ёнъ хотѣвъ въ мене съ леворвера стрѣлить, а я его по зубамъ, по зубамъ, наложилъ по первое число, ну и въ смиреніе привелъ. Такъ и взялъ...

— Молодецъ, поздравляю съ Георгіемъ! Графъ, дайте ему двадцать пять рублей,—обратился дивизіонный къ адъютанту и продолжалъ по-французски:—Вотъ нашъ типичный солдатъ, невзрачный, непоказной, тихо и скромно дѣлающій большія дѣла. Этотъ шутъ гороховый съ выпученными глазами какъ-никакъ — коронованная особа. А онъ ему набилъ морду, сгребъ за шиворотъ и приволокъ. Просто!..

Герцога отправили сначала въ Петроградъ, а потомъ вглубь Россіи. Отправили съ почетомъ, въ отдѣльномъ купэ. Бѣдный герцогъ! Такъ безпощадно разбились всѣ

его гордыя завоевательныя мечтанія. Торжественное вступленіе въ Варшаву, путь, весь усыпанный розами, улыбки очаровательныхъ полекъ!

Гдѣ всѣ эти тріумфы?

Стоило получать колѣнопреклоненному отъ герцогини-матери благословеніе въ залѣ съ фамильными портретами великихъ предковъ, стоило говорить такія огненныя рѣчи въ штабѣ корпуса, чтобы въ концѣ-концовъ какой-то шаршавый и немытый русскій солдатъ совсѣмъ уже не по-рыцарски расцвѣтилъ благородную герцогскую физіономію фонарями?.. Всему виною этотъ глупѣйшій маскарадъ...

Бѣдный герцогъ...

А Цвиркунъ?

Грудь Цвиркуна украсилась георгіевскимъ крестомъ, и онъ подвигается все дальше и дальше вмѣстѣ со своимъ полкомъ вглубь непріятельской земли. Въ письмѣ на родину Цвиркунъ тяжелыми, испарину вызывавшими у него каракулями, описалъ свой подвигъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ онъ докладывалъ ротному и дивизіонному. И къ письму были приложены деньги — двадцать пять рублей.

„У мяне здѣся на войнѣ усе есть... А табе, Лукія, на хозяйствѣ сгодица“, — закан-

чивалъ Цвиркунъ свое посланіе въ далекіе бѣлорусскіе Паричи.

Гдѣ ты сейчасъ, Петро Цвиркунъ?.. Живъ-ли?..

Баронъ Раубенбергъ.

I.

Панъ Тадеушъ былъ великолѣпный, отлично сохранившійся обломокъ польской старины.

И если добавить, что панъ Тадеушъ въ свои семьдесятъ шесть лѣтъ крѣпокъ и строенъ, подолгу ѣздитъ верхомъ и не какъ-нибудь, а гоняетъ лисицъ и зайцевъ въ чистомъ полѣ, беря на бѣшеномъ карьерѣ плетни и рытвины, если добавить, что подъстать всей его гордой осанкѣ и рѣзкій профиль—такихъ польскихъ профилей все меньше и меньше — если сказать еще про его длинные сѣдые усы, — вы сами увидите, что представляетъ собою панъ Тадеушъ Заблоцкій, помѣщикъ Добжіалова.

Онъ гордился своимъ родомъ, и часто можно было слышать:

— Я естемъ родовиты шляхцицъ гербу Лада!..

Случалось, что—кто-нибудь, желая подольститься къ пану Тадеушу, говорилъ:

— Какъ это странно, пане Заблоцкій, что у васъ нѣтъ графскаго титула?..

Панъ Тадеушъ, презрительно улыбаясь, крутилъ свой пышный сѣдой усъ, и собесѣдникъ испытывалъ неловкость подъ его сожалительнымъ взглядомъ.

— Что такое графскій титулъ? Какое глупство! Титулъ нуженъ выскочкамъ. А мы— Заблоцкіе! Этимъ все сказано. Мы, дорогой мой, семьсотъ пятьдесятъ лѣтъ Заблоцкіе!..

И вотъ дохнула ранняя осень. Тревожная осень. И какъ-то зловѣще рдѣла листва рябины въ панскомъ саду.

Война... Уже льется съ обѣихъ сторонъ кровь, уже русскіе заняли часть Пруссіи, уже нѣмцы вошли въ Царство Польское. Окрестные помѣщики со своими семьями бѣжали въ Варшаву. Совѣтовали бѣжать и пану Тадеушу. Но панъ Тадеушъ не хотѣлъ — изъ упрямства.

— Что они посмѣютъ сдѣлать мнѣ, эти драни? Мой предокъ Болеславъ Заблоцкій знатно билъ ихъ подъ Грюнвальдомъ. А Казиміръ Заблоцкій вмѣстѣ съ великимъ Собѣсскимъ спасалъ ихъ подъ Вѣной отъ нашествія турокъ... Вотъ Фелюню я отошлю. Пусть ѣдетъ къ своей теткѣ въ Варшаву.

Панна Фелюня, синеглазая внучка пана Тадеуша, недавняя воспитанница одного изъ монастырей подъ Краковомъ, сирота, жила у

дѣда. Все свое имущество записалъ панъ Тадеушъ на ея имя. Фелюня рѣшила остаться вмѣстѣ съ дѣдомъ.

— Я не брошу васъ! Ни за что!..

— Глупая. Уѣзжай лучше, пока есть время...

— Ни за что я не покину васъ, мой дорогой дѣдуню!..

Панъ Тадеушъ зналъ—внучку ему не переспорить. Своенравный, суровый и гордый, онъ любилъ Фелюню, какъ никогда никого не любилъ въ жизни. Фелюня тронула его своей привязанностью.

— Что-жъ, останемся вмѣстѣ... Пусть приходятъ.

И вотъ они пришли. И такъ какъ ждали ихъ съ минуты на минуту, то ихъ появленіе было совсѣмъ неожиданнымъ.

Фелюня стройная, гибкая, въ черной амазонкѣ, собиралась кататься верхомъ.

На крыльцѣ стоялъ въ сѣрой бекешѣ панъ Тадеушъ. Оттуда, сверху ему далеко видны были и дворъ, полого спускавшійся къ деревнѣ, и глинистые бугры за околицей, и дорога къ лѣсу. Зоркимъ глазомъ охотника панъ Тадеушъ различилъ небольшой конный отрядъ, полевымъ галопомъ приближавшійся къ усадьбѣ. И онъ узналъ не-русскую форму и не-русское снаряженіе всадниковъ, съ притороченнымъ къ сѣдлу карабиномъ. Узналъ,

хотя до послѣдней минуты убѣждалъ себя, что это „свои“. А самъ озабоченно молвилъ Фелюнѣ:

— Фелюня, ступай въ домъ и сиди въ своей комнатѣ...

Самъ панъ Тадеушъ остался на крыльцѣ.

2.

Отрядъ прусскихъ драгунъ въ лакированныхъ каскахъ и синихъ мундирахъ во главѣ съ двумя офицерами влетѣлъ во дворъ. Офицеры подъѣхали къ старому Заблоцкому, отдавъ ему честь.

Панъ Тадеушъ и бровью не повелъ. Словно не тридцать вражьихъ кавалеристовъ передъ нимъ, а пустое пространство. Офицеровъ сначала смутило это великолѣпное пренебреженіе. Бросивъ поводья спѣшившимся солдатамъ, они сами спѣшились и, гремя по деревяннымъ ступенькамъ длинными палашами въ металлическихъ ножнахъ, поднялись на крыльцо къ пану Тадеушу.

И оба на чистомъ польскомъ языкѣ представились. Смуглый, съ желтымъ въ рябинахъ лицомъ, непохожій на германца, — оказался ротмистромъ барономъ Раубенбергомъ. Молодой, бѣлобрысый, типичный пруссакъ — лейтенантомъ фонъ-Лоде.

И не успѣли они назвать себя, старикъ отвѣтилъ:

— Вашими именами я не интересуюсь... Я васъ не звалъ.

— Сударь, ваше поведеніе, заносчивое и дерзкое, не нравится намъ!—вспыхнулъ Раубенбергъ, топнувъ ногою и стукнувъ палашемъ.

— Я здѣсь хозяинъ. И вправѣ встрѣчать незванныхъ гостей, какъ мнѣ вздумается, — спокойно возразилъ панъ Тадеушъ, и такъ высоко поднялъ свою горбоносую, усатую голову—нельзя было выше.

— Здѣсь нѣтъ хозяевъ. Здѣсь побѣдители и побѣжденные. Вы должны намъ сказать, нѣтъ ли поблизости русскихъ, и отдать всѣ запасы провіанта, овса и сѣна.

— Ничего я никому не долженъ и ни съ кѣмъ изъ васъ говорить не хочу. А запасы— ищите сами! Къ сожалѣнію, васъ такъ много, что я съ моими слугами не въ силахъ васъ выгнать.

И Заблоцкій, круто повернувшись, скрылся въ домѣ.

— Этотъ дерзкій старикъ поплатится! — молвилъ баронъ лейтенанту.—Грубая польская свинья!..

— Натурально,—отвѣтилъ фонъ-Лоде, съ подобострастной улыбкой на румяномъ, бѣлобрысомъ лицѣ.

„Завоеватели" во всю распоясались. Ломали замки амбаровъ, конюшенъ, погребовъ. Драгуны выводили помѣщичьихъ лошадей, гоняли ихъ на кордѣ, а офицеры съ видомъ знатоковъ любовались.

Особенно пощипали гости винный погребъ. И старый медъ и старое венгерское въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ бутылокъ отправлены были на подводѣ какъ трофеи въ штабъ каваллерійской дивизіи. Да и сами ротмистръ съ лейтенантомъ не клали охулки на руку. Они сумѣли оцѣнить по достоинству и жидкое маслянистое золото, какъ духи, ароматнаго венгерскаго, и крѣпкій темный, способный быка свалить съ ногъ, медъ.

И вотъ, когда оба за ужиномъ были въ достаточной степени уже пьяны. Раубенбергу пришла фантазія потребовать въ столовую гордаго хозяина, чтобы посбить съ него спѣси... Баронъ изъ замшеваго чехольчика вынулъ туалетныя ножницы...

— А знаете, мой дорогой лейтенантъ, что я придумалъ? Эти заносчивые поляки гордятся своими усами... Вотъ я и обрѣжу одинъ усъ хозяину.

Всегда розовый, а теперь—багровый отъ вина, фонъ-Лоде захохоталъ.

— Это—колоссально, господинъ баронъ! Это — превосходно! Именно, отрѣзать ему одинъ усъ...

Ротмистръ крикнулъ дежурившаго въ передней унтеръ-офицера.

— Лютцевъ, чтобъ черезъ двѣ минуты хозяинъ дома былъ здѣсь. Тащите его... Возьмите нѣсколько людей. А будетъ упираться...

Но, когда распахнулись двери увѣшаннаго стариннымъ оружіемъ и оленьими рогами кабинета, и панъ Тадеушъ увидѣлъ нѣсколькихъ солдатъ въ каскахъ съ карабинами и палашами, онъ не противился. Зачѣмъ? Чтобы грубыя хамскія руки этихъ варваровъ хватали его, волокли черезъ весь домъ. Зачѣмъ? Онъ самъ пойдетъ...

Онъ двинулся прямо на солдатъ, какъ если-бъ никого не было и они разступились... Онъ шелъ впереди, высокій, прямой, величественный. И когда шелъ черезъ гостиную, глядѣли на него со стѣнъ суровые, потемнѣвшіе портреты Заблоцкихъ, воеводъ, панцырныхъ полковниковъ и подстаростъ,—онъ еле удержался отъ слезъ. Если-бъ они знали? Если-бъ они только знали, какая горькая, обидная чаша униженія выпала на долю потомка ихъ, Тадеуша Заблоцкаго.

3.

Подъ горящей лампою въ обществѣ нѣсколькихъ пустыхъ бутылокъ сидѣли рот-

мистръ и лейтенантъ. Вошелъ панъ Тадеушъ. И, какъ плѣнника, окружили его четыре солдата съ обнаженными палашами.

— Трудно увидѣть васъ, дорогой хозяинъ, — съ усмѣшкой началъ баронъ, вы презираете наше общество. Необходимо снаряжать за вами цѣлое посольство.

— Да, я презираю васъ, — отвѣтилъ съ достоинствомъ панъ Тадеушъ. — Презираю, потому, что вы—не воины, не рыцари, а разбойники и грабители...

Восемь рукъ, — палаши по командѣ очутились въ ножнахъ,—схватили пана Тадеуша со всѣхъ сторонъ. Слегка пошатываясь, Раубенбергъ, въ растегнутомъ сюртукѣ и въ бѣломъ, закапанномъ венгерскомъ жилетѣ, подошелъ съ ножницами вплотную къ старику.

— Вотъ я сейчасъ буду имѣть честь обрѣзать вашъ магнатскій усъ. Посмотримъ, какъ вы будете выглядѣть.

И панъ Тадеушъ увидѣлъ близко, до страшнаго близко и сверкнувшія ножницы, и полупьяное, тупо-торжествующее, смуглое въ рябинахъ лицо. И горячая кровь бросилась въ голову старику.

Какъ съ плечъ долой—семьдесятъ шесть лѣтъ. И вмигъ ощутилъ себя панъ Тадеушъ молодымъ, когда славился силой на всю губернію, крутилъ изъ шомпаловъ мудреные

вензеля хорошенькихъ паненокъ и кидалъ черезъ конюшню пудовую гирю. Бѣшенымъ движеніемъ вырвался онъ изъ рукъ четырехъ солдатъ и такъ хватилъ барона по лицу, что тотъ еле на ногахъ удержался.

— Вотъ тебѣ, швабское быдло!

Пана Тадеуша тотчасъ же вновь схватили.

Раубенбергъ съ горящей на лицѣ пятерней, криво улыбаясь, вынималъ изъ кармана рейтузъ небольшой, вороненый маузеръ...

Панна Фелюня услышала у себя выстрѣлъ. Притихла, помертвѣла вся, потомъ забилась, заметалась въ тревогѣ, словно ее самое подстрѣлили, Фелюню. И хотѣлось бѣжать туда, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, не случилось-ли съ дѣдомъ какого-нибудь несчастья. „Какого-нибудь“, — этимъ она утѣшала себя, потому что выстрѣлъ...

Чьи-то тяжелые шаги. Кто-то бѣжитъ, запыхался у двери, стучитъ.

Фелюня вся сжалась въ холодный комочекъ.

— Пусть паненка откроетъ и не боится.

Въ полумракѣ силуэтъ драгуна. Фелюня отпрянула.

— Не бойтесь меня! Я полякъ! Мой добрый совѣтъ — пусть паненка бѣжитъ, бѣжитъ сію же минуту! Пьяные нѣмцы будутъ искать васъ по всему дому.

— А панъ Тадеушъ?

— Не спрашивайте... Ему нельзя помочь... Онъ убитъ... барономъ...

Все поплыло, закружилось передъ Фелюней, темное-темное...

— Паненка... Дорога каждая минута, и я ухожу, меня могутъ хватиться... Бѣгите!.. Въ окно, черезъ садъ и на дорогу... Тамъ нѣтъ патрулей. Бѣгите до ближайшей деревни. Васъ укроютъ, вы получите подводу...

Драгунъ исчезъ и Фелюнѣ почудилось, что это былъ призракъ.

4.

Шумитъ, сверкаетъ, горитъ подъ весеннимъ солнцемъ Варшава. На улицахъ и въ широкихъ аллеяхъ — полнымъ-полно. Дамы, военные, штатскіе. Мчатся по всѣмъ направленіямъ автомобили, гудя и завывая своими сиренами. Идутъ походнымъ порядкомъ сѣрыя коллоны, съ грохотомъ движется артиллерія, и слышно благоуханіе каштановъ, уже зеленѣющихъ первымъ пухомъ, а черезъ мѣсяцъ они будутъ въ бѣлыхъ, подвѣнечныхъ цвѣтахъ.

Въ кафэ на углу Іерусалимской аллеи „подъ красными зонтиками“,—нѣтъ свободнаго столика. Шумно, весело, оживленно.

Фелюня сидѣла со своимъ кузеномъ Счен-

сновичемъ. Августъ Сченсновичъ—красивый артиллерійскій подпоручикъ съ Георгіемъ на солдатской шинели. Онъ былъ раненъ, лежалъ въ госпиталѣ въ Уяздовскихъ аллеяхъ и вотъ опять молодецъ, хоть куда, и со дня на день вернется на позиціи.

Его мать, приходившаяся Фелюнѣ теткой, пріютила осиротѣвшую дѣвушку. Послѣ всѣхъ ужасовъ бѣгства, послѣ трагической смерти дѣда, самаго близкаго ей человѣка,—Фелюня долго не могла оправиться. Но, въ концѣ-концовъ, молодость взяла свое, горе понемногу тускнѣло, теряя остроту. Фелюня ухаживала за ранеными, и это благодаря ея неусыпному вниманію поправился такъ скоро кузенъ Августъ. И когда незамѣтно для самихъ себя они поняли, что уже любятъ другъ друга, они рѣшили, что по окончаніи войны пани Сченсновичъ благословитъ ихъ.

И счастливые, полные влюбленности, расцвѣченной этой сверкающей теплой весною, смотрѣли они глаза въ глаза, радостные, гордые своимъ счастьемъ.

Бросивъ случайный взглядъ въ гудѣвшую, какъ море, кругомъ человѣческую гущу, Фелюня вдругъ остолбенѣла вся на полусловѣ съ раскрытымъ ротикомъ...

— Что съ тобою, моя дорогая?..

Она сжала его руку.

— Милый, я дрожу вся... Смотри... Видишь,

вонъ тотъ офицеръ съ такимъ темнымъ рябымъ лицомъ.

— Вижу, ну такъ что же? Обыкновенный офицеръ. Капитанъ въ общеармейской формѣ.

Капитанъ сидѣлъ черезъ два столика вмѣстѣ съ упитаннымъ щеголеватымъ штатскимъ.

— Это онъ... Тотъ самый Раубенбергъ, который застрѣлилъ дѣда... Шептала Фелюня — Онъ!.. Я готова дать на отсѣченіе голову...

— Не можетъ быть, тебѣ показалось.

— Клянусь!.. Это же самое лицо. Такого не можетъ быть сходства. Переодѣтый русскимъ офицеромъ, онъ явился въ Варшаву, какъ шпіонъ. Августъ, ради Бога, сію же минуту арестуй его.

— А вдругъ ошибка, Фелюня! Ты понимаешь, какія непріятности могутъ выйти.

— Онъ, это—онъ. Я тебѣ говорю—онъ!— Съ какой то незыблемой вѣрой твердила Фелюня.—Смотри, они уже расплачиваются... Они сейчасъ уйдутъ. Ради Бога, скорѣе!

Сченсновичъ рѣшился. Нельзя терять ни одного мгновенія. Капитанъ уйдетъ, исчезнетъ. И если онъ дѣйствительно шпіонъ... Но если Фелюня ошиблась, и это не германскій драгунъ, а свой офицеръ, такъ разительно съ нимъ схожій,—одно остается: Самое глубокое извиненіе.

Сченсновичъ все еще колеблется...

— Августъ!—молитъ его Фелюня.

Уже кельнеръ принесъ сдачу рябому капитану, уже военный и штатскій подниимаются.

Необходимо дѣйствовать ва-банкъ! Сченсновичъ, вставая, рѣшительно идетъ прямо на капитана, и бросаетъ ему въ лицо:

— Ротмистръ баронъ Раубенбергъ. Вы обвиняетесь въ шпіонствѣ...

На мгновеніе рябой капитанъ смѣшался, но потомъ довольно чисто отвѣтилъ порусски:

— Какъ вы смѣете оскорблять меня? Старшаго въ чинѣ?..

Въ воздухѣ повѣяло скандаломъ. Публика повскакала съ мѣстъ, стараясь протиснуться поближе. Штатскій, спутникъ рябого капитана, пользуясь суматохой, исчезъ.

— Неужели я влопался? — мелькнуло у Сченсновича.—Не можетъ быть, это просто наглецъ.

И онъ громко потребовалъ:

— Назовите вашу фамилію, гдѣ и въ какой части вы служите? И кто удостовѣрилъ бы вашу личность?

У рябого капитана ходуномъ заходили губы отъ бѣшенства, и онъ выхватилъ револьверъ изъ кармана шинели. Этимъ онъ окончательно выдалъ себя. Сченсновичъ пой-

13

малъ его руку. Толпа готова была растерзать шпіона...

Баронъ Раубенбергъ подъ конвоемъ доставленъ былъ въ цитадель. При немъ оказались цѣнные бумаги и планы, а удостовѣрявшими его личность были документы русскаго офицера, еще осенью пропавшаго безъ вѣсти и — объ этомъ узнали много позже — убитаго...

Родное заговорило....

I.

Ну, и сочельникъ же выдался, не приведи Богъ!..

Хорошо тѣмъ, кто внизу, у самаго моря. Тамъ теплынь, благодать. И стоятъ Божьими свѣчами пышно зеленые кипарисы. А здѣсь, на обледенѣлыхъ вершинахъ Ловчена, здѣсь во-всю морозъ свирѣпствуетъ. И вдобавокъ еще холодный вѣтеръ. Отъ него морозъ вдвое лютѣй.

Гу-у-у.—Гу-у,-у-у,—воютъ порывы, то затихая, то усиливаясь до урагана. Какъ песчинки, того и гляди, смететъ въ бездну эти одинокія фигуры зябнущихъ въ лиловыхъ сумеркахъ часовыхъ. Да мудрено и не зябнуть! Одна шинелишка собачьимъ лаемъ подбитая, да круглая еле на макушкѣ держится черногорская шапочка. Но попробуйте убѣдить юнака, чтобъ хоть къ ночи на сторожевомъ посту одѣлся потеплѣе. Ни за какія коврижки!

— Баба я вамъ дался, чтобы кутаться! Кровь юнацкая—горячая кровь.

*

И, дѣйствительно, горячая. Не было примѣра, чтобъ замерзали дозорные черногорцы на Ловченѣ.

А вѣдь Ловченъ въ самую жаркую лѣтнюю пору всегда своимъ острымъ снѣговымъ шлемомъ издалека сіяетъ.

Зимою это сплошное царство ледяныхъ скалъ.

Ловченъ—святая святыхъ витязей Черной Горы. Это Олимпъ маленькаго героическаго южно-славянскаго народа. Здѣсь могилы, историческія могилы, теперь уже легендарныхъ богатырей и поэтовъ, поэтовъ, которые тоже были богатырями, съ одинаковымъ искусствомъ владѣвшими и звучной рифмой, и ятаганомъ, когда надо было встать на защиту родины, и когда Черная Гора поднималась вся поголовно...

Никогда ничья вражеская нога не ступала по крутымъ вершинамъ Ловчена. Никогда! И въ тяжелые, мрачные дни, когда несмѣтные турецкіе таборы густой человѣческой саранчою наводняли всю Чарногорію вплоть до Цетинье, одинъ Ловченъ, пріютившій послѣдній оплотъ — горсть юнаковъ, рѣшившихся продать свою жизнь безумно дорогой цѣною,—недоступно и гордо сіялъ на солнцѣ розоватой серебристостью вѣчныхъ снѣговъ.

Царственнымъ бѣльмомъ на завидущемъ и жадномъ глазу австрійцевъ былъ всегда

этотъ Ловченъ. Владѣть священной горою,—ключъ къ господству въ странѣ. И, мало этого,—золотой, безцѣнный ключъ къ господству надъ всѣмъ прилегающимъ побережьемъ Адріатики.

И знали, что дѣлаютъ швабы, предлагая черногорцамъ двадцать милліоновъ франковъ за Ловченъ. Выбрали же время, австрійскіе Шейлоки, время балканской войны, когда весь маленькій народъ истекалъ кровью въ трудной борьбѣ.

И вся Черная Гора, вся, начиная съ короля Николая и кончая послѣднимъ пастухомъ, съ негодованіемъ отклонила предательскій торгъ.

Черногорія безъ Ловчена—тѣло безъ головы. Да и не только безъ головы, а и безъ рукъ.

Не могли добыть швабы священную гору золотомъ, рѣшили взять ее свинцомъ и желѣзомъ. Но и тутъ обломали свои хищные крокодильи зубы.

Укрѣпленный орудіями союзниковъ-французовъ, Ловченъ громилъ со своихъ поднебесныхъ высей и внизу пріютившійся у подошвы Катарро съ его сильными первоклассными фортами, и флотъ, какъ въ мышеловкѣ, запертый въ бухтѣ Которской.

Густятся зимнія лиловыя сумерки. Заволакиваютъ пеленою необъятныя морскія дали,

крѣпнетъ гудящій вѣтеръ. И чудится,—заберетъ онъ такую силу, что снесетъ, пожалуй, въ туманную мглу тяжелыя французскія пушки. Швабы не дремлютъ. Убѣдившись, что артиллерійскій обстрѣлъ снизу и съ фортовъ, и съ броненосцевъ не даетъ ничего имъ, — все равно, что разстрѣливать плывущія въ небесахъ облака,—они стянули къ подножію крупныя пѣхотныя части, въ надеждѣ, правда безумной, взять когда-нибудь Ловченъ штурмомъ, хотя бъ для этого пришлось густо усѣять трупами крутыя, каменныя нагроможденія почти отвѣсныхъ склоновъ.

Въ ясную погоду въ бинокль можно было увидѣть сверху закопавшіяся гдѣ-то въ низинахъ цѣпи швабскихъ стрѣлковъ...

— Гу-у у-у... Гу-гу гу — стонетъ вѣтеръ, словно злые духи всѣхъ горныхъ далматинскихъ кряжей слетѣлись на Ловченъ для бѣсовскаго хоровода.

Пускай! Веселитесь на здоровье!..

Бывшій кадетъ цетиньевскаго корпуса, а теперь шестнадцатилѣтній юнакъ Люба Джуровичъ несетъ наравнѣ съ большими сторожевую службу. Злой собакою рветъ лютый вѣтеръ полы его тоненькой шинели и хочетъ вырвать винтовку. Но рука юноши въ теплой рукавицѣ, очутившейся на Ловченѣ кружнымъ путемъ изъ Россіи, крѣпко держитъ винтовку. Въ другой рукѣ бинокль. Зорко всматривается

Люба вдоль бѣгущихъ внизъ морщинистыхъ, запорошенныхъ снѣгомъ скалъ. И если всмотрѣться хорошенько, видны чернѣющія полосы австрійскихъ окоповъ съ землянками въ тылу.

И думаетъ Люба:

„Наступаетъ Рождество, праздникъ таинственный и великій... А вотъ люди враждуютъ между собою и хуже всякаго хищнаго звѣря ощетинились другъ противъ друга. Куда хуже. Сытый звѣрь — не душегубствуетъ. Только голодъ заставляетъ его броситься на добычу.

И переносится мысль съ этихъ обледенѣлыхъ вершинъ въ родную кулу (хату) въ Цетиньѣ. Кажется близко, рукой подать,—а уже третій мѣсяцъ не былъ онъ дома... Смутно и хмуро встрѣтитъ праздникъ его мама съ малолѣтними сестрами Любы. Праздникъ не въ праздникъ. Осиротѣли! Батько ушелъ съ отрядомъ въ Боснію, подъ Сараево, и нѣтъ о немъ ни слуху, ни духу. А Люба несетъ свою службу на Ловченѣ. Несетъ не только безропотно, а счастливъ безъ мѣры! Счастливъ своимъ юначествомъ во имя своей маленькой и вмѣстѣ великой родины, когда на такомъ дорогомъ счету каждая лишняя винтовка.

Ахъ, какъ холодно!..

Люба третъ пушистыми рукавицами крас-

ныя одеревенѣлыя уши, выбиваетъ дробь коченѣющими ногами.

А въ какихъ-нибудь двухстахъ шагахъ соблазнительно курятся дымомъ сооруженныя французскими саперами теплыя просторныя землянки. Забѣжать бы туда, согрѣться. Но до смѣны еще далеко и надо потерпѣть. Не баба же онъ въ самомъ дѣлѣ!

Весь день гремѣлъ артиллерійскій поединокъ. Лишь къ вечеру затихъ. У законавшейся батареи тяжелыхъ орудій пылаютъ костры, и грѣются возлѣ нихъ, быстро-быстро болтая по своему, французскіе артиллеристы, съ синихъ шинеляхъ и въ наушникахъ. Люба могъ бы оттаять немного у этихъ костровъ, но какой-то мальчишескій задоръ мѣшалъ... Если онъ хочетъ закалять себя, не слѣдуетъ искушаться.

А вѣтеръ съ бушующей силой рветъ пламя костровъ и, будь его воля, — такъ бы и разметалъ безъ остатка!..

Люба подошелъ къ самому краю обледенѣлой площадки. Отсюда спускались вьюгою занесенныя снѣжныя кручи, и несмѣло и робко намѣчалась тропа. Однимъ развѣ черногорцамъ впору взбираться по такимъ отвѣсамъ. Дальше спуститься на полкилометра, первая линія проволочныхъ загражденій. Люба знаетъ каждую подробность ихъ колючаго узора. На его глазахъ работали французскіе

саперы. Тамъ ниже, еще и еще, спуститься совсѣмъ — и попадешь на позиціи швабовъ.

И вспомнилъ Люба, говорили ему свои же развѣдчики, что подъ первый огонь австрійцы поставили свою морскую пѣхоту, всю сплошь изъ далматинскихъ сербовъ. А черногорецъ и сербъ-далматинецъ—развѣ не одно и тоже? Одна кровь, одна вѣра, одинъ языкъ.

Братъ—противъ брата.

А сзади—таковъ ужъ австрійскій обычай—стоятъ венгры и швабы изъ Вѣны, Тироля и Граца: чуть замѣтятъ малѣйшее колебаніе,—сейчасъ же далматинцу въ спину первая пуля! Для шваба славянинъ всегда былъ и остался пушечнымъ мясомъ. И съ какимъ-то дьявольскимъ коварствомъ, наслаждаясь братоубійственной потѣхою, всегда ставили австрійцы своихъ собственныхъ славянъ противъ тѣхъ славянъ, съ которыми воевали.

Зналъ все это Люба. Зналъ и много кровавыхъ ужасовъ наслушался у себя въ родной кулѣ про возстаніе въ Босніи, когда швабы посылали на сербовъ галиційскихъ русиновъ и придунайскихъ кроатовъ.

Шестнадцатилѣтнему юношѣ, къ тому же еще черногорцу, мало ли какихъ безумныхъ по отвагѣ и безстрашію не придетъ мыслей. Въ штыковомъ бою, сумасшедшей аттакѣ,—

кто первый? Всегда юнцы съ чуть обозначившимся пушкомъ надъ верхнею губою.

Такъ и Люба. Вдругъ, словно ударило его что-то, шепнувъ прямо въ ухо, какимъ-то чудомъ неотмороженное еще.

„Спустись туда, посмотри! Собственными глазами своими взгляни на этихъ далматинцевъ, которыхъ австріецъ, обзывая „славянской свиньею", погонитъ впереди себя на черногорскія пули и на эти хитрые зигзаги колючихъ проволокъ...

И весь во власти этой жуткой, бьющей по нервамъ опасной вылазки со страшнымъ рискомъ никогда не вернуться, — Люба сдѣлалъ нѣсколько шаговъ туда, внизъ. А потомъ порывъ дунувшаго въ спину вѣтра и что-то другое еще, необъяснимое, спихнуло его еще ниже. И тамъ, гдѣ было особенно круто и скользко и гдѣ исчезала подъ снѣгомъ тропинка, опираясь на ружье, какъ альпинистъ на длинную палку съ козьимъ рогомъ, Люба исчезъ въ холодной крутящейся мглѣ..!

2.

Шумно и весело въ офицерской землянкѣ.

А главное—тепло. До духоты тепло! Накалилась и жаромъ пышетъ желѣзная печка.

Центръ вниманія—сидящій по восточному

съ поджатыми ногами на разостланной шинели дѣдъ Любы старый воевода Свѣтозаръ Пламенацъ. Что-то удалое, минувшимъ отзывающее, во внѣшности богатырски здороваго, крѣпкаго старика съ сѣдыми спускающимися на грудь усами. Типичный гайдукъ, лихо гайдучившій въ горахъ противъ турокъ!..

Такъ оно было и на самомъ дѣлѣ.

Молодымъ юнакомъ, вмѣстѣ съ королемъ Николаемъ, тогда еще княземъ, бился Свѣтозаръ Пламенацъ съ мусульманами, и на долгомъ вѣку своемъ немало порѣзалъ турецкихъ головъ... Ему семьдесятъ шестой годъ. Пора бы и на покой!.. А не сидится ему дома. Что-бы радостно встрѣтить праздникъ въ громадной семьѣ, въ которой онъ былъ патріархомъ? А межъ тѣмъ, Свѣтозаръ пріѣхалъ на Ловченъ. Все ближе къ позиціямъ, — онъ терпѣть не могъ этого новаго слова—порохомъ пахнетъ.

Французскіе офицеры хрупкіе, изящные, тоненькіе, не могли освоиться съ монументальной фигурой воеводы и такъ разсматривали увѣшаннаго оружіемъ черногорца, словно передъ ними пещерный человѣкъ сидѣлъ. Но и всѣ остальные черногорцы помоложе, тутъ же кругомъ, видные, рослые, не могли сравняться со Свѣтозаромъ. Другое поколѣніе, другая порода! Однѣ ручища громадныя, волосатыя чего стоятъ! Медвѣдя задушатъ!.

Офицеры пили чай съ коньякомъ. Что же касается воеводы, онъ хлесталъ одинъ голый коньякъ и—хоть бы въ одномъ глазу! Только словоохотливѣй становился. Чѣмъ-то первобытнымъ, стихійнымъ вѣяло отъ разсказовъ этого сѣдоусаго богатыря въ круглой шапочкѣ съ краснымъ дномъ и въ расшитой золотомъ красной безрукавкѣ. Молодежь покатывалась со смѣху, а капитанъ Маринковичъ, воспитанникъ Сенъ-Сирской школы, тотчасъ же переводилъ слово за слово французамъ, и эти офицеры въ черныхъ узкихъ мундирахъ и красныхъ штанахъ смѣялись, подталкивая другъ друга и восклицая:

— Du diable, si je comprends!..

Говорили о войнѣ, объ австро-черногорскихъ отношеніяхъ, о томъ, какія всегда притѣсненія чинили швабы своей маленькой славянской сосѣдкѣ. Вотъ что разсказалъ, между прочимъ, воевода Свѣтозаръ Пламенацъ,— разсказалъ не спѣша, образно, дымя трубочкой и вливая въ себя коньякъ, словно въ бочку бездонную:

— Дрянь народъ—швабы! Гнилой, никудышный. Такъ, слякоть человѣческая! Воевать не умѣютъ. За десять верстъ пуцать изъ топовъ (палить изъ пушекъ)— это они могутъ. А въ славномъ юнацкомъ бою самый завалящій черногорецъ плевкомъ перешибетъ шваба. Стоитъ швабу увидѣть близко,

съ глазу на глазъ добраго черногорца, со швабомъ сейчасъ же медвѣжья болѣзнь приключится! Что подѣлаешь. Натура у него деликатная!..

Вотъ тоже былъ случай. Подъ Сѣнокосомъ одинъ спорный кусочекъ луга есть. Памятный кусочекъ! Когда дипломатическіе мошенники и воры на Берлинскомъ конгрессѣ обкрадывали южныхъ славянъ, этотъ кусочекъ намъ прирѣзали. А швабъ говоритъ—мое! У него, видите, земли мало... Ну, добре... И наши дѣды и отцы пасли скотъ свой на этомъ кусочкѣ, и внуки наши тоже пасутъ. Ну, а извѣстное дѣло, австріякъ спитъ и думаетъ, какъ бы ему учинить какую-нибудь намъ каверзу! Вотъ швабскіе жандармы и загнали къ себѣ нашу скотину. Пастушата бѣгутъ по всѣмъ куламъ ревучи-слезно... Такъ, молъ, и такъ... Молодежь поснимали со стѣнъ винтовки и—гайда... Пять, или шесть жандармовъ уложили,—остальные давай Богъ ноги! Вернули назадъ свою скотину. Все по хорошему. Чего бы кажется. Такъ нѣтъ, швабы въ амбицію! Чуть ли не войну объявить грозятся. Господарь (король) человѣкъ ума тонкаго. Политично туда и сюда, какъ-нибудь замять, да уладить. Ну вотъ, назначаютъ швабы разграничительную комиссію, чтобы точно провести линію, гдѣ Австрія, гдѣ Черногорія. Я при господарѣ, не помню уже,

какъ очутился. Господарь на меня косится.

„Смотри, Свѣтозаръ, опять что-нибудь со швавами выкинешь... Имъ только этого и нужно!..

„Молчу. Пріѣзжаю. А тамъ уже насъ ждутъ всѣ ихъ чиновнички да офицерики. Плюгавые, дохлые, тошно смотрѣть! Увидѣли меня, да какъ чортъ отъ ладана. Все къ стѣнкѣ жмутся...

Переводившій французамъ кудрявую рѣчь стараго воеводы, самъ участникъ этой „разграничительной“ комиссіи, Маринковичъ не могъ удержаться отъ хохота при воспоминаніи, въ какой страхъ и трепетъ вогналъ австрійцевъ однимъ видомъ своимъ громадный Пламенацъ со своими усищами и своимъ арсеналомъ ятагановъ и револьверовъ за поясомъ. Какъ сверкнетъ глазищами изъ-подъ нависшихъ гайдучьихъ бровей, да положитъ свою лапищу на утыканный разными страшными вещами поясъ,—у швабовъ душа въ пятки! Если только у нихъ есть душа...

— Да ты чему радъ, спрашивается?—ласково пенялъ воевода капитану, внутри весьма и весьма довольный.

Закончилъ разсказъ уже капитанъ Маринковичъ.

— Сѣли за столъ, развернули карту. Австрійскій офицеръ генеральнаго штаба про-

водитъ карандашомъ линію. Здѣсь, молъ Австрія, а здѣсь — Черногорія. Тутъ не выдержалъ воевода Пламенацъ. Да своей рукою, съ добрый телячій окорокъ размѣромъ, какъ прихлопнетъ карту, такъ и накрылъ чуть ли весь Балканскій полуостровъ и половину Австро-Венгріи.

— Это все наше! — загремѣлъ онъ такъ, что стекла зазвенѣли.—А кто будетъ противиться, вотъ этими самыми руками всѣ мозги выпущу!..

Вотъ какой casus belli чуть не создался, благодаря воеводѣ. Нужно было видѣть смятеніе австрійцевъ. Къ стѣнкамъ такъ всѣ и прилипли!..

Французы корчились на своихъ шинеляхъ отъ истерическаго, до коликъ въ животѣ, до слезъ, хохота.

А Пламенацъ, разглаживая сивые гайдучьи усы, искренно недоумѣвалъ:

— А что? Развѣ не такъ поступилъ бы на моемъ мѣстѣ всякій другой? Выдумали еще—карты! Ничего не разберешь на нихъ. Я и безъ карты всякую тропинку въ горахъ знаю...

Коньякъ и тепло разнѣжили французовъ, и они уснули. А Пламенацу душно стало. На воздухъ потянуло. И какъ былъ, съ открытой волосатой грудью, такъ и вышелъ на холодную завывающую темень. Вспомнилъ внука,

сына сестры своей. Мальчишка навѣрное гдѣ-нибудь поблизости, маячитъ со своей пушкою (винтовкою).

— Лю-ба, а Лю-ба!—заоралъ воевода, покрывъ своимъ голосомъ заунывное гудѣніе вѣтра.

Никакого отвѣта.

—Лю-ба-а!..

Казалось бы, тамъ внизу, въ Котарѣ, можно услышать.

Подошелъ высокій молодой черногорецъ.

— Ты не видалъ, момче (хлопецъ), внука моего?..

— Былъ онъ здѣсь, воевода, а только ужъ не видать его долго. Думалъ, въ землянкѣ отогрѣвается.

— Не было его въ землянкѣ! Еще, чего добраго, свалился съ кручи. Бѣсенокъ, непосѣда этакій!

Старый юнакъ всматривался зоркими орлиными глазами своими въ крутящуюся надъ обрывомъ снѣжную мглу.

— Не погибъ, не таковскій. Вернется — хорошенько надеру ему уши. А, можетъ, и вправду свалился?

И недоумѣнно пожалъ богатырскими плечами своими воевода Свѣтозаръ Пламенацъ.

Вернулся въ землянку и, набожно перекрестившись той самой рукою, что снесла добрую сотню турецкихъ головъ, заснулъ, какъ убитый.

3.

Словно чья-то необъяснимая воля толкала Любу все впередъ и впередъ. Не бѣжалъ, а точно катился внизъ, въ это невѣдомо пугающее „внизъ". И билъ ему въ грудь холодный вѣтеръ, и пріятно было отъ острыхъ уколовъ сухихъ снѣжинокъ, что бросала ему эта ночь цѣлыми горстями прямо въ лицо. И объ одномъ думаетъ,—какъ бы скорѣй, да не уронить винтовку. А дальше,—какое ему дѣло, что ждетъ его внизу? Во всякомъ случаѣ, это будетъ интересно, и жутко и страшно...

Вотъ пошли на снѣгу мудреные узоры проволочныхъ загражденій. Надо лавировать между ними, зная дорогу, иначе всего обдерутъ въ кровь острыя колючки...

И это уже осталось позади. Близко,—простымъ глазомъ нащупаешь въ темнотѣ,—намѣчаются внизу темныя точки... Чѣмъ ближе, тѣмъ яснѣе на снѣгу чернѣющіе силуэты,—фигуръ то неподвижныхъ, то тихо и призрачно скользящихъ во тьмѣ,—такъ и просятся на вѣрный прицѣлъ. Но какой толкъ? А главное, вдругъ это свои же, сербы. Сербы, которыхъ приневолилъ швабъ...

Это передовыя цѣпи австрійскихъ дозоровъ.

Какое-то азартное охотницкое чувство зажгло всего Любу... Теперь онъ уже совсѣмъ не отдавалъ себѣ никакого отчета.

Легъ и поползъ по твердому, похрустывающему снѣгу.

Его замѣтили.

Высокая фигура двинулась навстрѣчу. Люба замеръ напружинился весь... Дешево, молъ, не отдамся...

И слышитъ, окликаетъ его оттуда изъ мрака:

— Коли-ти-си? (Кто ты)?

— Эге, вотъ какъ ты заговорилъ!.. Если такъ, хорониться да прятаться нечего. И что-то большое, прекрасное горячо хлынуло въ душу Любы... И онъ бросилъ въ отвѣтъ высокому и темному призраку, насторожившемуся въ какой-нибудь сотнѣ шаговъ.

— Не пуцай (не стрѣляй), побратимэ, я — църногорецъ!..

Двинулись другъ другу навстрѣчу.

И увидѣлъ Люба совсѣмъ близко, лицомъ къ лицу, громаднаго моряка далматинца въ шинели и въ безкозыркѣ съ ленточками, развѣвавшимися по вѣтру. И стояли они молча, не зная, съ чего заговорить.

Далматинецъ чуялъ родную братскую душу, сердцемъ чуялъ, а въ головѣ гвоздемъ сидѣла австрійская муштра. Онъ взялъ за плечо юношу.

— Давай сюда мнѣ твою пушку и пойдемъ... Сдамъ тебя старшему унтеръ-офицеру.

Не шевелясь, не выпуская ружья, стоялъ Люба.

— И не соромно тебѣ, побратимэ?.. Ну, полонишь меня, — велика тебѣ корысть? И останешься ты навѣки вѣковъ для шваба „славянской свиньею“, и будутъ они гнать тебя впередъ, какъ на убой скотину! Грѣхъ, если идетъ братъ на брата. А въ святую ночь подъ великій праздникъ — грѣхъ сугубый. Я въ твоей волѣ. Дѣлай, какъ хочешь... А только совѣтъ мой, если ужъ идти, такъ идти къ намъ, туда на Ловченъ. И не плѣнникомъ будешь, а дорогимъ гостемъ! Братомъ желаннымъ!..

Опустивъ голову, стоялъ далматинецъ въ раздумьѣ. И разбудилъ въ немъ своимъ искреннимъ словомъ юноша что-то хорошее, близкое, запиханное куда-то вглубь австрійскими прикладами.

— Вотъ какъ ты говоришь, момче,—молвилъ далматинецъ въ раздумьѣ. — Погоди Спрячься за выступъ, чтобъ не видно было И жди...

Повернулся и былъ таковъ. Сгинулъ во мракѣ. Ждетъ Люба. Долго ждетъ. Въ цѣлую вѣчность вытянулось ожиданіе. Нѣтъ-нѣтъ и глянетъ изъ-за своего прикрытія. Пусто. И даже тѣ дальнія фигуры, что мерещились въ ночной мглѣ, и тѣ исчезли куда-то...

Но вотъ даже глазамъ своимъ не повѣрилъ Люба! Выплыла изъ мрака и растетъ, приближается едва ли не цѣлая колонна. А

въ „головѣ“ первымъ—тотъ самый далматинецъ. И слышенъ его осторожный окликъ:

— Выходи, момче!..

Вышелъ Люба.

— Ну, теперь веди насъ къ себѣ на Ловченъ. Всю свою роту привелъ. Все свои, сербы... Какъ сидѣли въ окопѣ, такъ и вышли тихонько. А своихъ унтеръ-офицеровъ, мадъяръ, да швабовъ, прикололи штыками.

Растянулись гуськомъ, взбирались на кручи. Все сплошь горцы и не впервой имъ брать такіе головоломные отвѣсы.

Люба, счастливый, не чуялъ ногъ подъ собою. И несло его вверхъ и будто на крыльяхъ. Ловко провелъ далматинецъ сквозь лабиринтъ колючихъ загражденій. А тамъ, наверху тревога,—думаютъ: непріятель. Загремѣли выстрѣлы.

И крикнулъ во всю грудь Люба:

— Не пуцайте! Своихъ веду! Это я, Люба Джуровичъ!

И далеко въ горахъ отозвалось ликующими праздничными переклкиками.

И братались, обнимаясь и цѣлуясь, черногорцы съ далматинскими сербами, что пришли сюда къ своимъ съ винтовками и въ полномъ походномъ снаряженіи.

Повели дорогихъ гостей по землянкамъ отогрѣться да закусить, чѣмъ Богъ послалъ. И умиленные сербы отказывались вѣрить:

— Господи милостивый, неужели мы на

Ловченѣ? И еще въ эту святую ночь! Оттуда, съ нашихъ береговъ изъ проклятой швабской неволи съ тоскою смотрѣли мы всегда на снѣговую, серебристую чалму великаго Ловчена. И думали: тамъ живутъ наши братья, гордые, свободные и вольные, какъ орлы... И уносились мы къ вамъ въ своихъ свѣтлыхъ думахъ, а швабъ пригнеталъ насъ къ себѣ...

И многіе изъ этихъ сильныхъ, высокихъ людей плакали слезами необъятной радости.

Даже старый, закаленный въ бояхъ воевода Свѣтозаръ Пламенацъ и тотъ смахнулъ слезу. И сочно расцѣловалъ внука въ обѣ щеки.

— Правдивый юнакъ... Такимъ и я былъ сорви головою въ твои годы!..

Узнавъ, въ чемъ дѣло, французы пришли въ бурный восторгъ. Старшій изъ нихъ, капитанъ Бріе, представилъ Любу къ ордену Почетнаго Легіона...

Въ эту памятную ночь никто глазъ не сомкнулъ на всемъ Ловченѣ. До сна-ли было?

Месть „апельсиннаго короля“.

I.

По улицамъ Севильи расклеены громадныя, пестрыя афиши. Изъ средины цвѣтного крупнаго текста, изъ медальонной виньетки, улыбается мордастый человѣкъ. Усы его подкручены вверхъ парикмахерскими щипцами. Скрестивъ на груди могучія обнаженныя руки, онъ побѣдно, торжествующе созерцаетъ шумную суету площадей и улицъ.

Афиши оповѣщаютъ, что черезъ двѣ недѣли въ столицу Андалузіи прибудетъ знаменитый силачъ и борецъ Доминго Рамиресъ. Дирекціи мѣстнаго цирка съ большимъ трудомъ посчастливилось заручиться согласіемъ Доминго Рамиреса, на части разрываемаго всѣми цирками, театрами и кафешантанами, не только Европы, но и Америки.

Доминго Рамиресъ поразитъ публику своей, никѣмъ не превзойденной „работою“ съ тяжестями. Кромѣ того, онъ бросаетъ вызовъ

желающимъ состязаться съ нимъ во французской борьбѣ. Побѣдителю Рамиресъ тотчасъ же на аренѣ уплатитъ десять тысячъ песетъ. Кто же устоитъ противъ Рамиреса четверть часа,—тотъ положитъ себѣ въ карманъ тысячу песетъ.

Афиши производили соотвѣтствующее впечатлѣніе. Они собирали вокругъ себя толпу, яркую, красочную толпу испанскаго юга. Всѣхъ интересовалъ этотъ Геркулесъ съ затылкомъ міурскаго быка и чудовищными, — такихъ никогда не бываетъ въ натурѣ,—бицепсами. Всѣхъ, начиная съ мальчишекъ — продавцовъ свѣжей воды и кончая карабинерами, блѣдными отъ пудры сеноритами, включительно, до бритыхъ тореро и растолстѣвшихъ отъ неподвижнаго бездѣлья лавочниковъ.

Хотя донъ-Рамонъ Бустиндуй не интересовался никакимъ спортомъ и даже не посѣщалъ боя быковъ, этого глубоко національнаго испанскаго зрѣлища, однако афиши съ портретомъ Доминго Рамиреса овладѣли его вниманіемъ. И даже чрезмѣрнымъ вниманіемъ.

Благообразное, уже старческое лицо Бустиндуя уродовалось гнѣвомъ при видѣ расклеенной физіономіи этого самовлюбленнаго силача. И если-бъ не боязнь показаться смѣшнымъ, или сумасшедшимъ, донъ-Рамонъ съ наслажденіемъ ткнулъ бы своей дорогой, съ золотымъ набалдашникомъ тростью прямо въ эту широкую, такую ненавистную ему морду...

Донъ Рамонъ имѣлъ основательныя причины ненавидѣть Рамириса всей душою. Этотъ человѣкъ разбилъ его счастье. По милости Рамиреса открытый, благожелательный и добрый Бустиндуй на всю жизнь сдѣлался сухимъ, необщительнымъ, черствымъ.

Станешь черствымъ, когда искалѣчатъ въ тебѣ самое высокое, дорогое, свѣтлое!

Донъ-Рамонъ Бустиндуй считался въ Испаніи однимъ изъ „шести апельсинныхъ королей". Онъ владѣлъ померанцевыми рощами въ Андалузіи, Валенціи и Мурсіи. „Торговый домъ Бустиндуй и сынъ" вывозилъ въ громадномъ количествѣ апельсины въ Англію, Скандинавію и даже въ Россію черезъ Одесскій портъ.

Жилъ донъ Рамонъ съ сыномъ Франциско и дочерью Лолой на собственной виллѣ между табачной фабрикой и знаменитыми пальмовыми садами, которыми гордится Севилья. Нарядную, бѣлую, какъ невѣста, виллу строилъ извѣстный архитекторъ Гонзалесъ.

Типъ ея былъ мавританскій, подобно большинству андалузскихъ жилищъ. Тонкой кружевной работы металлическая дверь вела въ осьмиугольный, выложенный мраморомъ „патіо" съ фонтаномъ посрединѣ. Здѣсь въ часы досуга собиралась немногочисленная семья „апельсиннаго короля". Всегда уютъ и прохлада. Въ знойную пору особый механизмъ раскрывалъ надъ патіо гигантскій зонтикъ,

предохранявшій отъ раскаленныхъ лучей южнаго солнца.

Рядомъ съ виллою помѣщалось главное управленіе „Торговаго дома Бустиндуй и сынъ“. Тамъ изо дня въ день, съ восьми утра до полудня и отъ трехъ до семи вечера, занимался въ своемъ кабинетѣ донъ Рамонъ. Франциско, элегантнаго молодого человѣка, тянуло больше къ свѣтской жизни, къ аристократическому клубу на Плацца Санъ-Фернандо, къ автомобильнымъ гонкамъ и бою быковъ. Но все же суровый отецъ, пріучая сына къ дѣлу, заставлялъ его посвящать конторѣ опредѣленное число часовъ каждый день.

Лола, — тонкая, гибкая, съ громадными, черными глазами,—считалась любимицею Рамона, хотя чувство отца было къ ней—сложное, двойственное. То донъ Рамонъ баловалъ ее, не могъ наглядѣться, то одинъ видъ Лолы раздражалъ его, повергая въ мрачное настроеніе. Причина — изумительное сходство Лолы съ покойной матерью. Покойной,—съ оговоркою. Много лѣтъ назадъ, когда Лола была еще крошкой, донья Инеса исчезла безъ вѣсти. Жива ли она, никто не зналъ? Но для семьи, въ особенности для мужа, она умерла навсегда.

Въ немногіе, навсегда умчавшіеся годы счастья, донъ-Рамонъ боготворилъ свою жену. Съ такою же силой онъ теперь ненавидѣлъ

ее и даже не ее, а вѣрнѣе память о доньѣ Инесѣ.

Жизнь Лолы не отличалась отъ жизни испанскихъ дѣвушекъ ея круга и положенія. Однообразіе, бѣдность впечатлѣній, каѳедральный соборъ, чтеніе легкихъ романовъ, прогулка въ автомобилѣ съ братомъ и отцемъ, томное ничего недѣланіе въ прохладѣ патіо и лѣнивыя дѣвичьи грезы подъ монотонное журчаніе всплесковъ мраморнаго фонтана. Такъ проходилъ день. Вечеромъ—ужинъ. И если отецъ не бралъ дочь съ собой въ театръ, или кинематографъ,—а это случалось рѣдко,—Лола поднималась къ себѣ и, стоя у раскрытаго окна, забраннаго металлическимъ кружевомъ тонкой рѣшетки, ждала появленія у виллы молодого, прекраснаго „новіо“, который въ душномъ сумракѣ ночи, спѣлъ бы ей про свою любовь подъ звуки тихострунной гитары.

Ожиданіе было чисто платоническое. Лола еще не имѣла „новіо“, и никто не пѣлъ ей про свою любовь подъ ея балкономъ. А ей такъ хотѣлось этого...

Никто—до поры до времени... Однажды,—это случилось въ лунную серебристую ночь... Донъ Рамонъ и Франциско уѣхали на два дня въ Валенсію присмотрѣть хозяйскимъ глазомъ, какъ идетъ въ померанцевыхъ садахъ сборъ плодовъ.

Съ красной, душистой гвоздикою въ пышныхъ волосахъ томилась Лола у своего окна.

И вдругъ, — чуть слышно и робко зазвенѣла гитара. Лола вся встрепенулась. Какъ это—вправду, это—явь, не мечта и не сонъ?.. И, прильнувъ къ холодному желѣзу рѣшетки блѣдно-матовымъ личикомъ, она скорѣй угадала, чѣмъ распознала, стройную фигуру Діего Вентуры... Такъ вотъ кого судьба послала ей въ „новіо“!..

2.

Діего Вентура служилъ у ея отца. Для своихъ двадцати пяти лѣтъ онъ занималъ довольно значительное мѣсто въ конторѣ. Онъ владѣлъ иностранными языками, велъ заграничную корреспонденцію, получая иногда отвѣтственныя командировки.

Велъ Вентура жизнь скромную, въ особенности для своего возраста и завидной внѣшности. Что его захватывало—это разные виды спорта. Это былъ фехтовальщикъ, гимнастъ, гонщикъ на мотоциклеткѣ. Иногда, взявъ у Бустиндуя отпускъ, онъ уѣзжалъ въ Кадиксъ, или Санъ-Себастьянъ, гдѣ принималъ участіе въ состязаніи пловцевъ.

Но съ тѣхъ поръ какъ Діего влюбился въ сенориту Лолу, отдавшись пылко своему новому увлеченію, спортъ отошелъ на задній планъ.

Діего понималъ, что дочь Бустиндуя не ровня ему. Не потому, чтобы донъ Рамонъ

происходилъ изъ аристократической семьи. Нѣтъ, Бустиндуи не Богъ вѣсть какого знатнаго рода. Но между Лолой и Діего лежало препятствіе—ввидѣ милліоновъ ея отца. Стѣна, перешагнуть которую бѣдняку, получающему въ годъ какихъ-нибудь четыре тысячи песетъ,—задача нелегкая.

Нелегкая, но,—чего не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ,—осуществимая все же... Да и, кромѣ того, любовь не гадаетъ о будущемъ. Она живетъ мгновеніемъ настоящаго.

Лола совсѣмъ ничего не имѣла противъ такого новіо, какъ Вентура. Она поощряла его лунныя серенады и, въ концѣ-концовъ, ее самое захватилъ интересный новіо. Наконецъ-то у нея былъ настоящій андалузскій романъ...

Ночь. Отецъ спитъ. Франциско пропадаетъ гдѣ-нибудь въ клубѣ, или кутитъ съ веселой компаніей. Лола, крадучись, осторожно, съ бьющимся сердцемъ, спускается внизъ. Рѣшетчатая дверь патіо отдѣляетъ ее отъ Діего. Но Вентура можетъ осыпать долгими поцѣлуями теплыя ручки сквозь желѣзный узоръ дверей. Напрасно Діего умоляетъ дѣвушку раскрыть дверь. Разъ, одинъ только единственный разъ хочетъ онъ обнять ее, коснуться ея губъ своими...

Лола отрицательно качаетъ своей красивой, такой загадочной въ полумракѣ головкой.

— Нельзя! Могутъ увидѣть. Я и такъ

дрожу... И, наконецъ, развѣ такъ поступаютъ со своими возлюбленными другіе новіо? Поговори съ отцемъ... И мы будемъ съ тобой женихъ и невѣста и тогда можемъ до сыта цѣловаться. Dios, какъ я буду тебя горячо цѣловать, мой Діего!..

А у Діего дурманящій туманъ плылъ предъ глазами. Онъ рѣшилъ поговорить съ Бустиндуемъ относительно руки Лолы. Будь, что будетъ! Лучше отказъ, чѣмъ терзающая неизвѣстность.

Донъ Рамонъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ. Цѣлую груду бумагъ навалилъ ему для подписи управляющій. Но, вмѣсто бумагъ, Бустиндуй видѣлъ повсюду широкое, самодовольное лицо съ подкрученными усами. Казалось, что со всего города афиши Рамиреса наполнили его кабинетъ.

Донъ Рамонъ, сжимая свои бѣлыя, холеныя руки, бормоталъ проклятія.

Карамба! съ какимъ наслажденіемъ распоролъ бы онъ этому негодяю животъ! Онъ упился бы местью, а тамъ пускай хоть ссылаютъ въ Цеуту.

Бустиндуй вздрогнулъ. И въ отвѣтъ на стукъ въ дверь невольно бросилъ:

— Войдите!..

Это былъ Діего Вентура.

— Донъ Рамонъ, я не помѣшалъ вамъ?

— Если у тебя есть дѣло ко мнѣ, — говори.

— Я лучше въ другой разъ, — смутился

Вентура, увидѣвъ, что минуту для своего объясненія выбралъ онъ самую не подходящую.

— Говори сейчасъ! Вошелъ, отнялъ время,—говори!..

— Донъ Рамонъ... Это вопросъ частный, онъ не касается...

— Безъ предисловій! Говори!.. Ясно, кратко, опредѣленно!

Діего на мгновеніе зажмурился, точно кидаясь съ головою во что-то глубокое и холодное. Самъ себѣ отрѣзалъ всякое отступленіе.

— Донъ Рамонъ... Я... мы... любимъ другъ друга... Однимъ словомъ, я имѣю честь... какая тамъ честь... величайшее счастье просить у васъ руки сенориты Лолы...

Діего кончилъ. И покраснѣвшій, взволнованный, точно его приговорили къ смерти, стоялъ онъ предъ своимъ патрономъ.

Бустиндуй не сразу отвѣтилъ,—такъ ошеломилъ его Вентура. Онъ смотрѣлъ на Діего, какъ на сумасшедшаго.

— Что такое?!. Вы любите другъ друга, и я же, отецъ, ничего не знаю!.. Вы встрѣчались, какъ воры за моей спиною! Діего, ты обманулъ мое довѣріе. Я мальчишкой взялъ тебя, вывелъ въ люди, а ты!.. Обрадовался! Вскружилъ голову неопытной глупой дѣвченкѣ. Болтуны пустили слухъ, что я даю за нею полмилліона песетъ... Вздоръ, ложь, бредни! Такъ и скажи имъ. Ни одного реала!..

Слышишь, ни одного реала... Такъ и скажи!.. Она—безприданница...

— Донъ Рамонъ, клянусь вамъ, клянусь вамъ святымъ Антоніемъ Падуанскимъ! Ни минуты не было у меня мысли о приданомъ. Чиста и безкорыстна моя любовь!

Діего побѣдилъ старика своей искренностью. И донъ Рамонъ смягчился. Злыя, насмѣшливыя искры погасли въ глазахъ. И въ то же время въ этихъ самыхъ глазахъ мелькнуло такое нечеловѣческое безуміе, что Діего испугался за своего патрона.

Съ жестокой усмѣшкой забарабанилъ донъ Рамонъ пальцами по столу.

— Впрочемъ... Впрочемъ, отчего же,—пожалуй... Я вѣрю тебѣ, твоей искренности. Вѣрю, что дурочка моя увлеклась тобою. Ты красивъ, отваженъ, силенъ, любишь спортъ, настоящій мужчина. Ты очень силенъ, Діего? Очень? Отвѣчай прямо? И не думай, Бога ради, что старикъ заговаривается, потерявъ разсудокъ. Этотъ вопросъ имѣетъ прямое отношеніе къ твоему будущему, вашему будущему съ Лолой. Ну, такъ какъ же? Скорѣе!.. Ты очень силенъ? Примѣры, доказательства?..

— Въ пальцахъ я крѣпокъ, гну серебряныя песеты... Хоть сейчасъ...—молвилъ оторопѣвшій, ничего не понимающій Діего.

— Вѣрю, но это не важно. Къ черту

пальцы, къ черту песеты!.. А такъ, въ борьбѣ, во французской борьбѣ?..

— Я не специализировался. Но иногда случалось бросать хорошихъ любителей. На ловкость больше...

— На ловкость...—протянулъ Бустиндуй.— Ну, а ты видѣлъ, расклеена по всей Севильѣ этакая красная улыбающаяся морда? Мерзавца, бандита, каторжника!.. Ты взялся бы его положить?..

— Что вы, донъ Рамонъ?.. Господь съ вами!.. Профессіоналъ, знаменитость! Чуть ли не вдвое тяжелѣй... Онъ сломаетъ меня въ первую же минуту.

— Жаль, очень жаль! Тѣмъ хуже... Вотъ тебѣ мой рѣшительный отвѣтъ, Діего: Этотъ каторжникъ дѣлаетъ вызовъ. Если ты положишь его, моя дочь—твоя, и будешь ты мнѣ близкимъ, дорогимъ человѣкомъ. Если онъ, какъ ты говоришь, тебя сломаетъ, — не видать тебѣ Лолы! Оба вы, пока я живъ, умрете другъ для друга...

Потупившись, замеръ ошеломленный Діего.

Рамону стало жаль его.

— Послушай, вѣдь ты любишь ее? А любовь, ты знаешь, на что способна. Попробуй! Я хотя и не спортсмэнъ самъ, а кое-что смыслю. Тебѣ нужна тренировка. Ты отличный пловецъ, — слѣдовательно, сердце и дыханіе обезпечены. У тебя въ распоряженіи двѣ не-

дѣли. Я дамъ тебѣ нѣсколько тысячъ франковъ. Поѣзжай, не теряя ни минуты, въ Парижъ... Тамъ есть профессора по этой части. Бери себѣ самаго лучшаго тренера, не жалѣй денегъ, и пусть онъ тебя за это время обучитъ всѣмъ профессіональнымъ трюкамъ. Работай день и ночь. Возвращайся и дѣлай вызовъ этому негодяю. Побѣдишь—твое счастье! Понялъ?..

— Понялъ, донъ Рамонъ...

— И что-же?..

— Сегодня вечеромъ уѣзжаю въ Парижъ,—отвѣтилъ Діего, съ такимъ огнемъ рѣшимости въ глазахъ и во всей рослой молодой фигурѣ, что умиленный Бустиндуй протянулъ ему руку.

— Ты славный парень, Діего! Я гордился бы такимъ зятемъ. Съ Богомъ! Вотъ тебѣ чекъ на „Испанскій банкъ". Пять тысячъ, довольно?

3.

Вентура покинулъ кабинетъ. И хаотическимъ сумбуромъ наполнилась голова. Въ первый моментъ онъ встрепенулся надеждою. Этотъ чудакъ донъ Рамонъ сумѣлъ воспламенить его. Но пламень надежды быстро погасъ.

За нѣсколько дней въ Парижѣ, подъ руководствомъ опытнаго тренера онъ, разумѣется, много преуспѣетъ. Однако же о по-

бѣдѣ надъ Рамиресомъ нечего и думать. Чистѣйшее безуміе...

Въ вагонѣ трамвая Діего подъѣхалъ къ сѣрой готической громадѣ собора. Здѣсь ждетъ его Лола.

— Пока ты будешь говорить съ отцомъ, я буду молиться Пречистой Дѣвѣ!..—шепнула вчера Лола своему новіо.

Въ черномъ вся,—отъ мантильи до перчатокъ, стояла дѣвушка, неподвижная, колѣнопреклоненная, въ глубинѣ храма. Траурная фигура Лолы обвѣяна была мистическими сумерками, а тамъ высоко, наверху, гдѣ сходились тяжелые, острые своды, тамъ шаловливой игрою искрилось яркое золото утреннихъ лучей андалузскаго солнца.

Діего опустился на колѣни рядомъ съ Лолой.

— Неудача?.. Отецъ отказалъ?..—прочла дѣвушка грустное лицо своего новіо.

— Нѣчто совсѣмъ иное, моя прекрасная звѣздочка... Но такое же не утѣшительное, какъ и отказъ...

— Ради Бога, въ чемъ же дѣло?..

Онъ разсказалъ свою бесѣду съ отцомъ.

Большие глаза дѣвушки стали еще больше отъ недоумѣнія.

— Ничего не понимаю. Отецъ не безъ странностей... Ты знаешь, добрый, честный, онъ бываетъ тяжелъ, невыносимъ порою. Но это, это... Зачѣмъ ему твоя побѣда надъ

этимъ странствующимъ силачомъ? Не понимаю!

— И я ничего не понимаю.

— Какъ же ты рѣшилъ, мой дорогой?

— Она еще спрашиваетъ? Конечно, да! Конечно, буду бороться съ нимъ. Если бъ даже этотъ мясникъ переломалъ мнѣ всѣ ребра! Но результатъ, результатъ, Лола! Вотъ что меня приводитъ въ отчаяніе. При самыхъ нечеловѣческихъ усиліяхъ съ моей стороны, я выдержу всего лишь нѣсколько минутъ. Вѣдь это же какая-то стѣнобитная машина, а не человѣкъ!..

— Милый, не падай духомъ! Вѣрь въ чудо. Развѣ не бываетъ чудесъ? И развѣ маленькій Давидъ не побѣдилъ гиганта Голіаѳа? Надо вѣрить, надо молиться нашей Заступницѣ... Я буду приходить сюда каждый день и утромъ, и вечеромъ, и, распростершись крестомъ на этихъ плитахъ, буду молиться... И Пресвятая Дѣва услышитъ меня...

Умиленный Діего украдкой поднесъ къ губамъ руку Лолы...

А отецъ, уронивъ голову на кипу неподписанныхъ бумагъ и счетовъ, унесся съ закрытыми глазами далеко-далеко въ минувшее. Въ то минувшее, когда бѣдный труженикъ, онъ былъ счастливъ съ молодой и красивой женою. Лола—двѣ капли воды мать. А развѣ Лола не считается одной изъ красивѣйшихъ дѣвушекъ Севильи?..

Шестнадцать лѣтъ назадъ Франциско шелъ восьмой годъ, Лолѣ—третій. Донъ Рамонъ служилъ въ Валенсіи въ транспортной конторѣ. Вмѣстѣ съ нимъ служилъ и Доминго Рамиресъ, здоровенный дебоширъ и кутила. Ночи не проходило, чтобъ Рамиресъ не избилъ кого-нибудь на улицѣ, или въ кафэ. И это ему легко удавалось. Такой необыкновенной отличался онъ силой! Лѣнтяй и бездѣльникъ, Рамиресъ потерялъ, наконецъ, мѣсто въ конторѣ и уѣхалъ въ Парижъ. Уѣхалъ не одинъ. Тайкомъ увезъ съ собою донью Инессу, съ которой за спиною мужа была у него связь. И чѣмъ могло плѣнить ее это грубое животное? Однако, плѣнило. Домъ, семью, дѣтей, мужа — все ради него бросила Инесса. А потомъ онъ ее бросилъ. Въ погонѣ за легкимъ хлѣбомъ, Доминго рѣшилъ использовать свое богатырское сложеніе и силу. Въ Парижѣ онъ сдѣлался профессіональнымъ атлетомъ. И кочуя изъ города въ городъ, загребая деньги, онъ вкусно ѣстъ и беретъ глупыхъ женщинъ, спѣшащихъ ему отдаться...

Чтобъ забыться въ своемъ горѣ, донъ Рамонъ послѣ бѣгства жены ушелъ съ головою въ дѣло. И если судьба разбила личное счастье, зато повезло ему въ смыслѣ благосостоянія. На свои сбереженія, скопленныя за нѣсколько лѣтъ, онъ купилъ небольшую померанцевую рощу. Торговля апельси-

нами пошла удачно и бойко. Такъ удачно, что донъ Рамонъ оставилъ даже свою службу. А лѣтъ черезъ двѣнадцать ему дали титулъ одного изъ шести „апельсинныхъ королей“ Испаніи.

Но и этотъ лестный титулъ, и всѣ свои милліоны къ нему же, отдалъ бы онъ за теплый семейный очагъ и за одну улыбку доньи Инессы...

Вотъ какія думы отца вспугнулъ своимъ появленіемъ въ кабинетѣ Франциско.

— Я не помѣшалъ?.. Ты, кажется, вздремнулъ? Вотъ что: мы уѣзжаемъ на два дня въ Кордову съ маркизомъ Санъ-Діонисіо. Тамъ будетъ интересная коррида съ участіемъ Бельмонте. Кстати, мы совершимъ великолѣпную прогулку на автомобилѣ. А въ конторѣ меня замѣнитъ Вентура... Ты позволишь, отецъ?

— Вентура самъ уѣзжаетъ въ Парижъ, сегодня вечеромъ...

Отецъ было раскрылъ уже ротъ, но спохватился.

— Нѣтъ, не скажу, самъ узнаешь!..

— Секретъ?—удивился Франциско.

— Не секретъ. Какіе же могутъ быть дѣловые секреты отъ тебя?.. А такъ... Если тебѣ, даже близкому человѣку, разсказать, можетъ все разстроиться. Примѣта вѣрная... А затѣмъ ты еще, чего добраго, назвалъ бы меня, старика, сумасшедшимъ...

— Я вижу только одно, — съ неудовольствіемъ отвѣтилъ Франциско, — что я лишаюсь интересной прогулки...

— Поѣзжай съ Богомъ, управимся и безъ тебя.

— Ну, спасибо, отецъ. Бѣгу, меня ждетъ маркизъ Санъ-Діонисіо...

4.

Діего не разъ бывалъ въ Парижѣ. Онъ чувствовалъ себя, какъ дома, въ этомъ шумномъ, гигантскомъ городѣ. Наскоро умывшись въ отелѣ, онъ отправился къ Этьену Казо. Отставной борецъ Казо имѣлъ на Монмартрѣ гимнастическую школу. Первоклассным борцомъ Казо никогда не былъ, но считался лучшимъ въ Парижѣ тренеромъ французской борьбы.

Весь день разгуливалъ у себя въ шерстяной фуфайкѣ, усатый, хорошо сложенный и мускулистый Казо. Такъ встрѣтилъ онъ и пріѣзжаго испанца. Вентура объяснилъ:

— Я хочу вызвать Рамиреса и, во что бы то ни стало, бросить его. Въ моемъ распоряженіи десять дней. Можете ли вы меня вытренировать для схватки? Я не новичекъ, знаю борьбу, дѣлаю суплессъ съ противникомъ-легковѣсомъ, на родинѣ считаюсь однимъ изъ лучшихъ пловцевъ, и сердце мое работаетъ, какъ часовой механизмъ...

Казо, мурлыча какой-то мотивъ, зашеве-

лилъ тараканьими усами. Онъ прошелъ огонь и воду и мѣдныя трубы и странное желаніе Вентуры побѣдить Рамиреса не удивило бывшаго борца. Онъ только сказалъ:

— Раздѣньтесь!

Долго, заботливо осматривалъ, ощупывалъ Казо мускулатуру испанца.

— Матеріалъ есть! Я васъ вытренирую. Но Рамиресъ тяжелъ. Надо увеличиться въ вѣсѣ. Жрите чудовищные бифштексы и пейте ведрами густыя сливки. Я васъ вытренирую. Будемъ работать по нѣсколько часовъ ежедневно. Весь девятидневный курсъ обойдется вамъ въ пятьсотъ франковъ.

— Я согласенъ заплатить тысячу и еще двѣ—послѣ побѣды надъ Рамиресомъ.

— Сдѣлаю все возможное,—обрадовался Казо.—Я знаю Ахиллесову пяту Рамиреса. Силенъ, какъ быкъ, но много пьетъ и скоро выдыхается. Не легко его бросить. Не легко, но возможно. Важно выстоять первыя двадцать минутъ. Первыя двадцать минутъ онъ страшенъ. А потомъ,—выдохнется. И его можно припечатать, какъ жирную корову...

5.

Черезъ двѣ недѣли Вентура мчался экспрессомъ въ Мадридъ, возвращаясь въ Севилью. Къ концу тренировки ему наскоро пришлось запастись готовымъ платьемъ. Онъ такъ напружился весь „нагулянными“ крѣпкими му-

скулами, что старые костюмы были тѣсны ему и трещали по швамъ.

Однимъ видомъ своимъ Діего вызвалъ восторгъ у патрона.

— Молодецъ, какой молодецъ! — восклицалъ Бустиндуй.—Неузнаваемъ сталъ! И расперло-же тебя! Вотъ разнесло! Можно подумать, парень только и дѣлалъ всю жизнь, что боролся, да тяжестями ворочалъ. Ну что? Есть надежда? Что говоритъ французъ?

— Говоритъ, есть... Онъ вложилъ въ меня все, что самъ умѣетъ и знаетъ...

Лола, увидѣвъ своего новіо, всплеснула руками.

— Dios!...

А черезъ два дня газеты и афиши оповѣстили первый дебютъ „непобѣдимаго" Рамиреса. Атлетъ для рекламы, катался по городу въ извозчичьей каретѣ, украшенной цвѣтами. Уличная толпа дивилась его широкимъ плечамъ и массивному, низко выстриженному затылку. Этотъ затылокъ вводилъ въ соблазнъ матадоровъ.

— Вотъ бы проткнуть шпагой,—настоящій быкъ!..

Наперекоръ обычной круглой формѣ, европейскихъ цирковъ, циркъ Севильи устроенъ прямоугольникомъ. Въ центрѣ прямоугольника — арена, окаймленная высокимъ барьеромъ вокругъ. Отъ нея пологимъ амфи-

театромъ ко всѣмъ четыремъ сторонамъ расходятся ложи и мѣста.

Шумъ и гомонъ стоялъ въ переполненомъ публикою циркѣ. Тамъ и сямъ шныряли въ человѣческой гущѣ продавцы сластей, апельсиновъ и всякой прохладительной всячины.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ арены сидѣли въ ложѣ донъ Рамонъ, Франциско и Лола. Спокойнѣй всѣхъ былъ Франциско. Лола нервно теребила пальчиками свой пышный изъ слоновой кости вѣеръ, тонко расписанный миніатюрами, — все сцены изъ боя быковъ. Донъ Рамонъ сидѣлъ блѣдный, кусая губы и впиваясь руками въ малиновый плюшъ барьера.

Гастроли Рамиреса обошлись дирекціи очень дорого. И она рѣшила экономить на всѣхъ остальныхъ номерахъ программы. Поэтому номера были дешевенькіе, дрянные. Сдѣлала нѣсколько круговъ на дурно вычищенной лошади некрасивая, увядшая наѣздница. Покривлялся захудалый клоунъ въ какихъ-то линючихъ тряпкахъ, ни въ комъ не вызвавшій улыбки. Въ такомъ же духѣ и балетный номеръ, и партерные гимнасты. Эти номера были для публики неизбѣжнымъ зломъ. Весь циркъ ждалъ появленія Рамиреса. И вотъ, наконецъ,—и онъ въ лиловомъ шелковомъ трико, нафикстуаренный, напудренный.

Встрѣтили Рамиреса густыми рукоплеска-

ніями. Онъ самодовольно раскланялся, прижавъ къ мощной выпуклой груди голыя руки, въ которыхъ подъ слоемъ жира угадывалась хорошая, хотя запущенная мускулатура.

Слуги въ униформѣ бросились помогать атлету. Преувеличенно сгибаясь, тащили они на арену тяжелыя штанги, чугунныя колеса, желѣзные стержни.

Рамиресъ жонглировалъ металлическими шарами, величиною съ дѣтскую голову, подбрасывая ихъ чуть ли не къ самому куполу цирка. Онъ положилъ себѣ на плечи желѣзный стержень. Шесть человѣкъ въ униформѣ уцѣпились за стержень, и съ этимъ живымъ вѣсомъ онъ дважды обошелъ арену по кругу. Потомъ Рамиресъ нѣсколько разъ „выжалъ" надъ головою чугунное колесо отъ вагона и отшвырнулъ его съ такою силою, что оно ушло наполовину въ песокъ.

Публика горячо встрѣчала всѣ эти трюки. Слышалось въ заднихъ рядахъ:

— Ole, Рамиресъ, ole! Да здравствуетъ самый сильный человѣкъ въ Испаніи!..

Плохо приходилось бѣдному вѣеру въ трепещущихъ пальчикахъ Лолы... Этотъ страшный человѣкъ, съ улыбкою работающій такими чудовищными тяжестями,—способенъ изломать, искалѣчить ея дорого новіо... Старый Бустиндуй тоже упалъ духомъ.

„Нѣтъ, не увидѣть ему посрамленнымъ этого мерзавца"!..

Слуги унесли тяжести. Режиссеръ во фракѣ вышелъ на средину арены:

— Почтенные кабалеросы! Нашъ знаменитый атлетъ и борецъ Доминго Рамиресъ вызываетъ желающихъ состязаться съ нимъ во французской борьбѣ. Побѣдителю тутъ же на сценѣ отсчитано будетъ десять тысячъ пессетъ. Есть желающіе?.. Выходите?..

— Есть! — раздался одинокій голосъ. И къ барьеру вышелъ Діего Вентура въ желтыхъ шнурованныхъ башмакахъ и въ черномъ трико съ наброшеннымъ поверхъ длиннымъ плащемъ.

Рамиресъ въ наполеоновской позѣ, скрестивъ на груди бревноподобныя руки, смѣрилъ снисходительнымъ взглядомъ отважившагося выступить противъ него смѣльчака.

Циркъ заволновался. Многіе узнали Вентуру.

Приблизившись къ Діего, режиссеръ сказалъ:

— Дайте вашъ плащъ, и милости просимъ на манежъ...

И вотъ они стояли другъ противъ друга, тучный, въ лиловомъ шелкѣ Рамиресъ и стройный, мускулистый, рядомъ съ нимъ такой тоненькій въ своемъ черномъ суровомъ трико—Діего Вентура. Всюду поспѣвающій режиссеръ, со свисткомъ наготовѣ, уже вошелъ въ роль арбитра. Вначалѣ первое мгновеніе, не овладѣвъ еще собою, Діего волно-

вался. Онъ зналъ, гдѣ сидитъ любимая дѣвушка, но боялся туда взглянуть.

Какое-то суевѣрное чувство мѣшало...

Короткій, пронзительный и острый въ затаившейся нѣмой тишинѣ,свистокъ арбитра.

Борцы сошлись въ традиціонномъ рукопожатіи. Рамиресъ, не коснувшись руки противника, хотѣлъ сразу швырнуть его на коверъ могучимъ обхватомъ передняго пояса. Но Вентура, призомъ для котораго было не десять тысячъ песетъ, а прекрасная Лола, слѣдилъ за малѣйшимъ движеніемъ Рамиреса. И не успѣлъ атлетъ заключить его въ свои медвѣжьи объятья, какъ получилъ упругій толчекъ въ грудь, задержавшій его. А Діего, ловко отскочивъ назадъ, ощетинился въ крѣпкой выжидательной стойкѣ... Это вызвало одобрительный гулъ. Любитель сразу овладѣлъ симпатіями.

Раздраженный первой неудачею, презирающій этого мальчишку всей душой стараго профессіонала, Доминго Рамиресъ обрушился на него своей тяжестью, въ надеждѣ раздавить, сломать... Но всюду встрѣчалъ онъ сильныя руки, отбивавшія его увѣсистыя атаки. А когда пальцы ихъ переплетались, Рамиресъ убѣждался въ томъ, что у мальчишки грифъ хоть куда! И были моменты, что Рамиресъ не безъ труда освобождалъ свои руки отъ цѣпкихъ захватовъ Діего. Такъ боролись они минутъ шесть подъ неистовые крики толпы амфитеатра... Наконецъ,

Рамиресъ, изловчившись, ринулся на Діего такъ, что Вентура всѣмъ своимъ тѣломъ „влипъ" въ него. И тотчасъ же руки Доминго сплелись вокругъ пояса Вентуры, и, сжавъ его такъ, что затрещали кости, Рамиресъ высоко его поднялъ...

Моментъ—убійственный для Вентуры. Атлетъ схватилъ его мертвымъ переднимъ поясомъ, отъ котораго нѣтъ спасенія. И тишина вдругъ такая настала, — хрипящее горѣніе газа въ матовыхъ шарахъ слышно было. И среди этого напряженнаго безмолвія раздался вдругъ крикъ... Что-то дикое было въ этомъ воплѣ. И всѣ оглянулись на ложу, гдѣ сидѣлъ Бустиндуй съ дочерью и сыномъ. Это Лола закричала, увидѣвъ, что ея новіо грозитъ гибель...

Рамиресъ, сжимая въ своихъ тискахъ Вентуру, невольно самъ взглянулъ по направленію, откуда раздался этотъ неистовый вопль. И, къ своему ужасу, Рамиресъ узналъ донью Инесу, которую онъ много лѣтъ назадъ такъ безжалостно бросилъ. Она! Она! Нѣтъ сомнѣній!.. И онъ похолодѣлъ, загипнотизированный этимъ карающимъ призракомъ...

И случилось то, чего никто не ожидалъ. Вентура использовалъ это оцѣпенѣлое замѣшательство противника... Ловкимъ и сильнымъ движеніемъ онъ опрокинулся назадъ, увлекъ въ своемъ паденіи Рамиреса и, бокомъ упавъ на „мостъ", бѣшенымъ броскомъ

перевернулъ борца на спину и прижалъ его грудью... Судорожно забился Рамиресъ, лежа на лопаткахъ. Вентура, какъ тигръ, не выпускалъ своей добычи...

Арбитръ волей-неволей долженъ быть дать свистокъ. Безуміе восторга охватило весь циркъ. Какіе-то мальчишки потокомъ хлынули на арену и, схвативъ Вентуру, понесли его, сами не зная куда.

Гнѣвный, красный, съ дрожащей челюстью, потрясая бревноподобными руками, Рамиресъ что-то говорилъ... Но его никто не слышалъ средь адскаго шума. Да и не хотѣлъ слышать...

— Деньги! Деньги!.. Подай сюда десять тысячъ песетъ! — ревѣла толпа, способная, готовая разнести циркъ, если атлетъ не исполнитъ своего обѣщанія.

Рамиресъ сбѣгалъ куда-то и вернулся съ пачкою кредитокъ. Пытаясь перекричать толпу, онъ заявилъ:

— Здѣсь только четыре съ половиною тысячи!.. Завтра я возьму въ банкѣ остальныя!..

И онъ протянулъ деньги Вентурѣ, сбѣжавшему отъ поклонниковъ — мальчишекъ. Но Вентура не взялъ денегъ.

— Можешь ихъ спрятать... Они тебѣ пригодятся!..

Этотъ красивый жестъ вызвалъ новый энтузіазмъ южной толпы...

Кто-то душилъ Вентуру въ объятіяхъ цѣловалъ, смачивая его щеки теплыми слезами. Это былъ донъ Рамонъ...

Въ ложѣ Франциско приводилъ въ чувство потерявшую сознаніе Лолу.

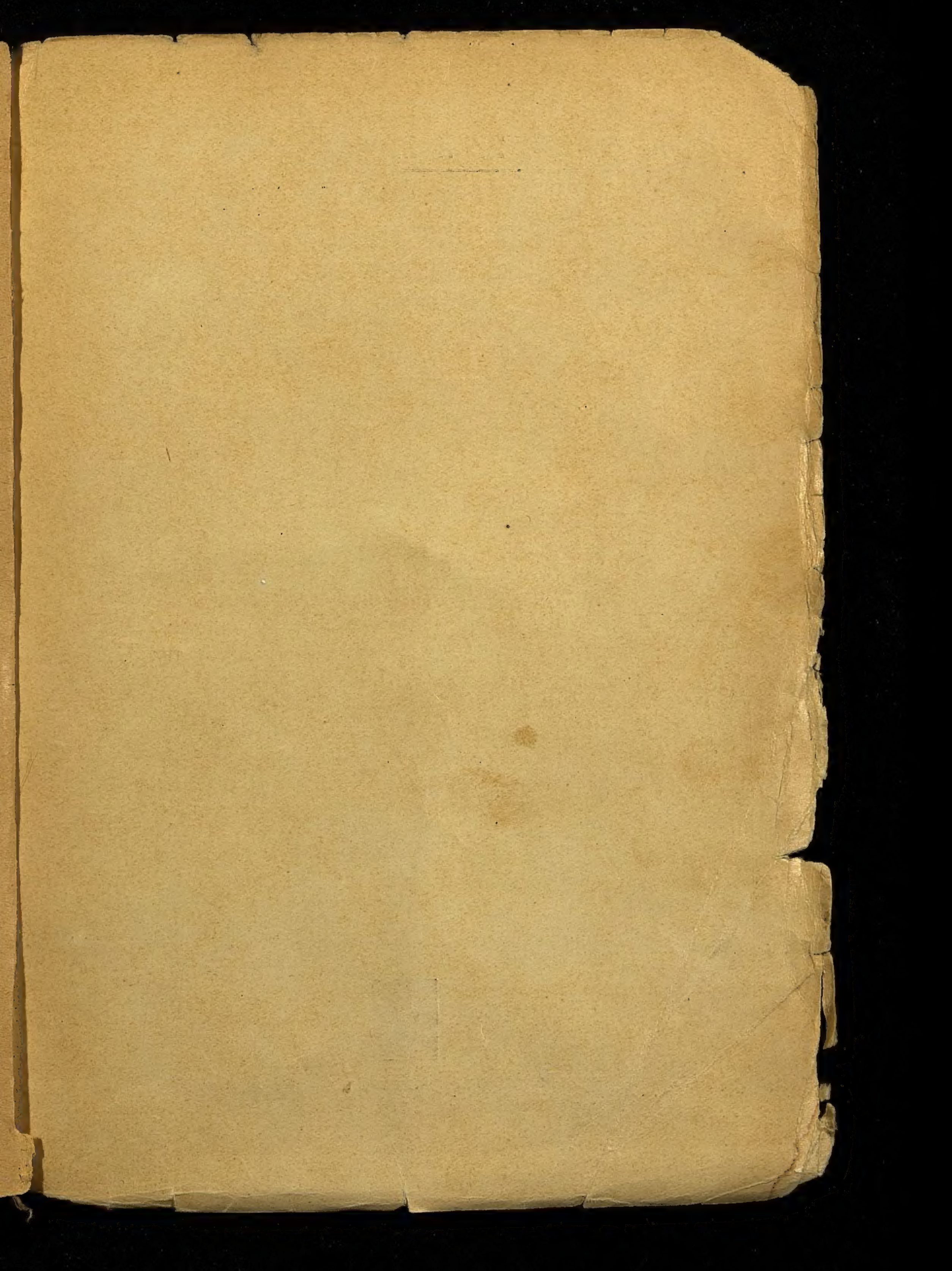
На другой же день, посрамленный Доминго Рамиресъ бѣжалъ изъ Севильи, заплативъ неустойку дирекціи.

А черезъ недѣлю въ каѳедральномъ соборѣ самимъ архіепископомъ торжественно обвѣнчаны были Діего Вентура и Лола Бустиндуй.

Вѣсть о безславномъ пораженіи Рамиреса, брошеннаго молодымъ любителемъ, съ быстротою телеграфной проволоки облетѣла не только Испанію, но и всю Европу. Рамиреса никто не ангажировалъ. Онъ утратилъ всякій интересъ и скоро спустилъ всѣ свои сбереженія, превратившись въ бездѣльника и пьянчужку. Даже въ ярмарочные балаганы и тамъ не брали его. Кончилъ онъ гдѣ-то на югѣ Франціи подъ заборомъ...

Такъ отомстилъ ему за свою жену „апельсинный король“.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: Петроградъ, Жуковская, 7.

КЛИШЕ И ПЕЧАТЬ ОБЛОЖКИ ИСПОЛНЕНЫ ВЪ ХУД.-ГРАФИЧ.
ЗАВЕДЕНІИ «У Н І О Н Ъ». ПЕТРОГРАДЪ, Б. КАЗАЧІЙ ПЕР. 11